ISSN 1829-0485

Вестник Российско-Армянского Университета

гуманитарные и общественные науки

ISSN 1829-0450

(13)

Издательство РАУ

N 2/2012

Российско-Армянский (Славянский) университет

Печатается по решению

Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

Главный редактор: *д. филос.н., проф. К.А. Мирумян*

Редакционная коллегия:

Аветисян С.С., д. юр. н., проф.; Котанджян Г.С., д. пол. н., проф.; Мелконян А.А., д. ист. н., член-корреспондент НАН РА.; Ованесян С.Г., д. филос. н., проф.; Суварян Ю.М., д. эк. н., академик НАН РА; Саркисян О.Л., к. филос. н., доцент (отв. секретарь); Берберян А.С., д. пс. н., доцент; Сандоян Э.М., д. эк. н., проф.; Хачикян А.Я., д. фил. н., проф.; Авакян М.Э., к. фил. н., доцент

(13)

Издательство РАУ

N 2/2012

Редакционно-издательский совет

«Вестник» РАУ

Председатель РИС «Вестник» РАУ – ректор РАУ*,* член-корреспондент НАН РА, *д. эк. н., проф. Дарбинян А.Р.*

Заместитель председателя РИС «Вестник» РАУ – проректор по науке РАУ, д. филос.н. *Аветисян П.С.*

Состав РИС «Вестник» РАУ:

Амбарцумян С.А., академик НАН РА; *Бархударян В.Б.*, академик НАН РА; *Григорян А.П.*, академик НАН РА; *Казарян Э.М.*, академик НАН РА; *Суварян Ю.М.*, академик НАН РА, д.экон.н., проф.; *Мирумян К.А.*, д.филос.н., проф.

Журнал входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА

Российско-Армянский (Славянский) университет, 2012г.

ISSN 1829-0450

© Издательство РАУ, 2012

О Г Л А В Л Е Н И Е

СТАТЬИ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

СТАТЬИ

К 1400-летию со дня рождения
великого армянского ученого и педагога
Анания Ширакаци

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И УЧЕБНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ АНАНИЯ ШИРАКАЦИ

К.А. Мирумян

Великий армянский мыслитель, математик, календаровед, космограф, географ, педагог–основоположник естественно-научного направления в истории армянской философской мысли **Анания Ширакаци** или *Щиракуни* (605/610-685/690) родился в селении Анеанк (или Ширакаван) Ширакской области. Первоначальное образование получил в местной Дпреванкской школе, которая, наряду с известными школами Сюника, Вагаршапата, Ерасхадзора и др., являлась одним из лучших учебных заведений Армении того времени. Здесь обучали языкам, грамматике, риторике, искусству письма и счета, философским, естественнонаучным, богословским и другим дисциплинам. В своей автобиографии Ширакаци пишет, что он «изучил всю науку нашего народа армянского и стал сведущим в боговдохновенных писаниях»[1].

Еще в период обучения Ширакаци приходит к весьма интересному и важному выводу, что без фундаментальных математических знаний невозможно глубокое и всестороннее овладение философской наукой: «Сильно чувствуя в себе недостаток искусства счисления, я рассудил, что ничего нельзя обосновать без [знания теории] чисел, считая ее ***матерью*** (основой) ***всех наук*** (подчеркнуто нами – К.М.)»[2]. В данном случае речь идет о естественных науках, которые вместе с математическими науками и метафизикой (теологией) в эллинистическую эпоху входили в сферу теоретической философии. Иными словами, Ширакаци подчеркивает огромное значение математики, особенно для естественных наук. У него фактически вырисовывается идея математического естествознания, что было абсолютно незакономерно для той эпохи. Известно, что эта идея стала достоянием науки лишь в Новое время. Этот вывод впоследствии

становится стержневым принципом всей его научной деятельности.

Однако даже в школах высшего типа Армении учебно-образовательные программы не включали предметы второго уровня эллинистического высшего образования (науки квадривиума – kvadrivium) во всей полноте и глубине, а также не было соответствующих специалистов и преподавателей, даже литературы по этим наукам на армянском языке. Стремление к совершенствованию своих познаний, более глубокому изучению естественнонаучных и математических дисциплин вынуждает его покинуть родину и отправиться «в страну Греческую», а точнее: в Западную Армению, которая в тот период входила в состав Византийской империи. Он побывал в Карине-Феодосиполе, Синопе, полгода обучался у математика Кристосатура в Четвертой Армении[3]. Вскоре разочаровавшись в научно-педагогических познаниях учителя и убедившись, что тот «не в совершенстве владеет» математической наукой, Ширакаци отправляется в столицу Византийской империи Константинополь. По дороге он встречает своих соотечественников и по их совету едет в Трапезунд к византийскому ученому Тюхикосу, сведущему якобы не только в естественных и математических науках, но и в армянской словесности, так как долгое время служил в Армении в составе греческих войск.

В школе Тюхикоса Ширакаци в течение 8 лет изучал предметы «квадривиума», многочисленные рукописи его богатейшей библиотеки по искусству, истории, медицине, церковные и языческие и особенно те, «которые не были еще переведены на наш (армянский) язык»[4]. Таким образом, Ширакаци основное внимание уделял изучению тех трудов (и наук), которые не были переведены на армянский язык в Армении и не были известны на родине. Естественно, что в первую очередь имеются в виду естественные и математические науки.

Из этих, а также ряда косвенных свидетельств следует, что в деле научного роста Ширакаци определяющую роль сыграли, в первую очередь, его незаурядный талант, неуемная жажда знаний, приобретенные на родине знания и богатейшая по тем временам библиотека Тюхикоса, где он фактически работал самостоятельно[5].

Данный вывод кажется вполне приемлемым, так как на родине он получил добротное образование, что могло послужить базой для дальнейшего самосовершенствования в науках. Кроме того, во время своих странствований он убеждается в том, что не только в Армении, но и на всем пространстве огромной Византийской империи нет ни одного ученого-математика, который смог бы удовлетворить его научную любознательность. Наконец, у Тюхикоса он обнаруживает научную библиотеку, что позволяло ему хотя бы самостоятельно углубиться в область естествознания и математики. Сказанное полностью соответствует историческим реалиям, ибо, как показывают исследования, естествознание и математика, как теоретические дисциплины, в ту эпоху перестали быть обьектом научного изучения и были исключены из учебно-образовательных программ.

К тому же, сведения о Тюхикосе как о великом ученом и педагоге сохранились только у Ширакаци. Об этом молчат как армянские, так и греческие источники. О его существовании не знали даже в соседних районах Трапизона. Возвеличивание же византийского ученого, по-видимому, нужно было для того,

чтобы вернувшись на родину смог обосновать основательность и всеобъемлющий характер своего образования. Дело в том, что начиная с эпохи Античности для определения степени познаний философа и ученого часто определяющее значение придавалось научно-философскому авторитету, славе его учителя и руководимой им школы, что в эпоху Средневековья также было весьма распространенным явлением. Следует отметить, что данный принцип действовал и в последующие века вплоть до наших дней.

После 11 лет странствований Ширакаци возвращается на родину. Руководствуясь патриотическими соображениями, он стремится передать приобретенные систематические знания молодому поколению. С этой целью он в конце 40-х (или в 50-х) годов разворачивает бурную научную и просветительскую деятельность, основывает естественнонаучно-математическую школу высшего типа, где основное внимание уделялось изучению математических дисциплин – арифметики (теории чисел), музыки (теории), геометрии, астрономии (наук квадривиума). Здесь обучали также теории и истории календаря, космографии, географии, философии, армянскому языку и др. наукам. Возможно, Ширакаци преподавал также богословские науки, однако об этом не сохранились исторических сведений, как и нет сведений о создании им богословских трудов.

До этого времени действующие в Армении школы давали преимущественно высшее гуманитарное образование, которое включало предметы первой ступени эллинистического высшего образования (науки «тривиума» – trivium): грамматику, риторику и логику (или диалектику). Правда, школьные программы включали также элементарные естественнонаучные и математические знания, однако науки квадривиума в полном обьеме не были включены в учебные программы, и высшее образование армянская молодежь получала в западных научно-образовательных центрах.

В отличие от предшествующей системы высшего образования, стержень учебно-образовательной программы, созданной Ширакаци школы, составили математические науки – науки «квадривиума», то есть предметы второй ступени эллинистического высшего образования. Основанная им школа высшего типа своей естественнонаучной и математической направленностью и содержанием обучения, фактически, была призвана компенсировать существенный пробел в национальной системе образования, поднять ее на уровень эллинистического периода.

Вскоре созданная им школа приобретает большую известность: сюда стекается молодежь из разных краев и областей Армении для получения образования у знаменитого ученого и педагога. Основным принципом подбора слушателей было наличие у отроков стремления к знаниям, их природная любознательность. «Я никому не препятствовал, кто хотел учиться, и впредь не буду препятствовать никому. И это же самое я завещаю вам помнить всегда, вардапеты: не препятствуйте тем, кто любознателен и желает учиться»[6] – вот основной педагогический и социально-гуманистический принцип и требование Ширакаци, которыми руководствовался сам и то же самое завещал будущим поколениям преподавателей и руководителей школ.

Следует отметить, что в рассматриваемую эпоху как на Западе, так и на Востоке не было высшей школы с естественнонаучной и математической

направленностью и содержанием обучения. Исследователи в качестве единственного примера подобной щколы приводят школу Тюхикоса, к тому же ссылаясь лишь на сообщение Анания Ширакаци[7].

Он воспитал и обучил многочисленных учеников, ставших по примеру своего учителя последовательными пропагандистами науки и просвещения в Армении. Естественно, научно-педагогическая и просветительская деятельность Ширакаци, естественнонаучная направленность его мировоззрения и созданной им программы обучения вызвали недовольство у части ортодоксальных деятелей армянской церкви.

Ширакаци жил в эпоху укрепления феодальных отношений, усиления антифеодальных и антицерковных движений в стране, борьбы народа против иноземных завоевателей, являвшихся факторами, способствующими росту национального самосознания. Это, в свою очередь, требовало постановки и разрешения целого ряда актуальных теоретических, практических, а также организационных и дидактических проблем, что было связано также с состоянием действующей в стране школьной системы, особенно ее высшего звена. Хотя в армянских школах и преподавались семь «свободных искусств», но наиболее распространенным было преподавание гуманитарных дисциплин (наук тривиума). Созданная им школа была призвана восполнить пробел, существующий в системе образования, реализовав тем самым одну из назревших социально-культурных потребностей народа, благодаря чему она стала очагом распространения свободолюбивых идей и просвещения молодого поколения.

Данное предприятие с необходимостью требовало не только разработки новой учебно-образовательной программы, методики обучения, но и создания соответствующей учебной литературы, обоснования мировоззренческих, идеологических и методологических принципов и ориентиров. Не надо забывать также, что речь идет о раннем Средневековье, когда христианство являлось господствующим мировоззрением и идеологией, когда как на греческом Востоке, так и на латинском Западе теоретические естественнонаучные исследования отошли на задний план, и первостепенное значение приобрели церковно-религиозные и богословские проблемы, а наука ограничивалась решением сугубо пратических и прикладных задач.

Будучи выдающимся ученым-философом, Ширакаци понимал, что под свои учебно-образовательные цели и задачи необходимо подвести соответствующую научно-теоретическую базу. Исходя из этого, он на основе трудов **Аристотеля** (384–322гг. до н.э.)и **Давида Непобедимого** (*Анахта)* (V–VIвв.) разрабатывает свою систематизацию и классификацию наук и представляет армянскому католикосу **Анастасу Акораци** (661–667 гг.). Как известно, классификация наук в эллинистическую эпоху лежала также в основе учебных программ высшего образования.

Одновременно для облегчения процесса реализации своей программы ученый-педагог предпринимает создание необходимой научной и учебной литературы, которой не было в Армении. Ширакаци – автор многочисленных учебников и руководств почти по всем известным к тому времени естественным и математическим наукам. снабженных методическими советами и указаниями,

С целью внедрения в систему обучения цикла наук второй ступени

высшего образования Ширакаци написал в соответствии с разработанной им новой учебной программой сводный труд «Кнникон», в котором обобщены, систематизированы и на базе синтеза по-новому, творчески осмыслены достижения античной и национальной науки, а также патристической мысли. Основанный на данных естественнонаучных и математических дисциплин, данный труд включал все основные разделы этих наук. В своих трудах он широко использовал также результаты своих астрономических наблюдений и естественнонаучных исследований. Отдельные части этого программного труда одновременно имели самостоятельную ценность и значение. Свидетельством этому явлется то, что впоследствии они рассматривались в качестве самостоятельных произведений[8]. Важнейшими из сохранившихся трудов являются: «Космография», «География», «Теория календаря», «Автобиография», учебник по арифметике, являющийся одним из древнейших памятников подобного рода в истории мировой математической мысли и др.

Известный советский историк арифметики И. Депман в этой связи отмечает, что в смысле древности математической культуры среди народов Советского Союза на первом месте армяне. Так, Ширакаци в своих работах, кроме сугубо математических задач, затрагивает также другие вопросы: о шарообразности земли, затмениях Луны и солнца, полигональных числах, календароведческих расчетов, солнечных часах, и все это он выразил в эпоху, когда у европейских народов почти никто не занимался исследованием этих вопросов[9].

Сохранившиеся отрывки из учебника по арифметике Ширакаци относятся не к теории чисел (науке из цикла квадривиума), а к логистике – сфере практической арифметики – искусству счисления. Принимая во внимание структурный принцип научных и учебных работ армянского ученого – переход от общего к частному (дедуктивный метод изложения), иными словами – от изложения теоретических основоположений к рассмотрению практически значимых вопросов, а также характер отрывков, можно согласиться с предположением академика И. Орбели, что учебник имел и «теоретическую часть»[10].

В трудах Ширакаци обобщены, систематизированы и на базе синтеза переосмыслены многие достижения античной и предшествующей национальной философии и науки, а также богословской мысли. Он широко использовал также результаты своих собственных научных исследований природы, в частности, астрономических наблюдений и естественнонучных изысканий.

Труды Ширакаци, написанные по определенной программе, естественно, внутренне взаимосвязаны и имеют общую направленность, образуя некую целостность, свод сочинений, что призвано было обеспечить полноценную реализацию естественнонаучной и математической программы образования. А так как учебно-образовательные программы, как правило, основывались на классификации наук, поэтому труды Ширакаци также имели как учебное, так и научное значение.

Исследование научного наследия Ширакаци и сочинений некоторых последующих армянских мыслителей, в частности, Григора Магистроса

позволяет реконструировать общую схему его классификации наук, следовательно, и содержание учебно-образовательной программы. Сам Ширакаци отмечает, что основным предметом, сферой его научных интересов является теоретическая философия, которая занимается познанием сущности всего сущего. А согласно традиции античной и эллинистической классификации, теоретическая философия делится на естествознание (или физику), математику и метафизику (в эпоху Средневековья – теологию). Метафизика считалась высшей ступенью теоретической философии, поэтому необходимо было предварительно и поочередно изучить естествознание и математику, после чего уже приступить к изучению метафизики. Следовательно те, кто заранее не обучился естественным и математическим дисциплинам, тот не может претендовать на усвоение метафизики.

Научно-педагогическая деятельность Ширакаци целиком и полностью умещается в рамки классификации наук и программы высшего образования, предложенных Давидом Анахтом. Правильнее сказать, что его научное наследие преимущественно касается одной из подструктур классификации Давида Анахта, а точнее: двух частей теоретической философии (естествознания и математики).

Если ученые, занимающиеся сугубо теоретической (умозрительной) философией, то есть метафизикой или богословием, должны свое исследование начать с бестелесного, безначального сущего, безначального начала, которое является причиной возникновения материального, потом только постепенно перейти к изучению материального, то изучающие материальный мир ученые, наоборот, должны начать исследование с изучения материальных предметов и естественных явлений, затем перейти к математике и лишь в конце обратиться к абсолютно нематериальному, то есть сфере божественного, теологии.

Следует отметить, что в суждениях Ширакаци нет противоречия, как может показаться на первый взгляд. В действительности же ученый-педагог выдвигает серьезную методологическую проблему о соотношении научного (в историческом и логическом смысле) и учебно-образовательного процессов, об очередности расположения наук в системе классификации наук и последовательности их преподавания. Из логики суждений армянского ученого следует, что исторические этапы научного познания и последовательность учебно-образовательных дисциплин двигаются в противоположном друг другу направлении. Так, если человеческое познание исторически началось с созерцания и изучения неба, то и научное исследование, как система, должно начаться с познания нематериального. Однако в противоположность этому учебно-образовательный процесс должен предусмотреть последовательный переход от изучения наук о материальном.

В условиях господства религиозного мировоззрения Ширакаци обращался к наследию Античности как источнику знаний, акцентируя внимание на разработке и пропаганде достижений древнегреческой науки и философии. По своему образу мышления Ширакаци принадлежит к армянской школе позднего эллинизма.

Один из главных принципов научно-педагогического мышления Ширакаци заключается в придании математическому знанию методологической функции. Он высоко оценивает познавательное и научное значение математики и ее статус в системе наук своего времени, считая ее «матерью всех наук». При этом, говоря

«все науки», он имеет в виду науки, изучающие систему природы, поэтому упомянутая характеристика математики не распространяется на теологию. Одновременно, это не означает игнорирование теологии как науки, как нередко полагают исследователи. Вместе с тем, следует отметить, что в его подходе вырисовывается размежевание сфер теологии и естествознания с математикой.

Поэтому отнюдь не случайно, что одной из особенностей научно-философского и педагогического наследия Ширакаци является связь с жизненными реалиями, практическими потребностями людей, о чем свидетельствует, в частности, содержание его математических и географических работ. В этом смысле важное значение имеет мировоззренческий принцип ученого, согласно которому так как весь мир был создан для человека, то и результаты деятельности человеческого разума – наука и образование, также должны служить человеку. При этом они играют двоякую роль – теоретико-познавательную и практическую. Если Давид Анахт подчеркивает роль практических потребностей людей в деле возникновения наук, то Ширакаци подчеркивает их значение в жизнедеятельности людей.

Мыслитель и педагог в деле формирования и совершенствования человеческой личности решающее значение придавал образованию и воспитанию, не игнорируя при этом роли генетической, прирожденной способности. С одной стороны, он выступает против абсолютизации роли последней, так как в противном случае умалялось бы значение воспитательного и образовательного факторов, не говоря уже о роли и значении самосовершенствования. С другой – он рассматривает природные задатки всего лишь как предпосылки, потенциальные возможности, которые еще следует раскрыть, развить и совершенствовать посредством образования и воспитания. Так зло, злодеяния (в этическом значении) есть не прирожденное, неотьемлемое свойство человека, а следствие аномалии или пробела в процессе воспитания и обучения, а также отрицательного влияния окружающей социальной среды. Следовательно, Ширакаци глубоко осознавал значение не только школьного и индивидуального обучения и воспитания, но и всю значимость социального фактора в вопросе становления морально-духовного и гражданского облика человека.

Приведенные общие принципы обусловили более конкретные методические и дидактические принципы, часть которых была нова для того времени и не потеряла своего значения и в последующие эпохи.

Внедрение в школьно-образовательную систему естественных и математических дисциплин требовало разработки целого спектра методологических, методических и дидактических подходов и принципов, многие из которых имеют общепедагогическое значение. Поэтому произведения Ширакаци содержат многочисленные методические и дидактические принципы, указания и советы, которые составляют целостную систему.

В высшей школе Ширакаци, кроме теоретических наук «квадривиума», преподавались также теория и история календаря, география, наука о мерах и весах, метеорология и др., которые были тесно связаны с науками «квадривиума», составляя ряд смежных прикладных наук.

Он разработал новую методику и программу обучения, в частности, естественнонаучных и математических дисциплин.

Программа Ширакаци представляет значительный интерес с точки зрения

развития учебно-образовательной концепции, последовательности изучения учебных дисциплин, роли учебно-образовательной системы. Так, в отличие от действующей на латинском Западе образовательной системы, программы обучения (последовательное изучение наук «тривиума» и «квадривиума») – двух ступеней средневекового высшего образования, разработанная Ширакаци система обучения предполагала по завершении изучения наук «квадривиума» вновь обратиться к изучению предметов «тривиума», но уже на качественно ином уровне, с привлечением ряда других, но тесно связанных с науками «тривиума» и имеющих прикладное назначение дисциплин[11].

Ширакаци одновременно был носителем национально-политических, гражданских и духовно-культурных ценностей и устремлений, великим патриотом, который стремился не только к повышению научно-теоретического мышления учебно-образовательного уровня, но и идейного, патриотического воспитания нации. С этой целью он, подобно многим своим предшественникам, обращается к историческому прошлому нации, различным сферам национальной жизни. В этом смысле значительный интерес представляют некоторые его арифметические задачи, которые знакомят учеников со славными страницами национальной истории. В них в опосредованном виде обосновывается также необходимость национально-освободительной борьбы армянского народа и возможность достижения победы, что в условиях арабского владычества приобретало и идейно-политическое звучание. В качестве примера приводим содержание первой задачи.

«От отца я слышал следующую [историю]. Во время войны армян против персов Зорак Камсаракан совершил великие деяния. В течение одного месяца он трижды нападает на персидские войска. В первый раз он истребляет половины [персидского] войска, преследуя во время второй атаки истребляет четвертую часть, во время третьей атаки – одиннадцатую часть, а остальные, численностью в двести восемьдесят [человек] бегут в Нахичеван.

Итак, по числу оставшихся [в живых персов] мы должны определить, какова была общая численность [персидского войска] до истребления.

(Решение первой задачи: до уничтожения было 1760 всадников)»

Согласно Ширакаци, преподавание любой учебной дисциплины или составление учебного пособия (как и изложение научного трактата) необходимо начать с общетеоретического введения, в котором рассматриваются наиболее общие, фундаментальные и методологические проблемы, касающиеся всего содержания данной учебной (и научной) дисциплины, ее структуры и основной проблематики. Лишь после этого следует обратиться к освещению отдельных разделов и относительно частных вопросов, как составных частей некоего единого целого. Так, в своем труде «География» он пишет: «И вот, так как мы завершили общую часть [науки географии], теперь начнем говорить об отдельных странах»[12]. Данный принцип имеет весьма важное научное и педагогическое значение, так как в противном случае любая научная дисциплина превратится в механическую сумму частных, фрагментарных знаний и сведений. В таком случае научная дисциплина лишается целостности и системности, то есть перестает быть наукой.

Этот принцип Ширакаци распространяет не только на все остальные

науки, но и на целые циклы наук. Так, ряд естественных наук он начинает с «Космографии», которая включала рассмотрение теоретико-методологических основоположений естествознания в целом и отражала важнейшие разделы (дисциплины) естествознания. Иными словами, «Космография» рассматривается им как вводная общетеоретическая наука, научная база для более конкретных естественнонаучных наук.

Главная цель высшего образования – приобщение слушателей (студентов) к истинно научным знаниям. Поэтому преподаваемый учебный материал должен содержать достоверные и истинные в научном отношении знания. Достоверным же и истинным он, в первую очередь, считает тот пласт знания, те концепции и учения, которые в равной мере приемлемы как для языческой (античной), так и для становящейся христианской науки. Таковыми являются также знания, приобретенные учеными опытным путем. В отличие от теоретических знаний, опытные знания не нуждаются в дополнительных аргументах и проверках на истинность. Используемые в ходе преподавания наглядные примеры и факты также должны в обязательном порядке быть убедительными и твердыми.

Из этого принципа следует другое дидактическое требование Ширакаци: нет надобности в систематическом и скрупулезном изложении и преподавании многочисленных ненаучных или паранаучных учений. Тем не менее, он считает необходимым хотя бы вкратце ознакомить с ними слушателей и читателей, чтобы они смогли не только составить общее представление о них, но и имели возможность ознакомиться с характером содержащихся в них ошибок, с породившими их причинами и вытекающими из них последствиями. Ибо только в этом случае студенты могут быть ограждены от злотворного влияния неистинных и опасных учений. Кроме того, предупреждает ученый-педагог, следует учесть и то обстоятельство, что неистинные учения не являются однородными, ибо среди них встречаются как более или менее сносные, так или иначе соприкасающиеся с истиной, так и абсолютно ошибочные. Поэтому в отношении отвергаемых или подвергаемых критике учений необходимо проявлять дифференцированный подход. Вместе с тем, лже-учения и лже-учителя часто пытаются восполнить или заменить отсутствие истинное знание красноречием, приукрашенным словоблудием, однако никакое красноречие, по его мнению, никоим образом не может восполнить, а тем более заменить научную истину, ибо «красноречие находится вне истины»[13]. Поэтому ученый или преподаватель должен со всей ответственностью подойти к оценке и освещению подобных учений.

Ширакаци разработал ряд важнейших дидактических принципов и методов, некоторые из которых были новы для того времени.

Простота и ясность формы преподнесения учебного материала, структурного оформления при составлении учебников и методических указаний и советов, в значительной мере способствующих более глубокому и легкому усвоению изучаемого предмета *(метод доступности)*. Данный метод имеет множество способов реализации и проявления, что, по его мнению, способствует решению ряда дидактико-образовательных задач.

Этой же цели служит также принцип упрощения и «избирательного сокращения» учебного материала, так как в рамках любой научной дисциплины

существует множество разнородных, в том числе противоположных, учений и точек зрения, разобраться в которых ученикам и студентам самим не под силу. «Сокращение» и «упрощение» преподносимого материала, прежде всего, необходимо для избежания **излишних** повторов, механического нагромождения материалов и искусственной растянутости изложения, которые существенным образом препятствуют процессу усвоения научных знаний. Однако это должно происходить не за счет и не во вред норм научности. А это, в свою очередь, возможно лишь в том случае, если эти процедуры опираются на определенную учебно-образовательную концепцию с четким видением цели и задач преподавания данной учебной дисциплины. Но такую тяжелую и весьма ответственную задачу может выполнить лишь многоопытный ученый-педагог.

На первой же странице своего учебника по арифметике Ширакаци, обращаясь к ученикам отмечает, что существенно сократил имеющийся под рукой пространный и разнообразный материал по арифметике, чтобы «частыми повторами» не навести скуку, что частично также упростил его, чтобы «ученики смогли глубоко и обстоятельно усвоить его»[14]. Как можно заметить, здесь вырисовывается и другой важный педагогический принцип: преподносимый учебный материал (как и учебный процесс в целом), должен быть не только логически выдержанным, но интересным и приятным для учеников.

Вместе с тем, армянский педагог не умаляет или недооценивает дидактическое значение повторов. Речь в данном случае идет о том, что повторение какого-либо положения, факта или иллюстративного материала в обязательном порядке должно быть оправдано и преследовать определенную научную или дидактическую цель, а именно: «с целью большего подтверждения факта»[15].

Во-вторых, принцип ясности и общедоступности языка и стиля изложения учебных пособий (и научных трактатов) и лекций. По этому поводу Ширакаци пишет: «Я задался целью написать для вас в доходчивой форме, а не труднодоступно, языческие ученые»[16]. Он справедливо указывает на сложность научно-философского языка и стиля изложения древнегреческих философов, что существенным образом препятствовало адекватному восприятию и усвоению содержания их сочинений. Это обстоятельство было обусловлено элитарным характером древнегреческой философии и науки, ибо сочинения древних греков были адресованы представителям лишь избранной, интеллектуальной социальной прослойке, получившей основательное философское образование, которое в тот период было доступно немногим. Поэтому они излагались на соответствующем, вполне понятном для них языке. Главная же задача армянского ученого-педагога заключалась в распространении знания, в том числе естественнонаучного и математического среди самых широких слоев народа, в увеличении числа обучающихся, преданных науке и образованию людей, в вовлечении в учебно-образовательный процесс представителей самых различных социальных слоев. Так, относительно теории календаря, требующей глубоких научных знаний, Ширакаци пишет: «так как немного тех, кто знаком с расчетами, особенно крестьяне, а учение нашего Господа распространилось по всей земле, по этой причине я, Анания, сын Ованеса Ширакуни, составил 500-летний [календарный] круг»[17].

Таким образом, при всей демократичности античного полиса, система образования была элитарной. Позиция же армянского мыслителя носит вполне демократичекий характер.

В-третьих, принцип доступности учебного материала (особенно, в отроческие годы) обеспечивается также путем приобщения учеников к различным сферам жизнедеятельности человека. Так, из сохранившихся 24 арифметических задач Ширакаци пять имеют патриотический характер, восемь относятся к сфере торговли, семь – к бытовой и социальной сфере и четыре – к сфере трудовой деятельности.

В-четвертых, принцип сочетания увеселительных времяпровождений и усвоения знаний, который подобно предыдущим принципам в значительной мере стимулирует процесс формирования и развития математического (и не только) мышления. По этому принципу и с этой целью составлены его занимательные арифметические задачи, которые действительно развивают активность и гибкость мышления, упражняют мысль и вполне пригодны для использования и в современных учебных пособиях и в учебном процессе в целом. Этими задачами, по его мнению, могут пользоваться и взрослые во время застолья для забавы. Для иллюстрации приведем одну из занимательных задач: «Скажи своему товарищу, что сможешь узнать, сколько денег у него в кошельке. Если он скажет «узнай», тогда скажи ему: возьми эту сумму, столько же прибавь к ней, полученную цифру удвой, добавь к этому первую цифру и полученную сумму удвой. Если данные тобой расчеты он выполнит, то независимо от того, взятая цифра была четной или нечетной, полученную им сумму раздели на десять и полученная цифра составит количество денег в его кошельке»[18].

В процессе обучения армянский ученый-педагог важное значение придает концентрации внимания слушателей (и читателей) на наиболее узловых вопросах изучаемого материала (метод прочности).

Использование данного метода, по его мнению, позволяет акцентировать, выделить и правильно понять саму сущность учебного материала, не смешивая и не растворяя ее во второстепенных, несущественных вопросах и сведениях. Так, во вводной части своей «Географии», отметив, что при изложении своего труда он пользовался работой византийского ученого Папа Александрийского «Землеописание», Ширакаци продолжает: «Мы изложили только главное и важное»[19]. Понятно, при этом, что восприятие главного и важного со стороны армянского ученого-философа отнюдь не обязательно, чтобы совпало с восприятием автора использованного труда. Теоретическую обоснованность данного метода он связывает с сущностью логической категории «определение». Поэтому не случайно, что следуя Аристотелю и Давиду Анахту, он чуть ниже отмечает, что «определение – это краткая речь, которая раскрывает сущность подлежащей вещи и заключает в себе то, что относится [только] к ней, а все остальное оставляет вне»[20].

Для обьяснения и наглядного раскрытия содержания рассматриваемых теоретических положений и с целью сделать их более понятными для слушателей и

читателей Ширакаци в качестве иллюстративного материала широко использует данные наблюдений и повседневного опыта, привлекает сведения из окружающего мира и жизненной практики людей (принцип наглядности).

Данный принцип вытекает из его общегносеологического тезиса, согласно которому в научных исследованиях необходимо описать и считать достоверным только то, что «видело око человеческое и на что ступила нога человеческая»[21]. Понятно, что данное гносеологическое требование относится лишь к чувственно-воспринимаемым вещам и явлениям.

Но чтобы сделать более явственными и доступными для восприятия и понимания сверхчувственные, умопостигаемые объекты (структура космоса, положение его структурных составляющих, форму, их взаимосвяь и взаимообусловленность и т. д.) Ширакаци, кроме теоретических и логических построений, использует также, если можно так выразиться, *естественные* и *искусственные* модели. Так, в качестве образца, иллюстрирующего структуру и форму космоса, он использует куриное яйцо или глиняную посуду, наполненную водой, маслом и песком. А в качестве искусственной (рукотворной) модели космоса он указывает на глобус – шар, «скроенный» соответственно теоретической модели космоса. Следовательно, модели играют как научно-познавательную, так и учебно-демонстрационную роль.

Для систематизации и обобщения результатов многочисленных наблюдений за движением небесных тел и с целью сделать их более доступными и наглядными для ученых (и учеников) Ширакаци использует также таблицы. «Итак, я, – пишет он, – Анания Ширакаци, обстоятельно изучил движение и порядок всех дней Луны согласно ее движению и данные зафиксировал в таблицах, желая сделать легкодоступными для всех интересующихся [фазами Луны]»[22].

В процессе преподавания и составления учебных пособий необходимо использовать самые различные, в том числе противоположные литературные и теоретические источники, ибо только таким путем можно осуществить разностороннее раскрытие, освещение и усвоение содержания изучаемого предмета, обеспечить целостное восприятие и усвоение знания. По свидетельству Григора Магистроса, сам Ширакаци широко пользовался трудами халдейских, греческих и ученых других народов[23].

В этом смысле также, то есть при использовании и обработке разнородных письменных источников, большое значение приобретает принцип систематизации и классификации материала, приведение учебного материала в логически стройную и целостную систему. Немаловажное значение имеет также последовательность изложения и выбор очередности рассматриваемых в учебнике вопросов, то есть логически правильное построение текста лекций, преподаваемого материала. В частности, он отмечает, что исследование и обьяснение любой научной проблемы необходимо провести «в своем месте». Только с учетом этого требования возможно обеспечить адекватное толкование и

более полное восприятие со стороны читателей и студентов.

Прежде, чем обратиться к преподаванию и изучению какого-либо учебного предмета или другого конкретного материала, необходимо предварительно психологически подготовить учеников, концентрировать их внимание на важности изучаемого предмета, дабы возбудить у них познавательный интерес, активизировать скрытую природную любознательность. Без такой подготовительной работы вряд ли у студентов возникнет желание и стремление к овладению данным учебным предметом.

В процессе обучения необходимо также учитывать:

А) возраст учеников,

Б) образовательный уровень и

В) интеллектуальные способности слушателей.

Процесс обучения любой учебной дисциплины должен строиться по принципу восхождения от низшего к высшему, от простого к сложному, от легкого к трудному (законы обучения). Этот принцип наиболее отчетливо выражен в его учебнике по арифметике, где Ширакаци пишет: «И вот начинаю с низшего и простейшего, принимая во внимание уровень интеллектуального развития отроков и не имеющих (соответствующих) навыков»[24]. Поэтому в первой главе он излагает действие сложения, называя его «предварительным упражнением». Во второй главе с целью расширения арифметических познаний учеников он излагает действие вычитания, называя его «сверхупражнением». После усвоения этих двух арифметических действий он переходит к изложению действия умножения, которое называет «тройным упражнением», то есть третьей ступенью обучения арифметике (точнее – логистике). За умножением следует деление, а в конце – арифметические и занимательные задачи.

Кроме разработки методических принципов преподавания, наличия соответствующей учебно-образовательной литературы и потенциальных возможностей учеников, для обучения и приобщения к знаниям требуется каждодневный настойчивый труд учеников, ибо труд – основа процесса обучения и приобщения к наукам. Именно благодаря «упорному труду становится легкодоступным польза», то есть приобретение знаний[25].

Трудолюбие, жажда знаний, желание достичь высот познания и истины необходимы, чтобы ученики смогли закончить полный курс обучения, усвоить всю систему знаний, предполагаемых учебно-образовательной программой высшей школы. В противном случае не только обучающийся станет неполноценным специалистом, но и учебно-образовательная система окажется не в состоянии полностью реализовать свою национально-культурную роль, историческую миссию. По этой причине Анания Ширакаци с горечью и болью отмечает, что некоторые студенты, не поняв смысла и назначения высшего образования и не закончив систематический курс обучения, покинули школу и обьявили себя учителями. Великий ученый-педагог и патриот глубоко осознавал всю опасность подобных явлений для национальной жизни.

Анания Ширакаци не только разрабатывал и выдвигал педагогические требования, подходы, методические и дидактические принципы, но и стремился реализовывать их в своей научно-педагогической деятельности. С другой стороны, его научно-философские исследования послужили прочной основой для формулировки и обоснования педагогических идей и принципов.

Ширакаци занимался также переводческой деятельностью, в частности, сохранились сведения о том, что он перевел на армянский язык «Геометрию» Эвклида.

Труды Ширакаци ознаменовали завершениие процесса формирования естественнонаучного направления в истории армянской теоретической мысли и стимулировали его дальнейшее развитие. Разработанная им новая учебно-образовательная программа и методика обучения определили пути последующего развития школьного дела и педагогической мысли в средневековой Армении, в особенности, в эпоху Высокого средневековья (XI–XVвв.), когда изучение и разработка естественнонаучного знания получили новый импульс. Его роль была особенно велика в обосновании значимости естественнонаучного познания мира, концентрации внимания ученых на исследовании космоса и окружающей природы, а также включении естественно-научных и математических наук в систему высшего образования.

Влияние трудов Ширакаци сказалось на воззрениях не только армянских, но и ряда византийских ученых (Лев Математик, Николай Артавазд).

Ширакаци вместе с тем, был носителем и создателем национально-политических и духовных ценностей, великим патриотом, стремящимся не только повысить уровень научно-философского мышления и учебно-образовательного процесса в Армении, но и воспитать армянскую молодежь в патриотическом духе. С этой целью он подобно своим предшественникам обращается к историческому прошлому армянского народа, различным областям национальной жизни. В этом смысле примечательны некоторые его арифметические задачи, где он опосредовано обосновывает необходимость национально-освободительной борьбы народа против иноземных завоевателей и возможность победы, что в условиях арабского владычества приобретало и идейно-политическое звучание и сообщало большой патриотический заряд.

[1] Труды математика *Анания Ширакуни* / Изд. А.Г. Абрамян. Ер., 1944. С. 206. На древнеарм. яз.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] См. также: *Хрлопян Г.Т.* Мировоззрение Анания Ширакаци. Ер., 1964. С.7. На арм. яз.

[6] Труды математика *Анания Ширакуни*. С. 209.

[7] См.: например: *Самодурова З.Г.* Школы и образование // Культура Византии: IV–первая половина VII века. М., 1984. С. 501.

[8] См.: *Матевосян А.С.* «Кнникон» Анания Ширакаци//Вестник общественных наук, 1974, № 7. С. 67. На арм. яз.; *Петросян Г.Б.* Из истории математики средневековой Армении (статьи и публикации). Ер., 1986. С. 52. На арм. и рус. яз.

[9] *Депман И.Я.* История арифметики. М., 1959. С. 18; См.: также: История отечественной математики. Т. I. Киев, 1966. С. 445.

[10] *Орбели И.А.* Вопросы и решения вардапета *Анания Ширакаци*, армянского математика VII века. Петроград, 1918. С. 10.

[11] См.: *Григор Магистрос*. Письма/Изд. К. Костанянца. Александрополь, 1910. С. 7–8. На древнеарм. яз. См. также: *Матевосян А.С.* Указ. статья. С. 71.

[12] Труды математика *Анания Ширакуни*. С. 341.

[13] *Ширакаци Анания*. Избранные труды / Пер., предисл. и комм А.Г. Абрамяна и Г.Б. Петросяна. Ер., 1979. С. 170. На арм. яз.

[14] Труды математика *Анания Ширакуни*. С. 210.

[15] *Ширакаци Анания*. Избранные труды. С. 157.

[16] *Ширакаци Анания.* Космография / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатяна. Ер., 1962. С. 90.

[17] *Ширакаци Анания*. Избранные труды. СС. 172–173.

[18] Там же. С. 63.

[19] Там же. С. 260.

[20] Труды математика *Анания Ширакуни*. С. 339.

[21] Там же.

[22] *Ширакаци Анания*. Избранные труды. С. 248.

[23] *Магистрос Григор*. Письма. С. 8.

[24] Труды математика *Анания Ширакуни*. С. 210.

[25] Там же. С. 212.

ОБРАЗОВАНИЕ В СВЕТЕ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (STATE-BUILDING): К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ СОЧЕТАНИЯ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

П.С. Аветисян, А.Г. Айрапетян

Статья посвящена анализу роли образования в процессе государственного строительства. В связи с утверждением императива модернизационного развития, которое отождествляется с инкорпорацией западных институциональных моделей и системы ценностей, поставлена проблема выбора моделей государственного строительства, сочетающих национальные особенности и традиции с инновациями в процессе модернизации. В свете концепции «мягкой силы» образование представлено в качестве того пространства, посредством которого может происходить распространение (экспансия) определенной нормативно-ценностной системы. Отдельное внимание уделено проблемам модернизации самой образовательной системы.

Ключевые слова: государственное строительство (state-building), образование, модернизация, «мягкая сила», современные общества, традиционные общества.

Под государственным строительством (state-building) в узком смысле этого слова понимается процесс создания, реформирования, укрепления институтов государства (конституции, исполнительной, законодательной и судебной структур, налоговой системы, вооруженных сил и т.д.) в политической, экономической, социально-культурной сферах[1]. В широком смысле под государственным строительством имеется в виду не только процесс становления институтов государства, но и легитимности последних, т.е. характера и качества взаимодействия государства и общества[2].

Образование (от начального до послевузовского с учетом концепции «life-long learning») является одним из составляющих политики государственного строительства в силу функций, которые выполняет в качестве социального института:

– во-первых, процессы создания, развития, реформирования институтов государства и функционирование последних не могут протекать без соответствующих кадров, а образование является тем институтом, который формирует профессионально-квалификационную структуру общества[3]. Следовательно, образование является одним из основ развития государства и, тем самым, одним из детерминант роли и места последнего в системе международных отношений, что ныне особенно актуально в связи с приоритетной ролью знаний, инноваций, научных достижений людских ресурсов («человеческого капитала») в развитии государства[4].

Соответственно, на повестке дня каждого государства должно быть формирование эффективной системы образования, при этом, признавая роль высшего образования, которое обеспечивает не только передачу, но и воспроизводство знаний, готовит специалистов для различных отраслей жизнедеятельности государства, мы исходим из императива обеспечения также качества дошкольного и школьного образования как составляющих национальной системы образования каждого государства[5].

– во-вторых, ранее было отмечено, что становление государства предполагает не только становление институтов государства, но и «культуры» взаимодействия общества и государства, что невозможно без усвоения индивидом системы знаний, норм, ценностей, присущих данному обществу и необходимых для эффективного выполнения им социальных ролей в конкретном обществе, т.е. процесса социализации[6], а образование, как пространство культуры и социализации, является полем социокультурной идентификации общества[7]. Таким образом, образование, будучи важнейшим институтом социализации личности и формирования его сознания, в современном мире рассматривается как одно из орудий воздействия на развитие всего общества[8].

Государственное строительство – вопрос не только внутригосударственной жизни: во-первых, от успешной политики государственного строительства зависит не только благополучие населения данного государства, но и положение государства на международной арене, во-вторых, государственное строительство, будучи делом внутренней компетенции государства (с учетом того, что в современной политике произошло переосмысление суверенитета государства[9] и сферы, которую можно отнести к внутренней компетенции государства[10]) может быть реализовано не только усилиями данного государства, но и при поддержке другого государства/группы государств и/или международных организаций[11], в-третьих, сегодня одним из вопросов международной повестки дня является проблема так называемых «нестабильных», «неудавшихся», «слабых» государств («fragile states», «failed states», «weak states»)[12] с утверждением предполагаемой связи между последними и распространением транснациональных угроз безопасности и гуманитарных проблем[13].

Понятия «fragile states», «failed states», «weak states» являются объектом полемики: во-первых, указывается на то, что последние используются для навязывания западных моделей развития, во-вторых, критики указывают, что низкий уровень развития, нестабильность этих государств является результатом не только внутренних факторов (вооруженные конфликты, бедность, социально-экономические условия и т.д.), но и внешних факторов (международная политэкономия, региональная и мировая нестабильность и т.д.)[14], в-третьих, указывается на отсутствие международно согласованного определения «нестабильных», «неудавшихся», «слабых» государств, что приводит к манипуляции данными определениями, хотя и выделяются факторы, которые можно рассматривать в качестве признаков таких государств[15]:

– структурные и экономические факторы: бедность, низкий уровень доходов, экономический спад, вооруженный конфликт(-ы), наличие терроризма, наличие/отсутствие природных ресурсов, географическое положение (включая

взаимоотношения с соседними странами), демографические нагрузки (включая урбанизацию) и т.д.

– политические и институциональные факторы: кризис легитимности, подавление политической конкуренции, плохое управление, кризис реформ и преемственности элит и т. д.

– социальные факторы: отсутствие социального капитала, слабость гражданского общества и т. д.

– международные факторы: последствия колониализма, климатические изменения, мировые экономические потрясения и т. д.

Государственное строительство предполагает выработку стратегии, выбор модели государственного строительства. В связи с утверждением императива модернизационного развития и отождествления модернизации с внедрением западных институциональных моделей и системы ценностей государства встали перед проблемой: должно ли государственное строительство проходить путем механической инкорпорации последних или путем сочетания традиций и инноваций выработки моделей развития, которые принимали бы во внимание социальные, культурные, исторические особенности государств (опыт таких государств как Южная Корея, Япония, Сингапур и др. показал, что это реализуемо)[16].

Сегодня понятие модернизации преимущественно рассматривается в контексте перехода менее развитых государств на путь инновационного развития – догоняющая модернизация (понятие модернизации используется также для характеристики 1) развития Западной Европы и Северной Америки в «Новое время» и 2) развития наиболее модернизированных обществ – Западная Европа, Северная Америка, некоторые страны Восточной Азии – как перманентный процесс реформ и инноваций, характеризующийся переходом к постиндустриальному этапу развития[17]), причем, делая акцент на модернизации в экономической сфере, подчеркивается также необходимость политико-институциональных изменений и создания такой культуры в обществе/государстве, в которой приветствуются инновации, созданы условия, стимулирующие разработку и внедрение последних.

В русле догоняющей модернизации возникла теория модернизации в период после Второй мировой войны, будучи рефлексией над данной исторической эпохой, в частности, двух основных исторический процессов – деколонизации (появления десятка новых государств в связи с обретением колониями независимости в Африке, Азии, Вест-Индии и на Ближнем Востоке) и противостояния США и Советского Союза (США и СССР стремились вовлечь в сферу своего влияния новые независимые государства). Таким образом, исторический контекст создал благоприятные условия и необходимость исследований и разработок моделей развития новых независимых государств. При этом модели развития предполагали не только улучшение экономических показателей, но и учет влияния культурных, политико-институциональных факторов[18].

Базируясь на дихотомии традиционных и современных обществ, теория модернизации утверждает, что в традиционных обществах существуют барьеры, препятствующие развитию[19], что можно проиллюстрировать, сравнивая особенности современных и традиционных обществ.

Культурная матрица (понимание человека, мира, целей и предназначения человеческой жизнедеятельности) современных обществ (прошедших/проходящих в своем развитии три этапа – прединдустриальный, индустриальный и постиндустриальный), сформировавшись в эпоху «Ренессанса», и базируется на деятельностно-преобразуюшей активности человека: здесь приветствуется генерация и внедрение инноваций, новых образов, идей, сопровождающихся изменениями и природной средой, предметного мира, в котором живет человек, и социальных связей людей[20].

В отличие от современных обществ, традиционные общества отдают предпочтение традициям, образцам и нормам, аккумулирующим опыт предков, канонизированным стилям мышления, здесь инновация не воспринимается как ценность, и даже если происходят инновации в сфере производства, регуляции социальных отношений, то по сравнению со сроками жизни индивидов и даже поколений прогресс идет очень медленно[21].

Таким образом, модернизация общества/государства, если исходить из теории модернизации, должна трансформировать не только экономические, политические, социокультурные институты (модернизация в горизонтальном измерении, включающем ценности земной материальной жизни[22]), но и преобразовывать культурные ценности, создавая культурную среду, которая приветствует инновации и позволяет внедрять технологические достижения в общество (вертикальное измерение модернизации, включающее духовные, религиозные ценности[23]).

В свете вышесказанного образование, с одной стороны, может рассматриваться в качестве того института, который будет способствовать модернизации институтов государства в экономической, политической, социально-культурной сферах (горизонтальная модернизация), готовя специалистов для различных сфер жизнедеятельности государства, при этом сама образовательная система становится объектом модернизации, с другой стороны, образование может быть пространством социокультурных изменений (вертикальная модернизация), а в контексте так называемой политики «мягкой силы» – пространства, посредством которого может происходить распространение или экспансия определенной нормативно-ценностной системы.

«Мягкая сила» (понятие «мягкой силы» содержит противоречие между определением и определяемым понятием (contradictio in adjecto)[24], тем не менее, данное понятие прочно вошло в теорию и практику МО; считается, что данное понятие было введено американским политологом Джозефом Найем[25]) определяется как способность государства достигать желаемых результатов путем привлечения, а не принуждения, и базируется на привлекательности культуры страны, политических ценностей и внешней политики[26].

В силу того, что одной из задач политики «мягкой силы» является распространение ценностей государства, культивирование привлекательного образа данного государства, образование, будучи пространством социокультурной идентификации, может выступать в качестве элемента «мягкой силы» государства и тем самым составляющей внешней политики, практическим воплощением чего являются различного рода обменные программы и открытие образовательных учреждений в других странах.

Связь «мягкой силы» и образования не является новым феноменом. Еще в период Средневековья университеты, будучи международными центрами, объединяющими студентов и преподавателей разных стран, служили оплотом власти католической церкви. Большое значение образованию в деле распространения знаний и веры придавали также иезуиты[27].

Образование было в центре внимания колониальных администраторов: британские колонизаторы отправляли перспективных студентов для обучения в английские университеты, основывали колледжи и университеты в колониях, выпускники которых в том числе формировали колониальную администрацию[28].

В период «Холодной войны» противостояние между США и Советском Союзом развернулось также в сфере образования: с одной стороны, образование и наука были важны в контексте гонки, которая развернулась в военной, экономической, научно-технической и иных сферах, с другой стороны, образование было средством распространения своей ценностно-нормативной системы и идеологии. При поддержке правительства США учреждались обменные программы, исследовательские проекты, которые должны были способствовать формированию положительного образа США в мире, а также созданию связей между образовательными и научными кругами на международном уровне. Федеральная поддержка во многом обусловила также развитие образовательной системы: в период после Второй мировой войны американское высшее образование, особенно научно-исследовательские центры, достигли мирового превосходства, США превратились в одну из ведущих стран по количеству принимаемых иностранных студентов, английский язык утвердился в качестве основного языка науки и образования[29].

Политика по становлению национальных систем образования и подготовке кадров для стран, получивших независимость в результате национально-освободительного движения и антиколониальных революций в странах Азии, Африки и Латинской Америки, проводилась также Советским Союзом[30].

После падения Советского Союза последовала новая волна попыток внедрения западных моделей развития и системы ценностей в провозгласивших независимость государствах, а утверждение США в качестве мирового лидера – к убежденности последней в безальтернативности западной модели развития, в продвижении которой США апеллируют не только к «мягкой» силе.

Еще одним аспектом модернизации является проблема модернизации самой образовательной системы. Проблема модернизации образования в современных условиях является перманентной, исходя из самой природы явлений – быстрая смена парадигм, процессы глобализации, интеграции, технологические прорывы и т.д. – требующих переосмысления, переоценки сущности, содержания, функций и предназначения образования в новых условиях. При этом процессы модернизации должны касаться не только характеристик самого образовательного процесса, но и всей системы управления образованием в целом, краеугольным камнем которого должно являться обеспечение качества[31].

В ряде стран, в частности в Армении, проблема модернизации образования предстает как проблема выбора такой модели, которая, с одной стороны, опиралась на историю и традиции, с другой стороны, позволила государству отвечать на вызовы и требования современности[32]. Вопрос чаще всего принимает такую

форму – в какой степени традиционная система образования должна быть модернизирована (то, что традиционная система образования должна быть модернизирована, не ставится под сомнение): должны ли преобразования в сфере образования (как и модернизация государства в целом) осуществляться по сценарию копирования существующих (апробированных) моделей, механического воспроизводства норм, образцов западной системы образования (западных институциональных моделей и системы ценностей) или модернизационные процессы должны идти путем локализации – трансформацией и адаптацией в соответствии с традициями, историей каждой конкретной страны, синтеза традиций и инноваций, который, например, мы наблюдаем в Сингапуре, Японии[33].

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что образование в силу функций, которые выполняет в качестве социального института, закладывая основы профессионально-кадрового потенциала общества, будучи пространством культуротворчества, социокультурного воспроизводства, социокультурной идентификации, имеет решающий вклад в обеспечении развития государства и тем самым в определении роли и места последнего в системе международных отношений. В то же время утверждение императива инновационного развития привело к осознанию необходимости реформирования различных сфер жизнедеятельности государства, включая сферу образования, в ряде стран поставив проблему выработки таких моделей, которые позволяют сочетать традиции и инновации в процессе модернизации.

[1] См.: *Arta A.* State-Building and Development: Two sides of the same coin? Exploring the case of Kosovo. Hamburg: disserta Verlag, 2010. P. 29; Kostić R. Ambivalent Peace: External Peacebuilding, Threatened Identity and Reconciliation in Bosnia and Herzegovina. Department of Peace and Conflict Research / The Uppsala Programme for Holocaust and Genocide Studies, Nox 514, Uppsala University, Sweden. Uppsala: Universitetstryckeriet, 2007. P. 40; State-building for peace: navigating an arena of contradictions. Donors need to understand the links between peace-building and state-building. Briefing Paper. August 2009. Overseas Development Institute // http://www.odi.org.uk/resources/docs/4811.pdf. P. 2; Concepts and Dilemmas of State Building in Fragile Situations. From Fragility to Resilience. Organization for Economic Co-operation and Development. Off-print of the Journal on Development 2008,Volume 9, No. 3 // http://www.oecd.org/dataoecd/59/51/41100930.pdf. P. 14.

[2] См.: State-building for peace: navigating an arena of contradictions. Donors need to understand the links between peace-building and state-building. Briefing Paper. August 2009. Overseas Development Institute // http://www.odi.org.uk/resources/docs/4811.pdf. P. 2; Concepts and Dilemmas of State Building in Fragile Situations. From Fragility to Resilience. Organization for Economic Co-operation and Development. Off-print of the Journal on Development 2008, Vol. 9, No. 3 // http://www.oecd.org/dataoecd/59/51/41100930.pdf. P. 14; Mcloughlin C. Topic Guide on Fragile States, Governance and Social Development Resource Centre. Governance and Social Development Resource Centre (GSDRC).International Development Department, College of Social Sciences University of Birmingham, UK, 2012 // http://www.gsdrc.org/docs/open/CON86.pdf. P. 49.

[3] Социология: учебник для вузов / Ю.В. Асочаков, А.О. Бороноев, В.В. Василькова [и др.]; под ред. Н.Г. Скворцова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. С. 334; Образование как социальный институт // Федеральный центр образовательного законодательства. http://www.lexed.ru/pravo/theory/yagofarov2005/?112.html

[4] См.: *Скоблякова И.В.* Циклы воспроизводства человеческого капитала. М.: «Изд-во Машиностроение – 1», 2006. С. 16; Глобальные проблемы человечества как фактор трансформации образовательных систем: монография / [авт. кол.: В.И. Астахова, В.В. Астахов, Е.В. Астахова и др.]; Под общ. ред. В.И. Астаховой; Нар. укр. акад. Харьков: Изд-во НУА, 2008. С. 80; Экономический словарь / А.И. Архипов [и др.]; отв. ред. А.И. Архипов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. С. 637.

[5] *Аветисян П.С.* Проблемы и приоритетные направления модернизации системы высшего образования стран СНГ в контексте современных интеграционных процессов. Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки) (11). Ер.: Изд-во РАУ, 2011, № 2. СС. 66–75.

[6] См.: *Мухаев Р.Т.* Социология. Конспект лекций: учеб. пособие. М.: Проспект, 2010. С. 59; Обществознание: учеб. / А.Б. Безбородов, М.Б. Буланова, Д. Губин [и др.]; под ред. А.Б. Безбородова, В.В. Минаева. М.: Проспект, 2010. С. 119.

[7] Формирование единого образовательного пространства СНГ в условиях глобализации (социально-философская концепция): Монография / П.С. Аветисян. Ер.: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2007. С. 11.

[8] *Аветисян П.С.* Проблемы и приоритетные направления модернизации системы высшего образования стран СНГ в контексте современных интеграционных процессов. Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки) (11). Ер.: Изд-во РАУ, 2011, № 2. СС. 66–75.

[9] The Responsibility to Protect: Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty // IDRC Archive. http://web.idrc.ca/en/ev-9436-201-1-DO_TOPIC.html.

[10] Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. СС. 311–313.

[11] См.: Concepts and Dilemmas of State Building in Fragile Situations. From Fragility to Resilience. Organization for Economic Co-operation and Development. Off-print of the Journal on Development 2008,Volume 9, No. 3 //http://www.oecd.org/dataoecd/59/51/41100930.pdf. P. 14.

[12] См.: *Mcloughlin C.* Topic Guide on Fragile States, Governance and Social Development Resource Centre. Governance and Social Development Resource Centre (GSDRC). International Development Department, College of Social Sciences University of Birmingham, UK, 2012 // http://www.gsdrc.org/docs/open/CON86.pdf; Cojanu V., Popescu A.I. Analysis of Failed States: Some Problems of Definition and Measurement. The Romanian Economic Journal // http://rejournal.eu/Portals/0/Arhiva/JE%2025%20bis/JE%2025%20%20Cojanu%20Popescu.pdf.

[13] См.: *Mcloughlin C.* Topic Guide on Fragile States, Governance and Social Development Resource Centre. Governance and Social Development Resource Centre (GSDRC). International Development Department, College of Social Sciences University of Birmingham, UK, 2012 // http://www.gsdrc.org/docs/open/CON86.pdf. P. 8.

[14] Ibid. P. 16.

[15] Ibid. P. 16.

[16] См.: *Johnson D., Colin Turner C.* International Business: Themes and Issues in the Modern Global Economy. 2nd edition. New-York: Taylor & Francis, 2010. PP. 113–116, 119.

[17] См.: *Гавров С.Н.* Модернизация России: постимперский транзит: Монография / Предисловие Л.С. Перепелкина. М.: МГУДТ, 2010. С. 17; Johnson D., Colin Turner C.

International Business: Themes and Issues in the Modern Global Economy. 2nd edition. New-York: Taylor & Francis, 2010. PP. 113–116.

[18] См.: *Martinelli A.* Global Modernization: Rethinking The Project of Modernity. SAGE, 2005. P. 28; Ray S. N.. Modern Comparative Politics: Approaches, Methods and Issues. New Delhi: PHI Learning Pvt. Ltd., 2004. P. 22.

[19] См.: Iran: Between Tradition and Modernity/ edited by Ramin Jahanbegloo. Lanham, Md.: Lexington Books, 2004. P. 7.

[20] См.: Философия науки. Общие проблемы : учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В.С. Степин. М.: Гардарики, 2006. СС. 93–96.

[21] Там же. С. 92.

[22] См.: *Гавров С.Н.* Модернизация России: постимперский транзит: Монография / Предисловие Л.С. Перепелкина. М.: МГУДТ, 2010. СС. 32–33.

[23] Там же. СС. 32–33.

[24] Латинско-русский и русско-латинский словарь крылатых слов и выражений // Словари и энциклопедии на Академике. http://dic.academic.ru/dic.nsf/latin_proverbs/482/Contradictio.

[25] См.: *Joseph S. Nye, Jr.* Soft Power: The Mean to Success in World politics. New York: Public Affairs, 2004.191 p.; Soft Power Superpowers: Cultural and National Assets of Japan and the United States / edited by Yasushi Watanabe and David L. McConnell. New York: An East Gate Book, 2008. P. XVII.

[26] *Joseph S. Nye, Jr.* Soft Power: The Mean to Success in World politics. New York: Public Affairs, 2004. P. X, 11–15.; Hard Power, Soft Power and the Future of Transatlantic Relations. Edited by Thomas L. Ilgen. USA (Pitzer College): Ashgate Publishing Limited, 2006. P. 26–30; Soft Power Superpowers: Cultural and National Assets of Japan and the United States / edited by Yasushi Watanabe and David L. McConnell. New York: An East Gate Book, 2008. P. XVII.

[27] См.: Soft Power Superpowers: Cultural and National Assets of Japan and the United States / edited by Yasushi Watanabe and David L. McConnell. New York: An East Gate Book, 2008. P. 38.

[28] Ibid. P. 38.

[29] Ibid. P. 39.

[30] См.: Формирование единого образовательного пространства СНГ в условиях глобализации (социально-философская концепция): Монография / П.С. Аветисян. Ер.: «Гитутюн» НАН РА, 2007. СС. 198–199.

[31] *Аветисян П.С.* Проблемы и приоритетные направления модернизации системы высшего образования стран СНГ в контексте современных интеграционных процессов. Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки) (11). Ер.: Изд-во РАУ, 2011, № 2. СС. 66–75.

[32] Там же.

[33] См.: *Аветисян П.С.* Проблема сочетания традиции и инновации в процессе модернизации в сфере высшего образования в странах постсоветского пространства. К постановке проблемы. Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки). Изд-во РАУ, 2011, № 1(10). СС. 100–104.

ԿՐԹՈՒԹՅՈՒՆԸ ՊԵՏԱԿԱՆԱՇԻՆՈՒԹՅԱՆ (STATE-BUILDING) ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԼՈՒՅՍԻ ՆԵՐՔՈ. ԱՐԴԻԱԿԱՆԱՑՄԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՈՒՄ ԱՎԱՆԴՈՒՅԹՆԵՐԻ ԵՎ ՆՈՐԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՀԱՄԱԴՐՈՒԹՅԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴՐԻ ՍԱՀՄԱՆՈՒՄ

Ամփոփում

Հոդվածը նվիրված է պետականաշինության քաղաքականության շրջանակներում կրթության դերի վերլուծությանը: Ելնելով արդիականացման հրամայականից, որը նույնականացվում է արևմտյան ինստիտուցիոնալ մոդելների ներդրման և արժեքների որդեգրման հետ, սահմանվել է պետականաշինության այնպիսի մոդելների ընտրության հիմնախնդիրը, որոնք թույլ են տալիս արդիականացման գործընթացներում համադրել ազգային առանձնահատկությունններն ու ավանդույթները նորարարությունների հետ: «Փափուկ ուժի» հայեցակարգի լույսի ներքո կրթությունը ներկայացվել է որպես արժեհամակարգի և նորմերի տարածման (մասսայականացման) էքսպանսիայի հարթակ: Առանձին ներկայացվել է կրթական համակարգի արդիականացման հիմնախնդիրը:

Հիմնաբառեր՝ պետականաշինություն (state-building), կրթություն, արդիականացում, «փափուկ ուժ», ժամանակակից հասարակություններ, ավանդական հասարակություններ:

EDUCATION IN LIGHT OF STATE-BUILDING POLICY: SETTING THE PROBLEM OF COMBINATION OF TRADITION AND INNOVATION IN THE PROCESS OF MODERNIZATION

Summary

The article analyzes the role of education in light of state-building policy. Due to the imperative of modernization which is associated with the incorporation of Western institutional models and system of values the problem of adoption of models of state-building which combine national particularities and traditions with innovations in the process of modernization is set. In light of the concept of «soft power» education is considered to be the space for proliferation/promotion/expansion of certain system of norms and values. Special attention is paid to the problems of modernization of the education system itself.

Keywords: state-building, education, modernization, «soft power», modern societies, traditional societies.

О СООТНОШЕНИИ ИНТЕГРАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И. Акопян

На сегодняшний день в рамках мировой политики актуализируется проблема соотношения имеющих политико-экономический характер и постепенно охватывающих все большее число регионов и государств глобализационных и интеграционных процессов. В данной статье отмеченная проблема рассматривается с двух точек зрения. Во-первых, учитывается тот факт, что сами интеграционные процессы приводят к усилению темпов глобализационных процессов (усиливается процесс взаимопроникновения, взаимообуславливания структур, культур и субъектов в мировом масштабе, процесс интенсификации мировых социальных отношений). Во-вторых, принимается в расчет то обстоятельство, что сама глобализация приводит к регионализации, в результате которой формируются «модели» сознательного и активного участия группы стран одного региона, объединяющихся для создания конкурентной «глобальной страты» и ограничения негативных последствий глобализации.

Ключевые слова: глобализация, интеграция, интернационализация, «глобальная страта», регионализация, унификация.

Интеграция – процесс объединения, слияния двух или более государств с целью создания стабильно развивающейся, новой политической «общности» – сегодня, наряду с процессами глобализации, является определяющей тенденцией современной политической и геополитической картины мира. Эта тенденция получила развитие в форме образования и деятельности различных региональных интеграционных комплексов, в которых государства связаны более тесными экономическими, политическими и социокультурными интересами. Исследованием феноменов глобализации и интеграции, особенностей этих процессов в отдельных государствах и объединениях государств занимаются многие западные и российские исследователи, поэтому степень разработанности проблемы достаточно высока, однако проблема соотношения глобализационных и интеграционных тенденций современных мировых политических процессов не уделяется достаточное внимание. Обобщая исследования многих российских и западных исследователей (Б. Бади, Ю.В. Шишков, В.В. Михеев, М.А. Мунтян, Г.Х. Шахназаров) по интеграционно-глобализационным проблемам можно отметить, что очень часто в качестве синонимов политической интеграции используются такие понятия как *«интернационализация», «международное интегрирование»* и *«глобализация»*. Конечно, каждый вправе выбирать, в меру глубины своего понимания предмета, тот термин, какой ему больше нравится. Но, тем не менее, эти понятия необходимо ***четко различать***. Приведем следующие обобщенные определения этих понятий.

Интернационализация хозяйственного, политического, культурного и других аспектов жизни общественных организмов, функционирующих как национально-государственные макроструктуры, – наиболее общее понятие нарастающего взаимодействия между общественными организмами (государствами). То есть интернационализация – это межнациональное (межгосударственное) общение на самых разных исторических его стадиях – от первых проявлений международного разделения труда до современной сложной и многоуровневой системы международных связей в самых разных его пространственных масштабах – от двустороннего до регионального и глобального уровней.

Глобализация – это качественно другая стадия интернационализации (преимущественно в экономическом ее аспекте) на том историческом этапе, когда последняя приобрела всемирный охват. Такое расширение ареала интернационализации стало возможным благодаря резкому сокращению расстояний вследствие стремительного технического прогресса в области транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, а также развитию транснационального предпринимательства, рассматривающего все мировое пространство как единое поле для бизнеса. Эта количественная трансформация придала международному взаимодействию новое качество. Благодаря деятельности транснациональных корпораций (ТНК), транснациональных банков и других крупных субъектов хозяйственной жизни, ставших игроками глобального масштаба, экономические отношения вышли далеко за пределы отдельных стран, обретая все большую самостоятельность и независимость от интересов и усилий различных государств, даже самых влиятельных.

Что же касается ***международного интегрирования,*** это – наивысшая на сегодня ступень интернационализации, когда нарастающая экономическая, политико-правовая взаимозависимость двух или нескольких стран переходит в сращивание национальных рынков товаров, услуг, капиталов и рабочей силы и формирует целостное рыночное пространство с единой валютно-финансовой системой, единой в основном правовой системой и теснейшей координацией внутри- и внешнеэкономической политики соответствующих государств.

Таким образом, если глобализация – это новое качество интернационализации на стадии предельно возможного развития ее *вширь*, то интеграция – наивысшая ступень развития ее *вглубь*.

Ряд исследователей (Шемятенков В.Г., Стрежнева М.В, Шишков Ю.В.) предполагает, что в силу ряда объективных причин политическая интеграция достижима лишь на весьма высокой ступени технико-экономического и политического развития национальных социумов, и потому в наши дни возможна только в пределах высокоразвитых регионов мира. В таких регионах формируются первые очаги интеграции, имеющие тенденцию к постепенному расширению. Такую ступень интернационализации называют ***региональной интеграцией,*** подчеркивая ограниченность ее пространственных масштабов и противопоставляя ее глобализации[1]. Лишь отдельные небольшие участки глобального поля интернационализации дозрели до уровня интеграции. Гипотетически до такого уровня когда-нибудь, вероятно, дозреет большая часть этого поля. Но до этого еще очень далеко. А пока сохраняются глубокие качественные различия в уровнях социально-политического и технико-экономического развития индустриаль-

ного ядра мирового сообщества и его развивающейся полупериферии и весьма отсталой периферии, – ставить знак равенства между интеграцией и глобализацией неправильно.

Интеграция в полном соответствии с реалиями рассматривается как сложный, многоаспектный саморазвивающийся исторический феномен, который поначалу зарождается в наиболее развитых, с технико-экономической и социально-политической точки зрения, регионах мира и шаг за шагом втягивает в этот процесс все новые страны по мере дозревания их до необходимых экономических, политических и правовых кондиций.

Такое понимание интеграции не только выдержало испытание временем и помогло достаточно точно предсказать пути дальнейшего развития этого процесса в различных регионах мира, но и приобрело особую значимость к концу XX столетия, когда интеграционные процессы заметно усложнились и стали более разнообразными.

Тематика глобализации давно присутствует и в российской, и западной школах интеграции. Более двадцати лет назад В.Г. Барановский подчеркивал, что «…при теоретическом исследовании интеграции совершенно необходимо учитывать ее соотношение с другими явлениями международной жизни»[2]. «Интеграция, – указывает М. Лебедева, – является лишь *частью* процесса глобализации, пусть и одной из наиболее значительных»[3].

Именно исходя из таких предположений, считаем необходимым рассмотрение проблемы соотношения процессов глобализации и интеграции – как они соотносятся друг с другом, насколько они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Попробуем эту взаимосвязь представить в следующей схеме.

1. Интеграция в процессе развития и в условиях нарастающей взаимосвязанности мировых процессов приводит к усилению глобализации.

2. Глобализация же, в свою очередь, «усиливает» интеграционные тенденции, проявляющийся в процессе регионализации.

Раскрывая первую часть этой схемы, мы прослеживаем процесс сближения стран и регионов под влиянием универсализации культур, обычаев, образа жизни. Здесь глобализация выступает как многосторонний процесс взаимопроникновения, взаимообусловливания структур, культур и субъектов в мировом масштабе, феномен интенсификации мировых социальных отношений, сжатия мира в одно целое с одновременным осознанием этой целостности локальными частями. Исходя из такой трактовки, политологи, ученые-международники стали обращать особое внимание на усиление взаимозависимости стран и регионов, на становление нового миропорядка, в котором ведущую роль начинают играть транснациональные субъекты. Они все чаще апеллируют понятием мирового социума, в рамках которого международные отношения выступают как внутренние. Если же глобализация – обусловленный объективными причинами процесс и качественный этап мирового развития, то в интересах любой страны по возможности раньше, полнее присоединиться к нему, войти в этот процесс, занять в нем значимое для себя место и использовать открываемые глобализацией возможности в целях собственного развития. Такая заинтересованность стран в глобализации закономерна и необходима для естественного продвижения глобализации. А государства должны быть заинтересованы в том, чтобы придать

глобализации такое международно-политическое оформление, которое позволяло бы максимизировать позитивную отдачу глобализации в пользу стран-участниц подобного глобального миропорядка, одновременно сводя до возможного минимума ее сопутствующие издержки.

Многие российские и зарубежные авторы, занимающиеся проблематикой глобализации, относят истоки этого процесса к древнему периоду. Как утверждает один из российских исследователей – Г.Х. Шахназаров, едва люди в разных концах света начали осваивать мир, как одним из самых побудительных мотивов их деятельности стала потребность во взаимопонимании, общении и объединении – в род, племя, государство, нацию, мировое сообщество. Аристотель проницательно назвал человека общественным (политическим) существом. За ним длинный ряд мыслителей постулировал неизбежное завершение этого пути общения объединением человечества. Идея единства человечества, поначалу довольно туманная, извлеченная не столько из опыта общественного бытия, сколько из логических умозаключений, постепенно обрастала неоспоримыми доказательствами. За много веков до появления ООН, транснациональных корпораций и Интернета целостность, глобальность мира воплощалась в повсеместном распространении знаний, технических и технологических новшеств.

Таким образом, естественная потребность людей (в том числе и наций) к взаимодействию и интегрированию (во всех сферах жизнедеятельности) в конце концов привела к распространению всех политико-экономических и ценностно-культурных основ интеграции на другие регионы мира. А расширение интеграции, в свою очередь, стало своего рода «катализатором» ускорения процессов всемирной экономической, политической и культурной **интеграции и унификации**. Основным следствием этого является мировое разделение труда, капитала, миграции в масштабах всей планеты, человеческих и производственных ресурсов, стандартизация законодательства, экономических процессов, а также сближения культур разных стран. Этот процесс охватывает почти все сферы жизни общества и формирует основные контуры их развития в рамках всеобщей интеграционной модели.

Вторая часть выдвинутой нами схемы соотношения «глобализации-интеграции» дает возможность объяснить современные тенденции интеграционных процессов на региональном уровне. Восприятие интеграции как «передового отряда» глобализации не отражает всей сути явления (ведь в таком случае и глобализация, и интеграция рассматриваются только с одной их стороны – консолидирующей[4]; но, как мы видим, и у глобализации, и у интеграции есть другая неотъемлемая функция – разделительная). Глобализация неизбежно ведет к стратификации мира – к регионализации. Ярые сторонники процессов глобализации считают, что она принципиально ограничивает способность государств самостоятельно влиять на экономические, финансовые природные процессы, которые оказывают непосредственное воздействие на эти государства и их общества, невзирая на территориальные границы. Ни одно государство в одиночку не в состоянии, да и не готово, претендовать на успешное сдерживание международной преступности, ведение борьбы с распространением болезней или техногенными изменениями климата. Радикальные приверженцы глобализации даже полагают, что государственные границы и территориальное деление мира в

данной связи утратили практическое значение. Современные политико-экономические процессы, да и сама историческая практика, показывают, что одновременно с усилением глобализационных тенденций усиливаются и процессы регионализации[5].

Исследование региональных интеграционных тенденций прояснили, что движущей силой региональной интеграции является стремление стран-участниц попасть в лучшую страту (или совместно сформировать лучшую страту). Здесь можно привести в качестве примера формирование европейской модели региональной интеграции. Объединительные процессы в Европе начились тогда, когда ослабели и распались Британская и другие колониальные империи, задававшие направление стратификации в довоенную историческую эпоху. Послевоенное возвышение США и Советского Союза, формирование новой иерархии международных отношений означало утрату Западной Европой ее прежней роли мирового лидера (со всеми вытекающими преимуществами). Поэтому перед западноевропейской элитой стояла задача обеспечить этому региону более высокую (в тех условиях) позицию в мировой иерархии и исключить вероятность его превращения в периферию. Интеграция в этом смысле – весьма эффективное средство: она стимулирует внутреннее развитие региона, а также позволяет максимально использовать преимущества глобализации, одновременно ограничивая ее негативное воздействие. Таким образом, создаваемая региональной интеграцией целостность – это целостность группы акторов, действующих воедино в процессе глобализации. Отсюда правомерна следующая формулировка: региональная интеграция представляет собой модель сознательного и активного участия группы стран в процессах стратификации мира, обусловленных глобализацией.

Такая трактовка региональной интеграции приводит к крамольному для исследователя интеграции утверждению о том, что интенсификация связей между государствами, сращивание их экономических или политических систем в действительности являются инструментом и/или следствием интеграции. Главная же цель интеграции состоит в образовании максимально успешной глобальной страты. Под успешностью понимаем укрепление позиций региона в наиболее важных для данного этапа стратификации областях или в областях, где у региона имеются для этого наибольшие возможности.

Мнения исследователей расходятся относительно времени зарождения процессов регионализации и глобализации, а также по вопросу их исторической очередности и детерминации. Часть теоретиков склонны считать, что толчок регионализации дала глобализация, а другие – наоборот, отмечают, что это явление существует на протяжении всей истории развития человечества. Как полагает один из ведущих специалистов по международным отношениям – Н.А. Косолапов, «…без явления регионализации вряд ли могли сложиться и устоять средние и крупные государства не только древности и Средневековья, но и нового и новейшего времени. Видимо, история складывается как последовательность циклов «стягивания» и разрушения государств, …регионализация – одна н из форм стадий «стягивания», суть которой – в формировании на основе и посредством развития интенсивных и глубоких для своего времени интернациональных связей новых, более крупных интеграций (социально-территориальных систем), т.е. союзов, конфедераций и пр»[6].

Но большая часть исследователей склонны считать региональную интеграцию результатом глобализационных процессов, когда региональные государства, вместе с желанием образовать максимально успешные глобальные страты, стремятся сохранить самобытные культурно-этнические, исторические и политические черты. Ведь, не секрет, что под маской глобализации государства-гегемоны проводят глобальную политику гомогенизации и универсализации мира, превращая таким образом глобализацию в форму политической власти. Регионализация и региональные блоки становятся «защитным щитом» для народов с самобытной историей, богатой политическими и культурными традициями. В данном случае в региональной интеграции усматривают возможность «усмиряющего» влияния на глобализацию в ее нынешнем американизованном варианте. Интегрированная мощь нескольких государств предстает как фактор ограничения «несправедливых» международных политических правил. Им на смену предлагаются более «разумные» и «справедливые» нормы. Как показывает исторический опыт, региональные интеграционные блоки в состоянии порождать такую систему устойчивых норм и ценностей (политических, экономических, культурных, социальных), которая в последующем может пропогандироваться и распространяться в другие регионы мира.

Предлагаемая нами ***«схема соотношения интеграции-глобализации»*** показывает, что и интеграция, и глобализация как процессы исторического развития, постоянно взаимодействуя друг с другом, обеспечивают эволюцию социально-политического развития обществ. Это непрерывный цикл, который может менять форму в зависимости от исторических, социально-культурных и экономических условий, но логика развития этого цикла остается неизменной.

[1] См.: *Шишков Ю.В.* Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М.: 2001. С. 17.

[2] См.: *Барановский В.Г.* Политическая интеграция в Западной Европе. М., 1983. С. 125.

[3] См.: *Лебедева М.М.* Мировая политика. М., 2003. С. 122 (352).

[4] Здесь речь идет о либерализации всевозможных потоков (товаров, капиталов, людей, информации, технологий) и обусловленного этим усиления взаимозависимости различных стран и сфер человеческой жизни.

[5] В Большом экономическом словаре регионализация определяется «как развитие, укрепление экономических, политических и иных связей между областями или государствами, входящими в один регион; возникновение региональных объединений государств», а регионализм – как «подход к рассмотрению и решению экономических, социальных, политических и других проблем под углом зрения интересов и потребностей того или иного региона». // Более подробно см.: www.slovari.yandex.ru/ Экономический%20словарь/Регионализация/

[6] См.: *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А.*Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 390 с. // http://www.obraforum.ru/Essays.htm

ԻՆՏԵԳՐՄԱՆ ԵՎ ԳԼՈԲԱԼԻԶԱՑՄԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՆԵՐԻ ՀԱՐԱԲԵՐԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ

Ամփոփում

«Ինտեգրում» ինչպես նաև «գլոբալիզացում» (համաշխարհայնացում) հասկացությունները ժամանակակից աշխարհաքաղաքական գործընթացների ուսումնասիրությունների անբաժանելի մասերն են կազմում: Մասնագիտական գրականության մեջ առավել հանդիպում է այն տեսակետը, համաձայն որի այս երևույթները բնորոշ են մարդկության պատմության զարգացման ժամանակակից փուլին: Գիտնականների մեկ այլ խումբ գլոբալիզացման և ինտեգրման գործընթացները դիտարկում է որպես քաղաքական, սոցիալ-տնտեսական և մշակութային զարգացման դրսևորումներ, որոնք բնորոշ են պատմական համարյա բոլոր դարաշրջաններին: Հոդվածում արծարծված հիմնական խնդիրը «գլոբալիզացում – ինտեգրում» հարաբերակցությունն է, որը կարելի է ներկայացնել հետևյալ սխեմայի տեսքով՝

1. Ինտեգրման գործընթացների զարգացումը հետզհետե բերում է գլոբալիզացման արագացման, երբ պետությունների քաղաքական, սոցիալ-տնտեսական, մշակութային արժեքների փոխազդեցությունը և սերտաճումը ի վերջո բերում է միասնական, ընդհանուր արժեհամակարգի ձևավորման, որն էլ հետագայում դառնում է ինտեգրացիոն հանրույթի գաղափարախոսական հիմքը:

2. Գլոբալիզացման գործընթացները իրենց հերթին հանգեցնում են առանձին ռեգիոնների սերտ համագործակցության և ինտեգրման – ռեգիոնալիզացիայի: Աշխարհագրորեն և պատմականորեն իրար մոտ կանգնած պետությունները միավորում են իրենց ուժերն ու ռեսուրսները՝ նպատակ ունենալով առավել մրցունակ դառնալ միջազգային հարաբերություններում և պահպանել պատմական զարգացման առանձնահատկությունները:

ABOUT THE RATIO OF INTEGRATION AND GLOBALIZATION PROCESSES

Summary

Regional integration today, along with the processes of globalization, is the determining tendency of the current political and geopolitical picture of the world. This trend has developed in the form of education and the activities of the various regional integration complexes, in which the states are bound with closer economic, political and socio-cultural interests. The study of the phenomenon of integration, mechanisms and peculiarities of integration processes in individual states and unions of states engaged in many western and Russian researchers, the degree of elaboration of the problem is high enough.

In this article, our goal is to identify the ratio of globalization and integration. This ratio can be presented in the following chart.

1. Integration strengthens globalization in the process of evolution and the growing interconnectedness of development.

2. Globalization gives rise to the integration process, which is manifested, in turn, in process of regionalization.

The offered scheme of the ratio of the integration and globalization shows that they as stages and at the same time as processes of historical development constantly complement each other.

ОБ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

С.Р. Вартазарян

Исследования в области лингвистической и лексической прагматики уже достигли такого уровня, когда можно говорить о возможности создания прагматического словаря. В статье рассматривается проблема структуры словарной статьи такого словаря, а также релевантной информации, которая должна содержаться в подобной словарной статье. Определяя лексическую прагматику как область лингвистики, исследующую выражаемое лексическими единицами отношение говорящего к обстоятельствам акта речи, автор особо выделяет такие параметры, как адресат и отношение к нему, к его социокультурной позиции, присутствующие при некотором речевом событии, социокультурные обстоятельства высказывания (фреймы типа «экзамен», «поминки», «стадион» и т.п.) и, что очень важно, – отношение адресата к себе и своей речи.

Ключевые слова: лингвистическая прагматика, лексическая прагматика, говорящий, адресат, речевой акт, обстоятельства высказывания.

Лингвистическая прагматика, бурно развивающаяся в последние десятилетия, как область исследований еще не получила приемлемого определения. Но все же можно, наверное, предложить такое общее ее понимание, которое – именно в силу своей общности – не вызовет особых нареканий: *прагматика есть лингвистическая*[1] *дисциплина, исследующая отношение между высказыванием и обстоятельствами, в которых данное высказывание было произведено*. Прагматические отношения – это всегда *выраженные в речи и дешифруемые адресатом отношения говорящего к компонентам акта говорения и, прежде всего, – к адресату*.

Прагматика дана в речевых и launchречеподобных событиях, то есть во вторичных продуктах говорения: стенограммах, магнитофонных записях, протоколах, художественных диалогах. Вторичность их в том, что в них не сохраняются все сопутствующие речи обстоятельства, а также в том, что они могут быть результатом экспериментального моделирования, конструктивного подражания устной речи (чем лингвисту не грех пользоваться). Поле прагматических исследований расположено в треугольнике *говорящий–слушающий–обстоятельства производства речи.* Все прагматические отношения, то есть отношения говорящего к какой-либо стороне этого треугольника, конечно же, выражаются в речи (разумеется, вместе с предметом речи и полнотой смысла сказанного).

Естественно, что выделение новой лингвистической дисциплины возможно было вследствие некоторого изменения ракурса рассмотрения языка и его единиц. В данном случае уже становится общим местом, что прагматика основывается на том представлении о языке, которое во главу угла ставит

инструментальную сущность языка. Язык есть некоторое социальное средство. Прагматика основана на том положении, что логически и исторически первичным является существование языка как *средства воздействия* на адресата[2]. Даже простое сообщение сведений – это тоже управление поведением.

Разумеется, исследования прагматических отношений часто сосредоточены на том или ином языковом уровне, на котором они выражены. Это и фонетика с просодией[3], и лексика[4], и уровень отдельного высказывания[5], можно выделить исследования, выходящие на уровень некоторой, по-новому представляемой риторики[6], в частности, анализ различного рода коммуникативных тактик[7]. В данной работе мы сосредоточимся на уровне лексической прагматики, хотя и отгородиться от всей остальной, прагматически направленной, лингвистики вряд ли получится. Определить данную сферу можно бы следующим образом: *лексическая прагматика есть область лингвистики, исследующая отношение говорящего к обстоятельствам акта речи, выражаемое лексическими единицами.*

Здесь, однако, мы можем встретить ограничение на область лексической прагматики, которое считает нужным наложить такой авторитет, как академик Ю.Д. Апресян. Определив прагматику как «закрепленное в языковой единице (…) отношение говорящего: 1) к действительности, 2) к содержания сообщения, 3) к адресату», автор подчеркивает, что речь идет не об оценке, «свободно творимой говорящим в речи, а лишь о той, готовой, лексикализованной или грамматикализованной оценке, которая встроена в непосредственно содержательную сторону языковых единиц и имеет, тем самым, постоянный статус в языке»[8].

Рассмотрим последнее уточнение. Здесь смущает противопоставление свободно творимой говорящим оценки – оценке, которая «встроена в непосредственно содержательную сторону языковых единиц и имеет, тем самым, постоянный статус в языке». Первая к прагматике не относится. Однако уместно спросить, где можно найти такие свободно творимые оценки? Ведь в языке мы можем только выбирать. Если мы хотим свободным образом выразить некоторое отношение к размеру собаки, то мы можем использовать либо различные грамматические форманты, выражающие отношение к размерам ее (*собака, собачка, собачонка, собачище*), либо использовать лексические средства (*маленькая, крохотная, большая, огромная собака*). И в том, и в другом случае это вопрос выбора. Даже в случае самых необычных неологизмов мы имеем лишь сочетание выбранных морфологических средств[9]. Выбор системного форманта так же свободен (или несвободен, поскольку ограничен наличными языковыми средствами), как и выбор лексических средств. И поэтому мне представляется, что различие постоянных или системных средств и средств «свободно творимых» не может быть принято.

Поскольку нас интересует связь высказывания со всеми обстоятельствами, в которых оно продуцируется, то следует четко их задать. Это часто делается вскользь, нестрого и редко становится рабочей моделью[10]. Компонентов акта высказывания, выделенных Апресяном, явно недостаточно. Необходимо учитывать гораздо большее число отношений, чтобы был понятен смысл многих высказываний.

Речевое событие связывает следующие стороны:

– говорящий,
– адресат,
– само высказывание,
– обстоятельства, при которых произошло данное речевое событие,

Отношение говорящего ко всем этим сущностям, а также ко многим, если не всем, подробностям, характеризующим эти стороны, есть прямой предмет прагматики.

Разумеется, описав прагматику как лингвистическую дисциплину, исследующую зависимость речевого события от обстоятельств его порождения, мы должны, прежде всего, выяснить, какие отношения имеются в виду. Здесь, конечно, можно было бы воспользоваться логическими представлениями, разделяющими отношения (и соответствующие, выражающие данные отношения предикаты) по количеству объектов (мест), связанных тем или отношением: одноместные (свойство – *спелый* виноград), двухместные (Петр – отец Ивана, Мария замужем за Павлом), трехместные (Иван старше Марии, но младше Петра), четырехместные (это, скажем, любая арифметическая пропорция – А относится к В так же, как С относится к D).

В качестве предварительной, рабочей версии примем следующее первое деление лексических средств и высказываний: а) лексические средства и высказывания отношения *именующие* и б) лексические средства и высказывания эти отношения *выражающие.* Сравним слово *любовь* и высказывание «*Я к вам пишу, чего же боле…*». Первое обозначает некоторое, я бы сказал, отношение-состояние, высказывание же Татьяны – это состояние выражает.

С другой стороны, возможно иное, уже трехчастное деление. Можно *быть довольным* своим студентом, другое – *похвалить* его, выразив свое удовлетворение, и совсем иное сказать: «*Вы прекрасно справились с заданием*». В первом случае мы имеем дело с некоторым названием состояния преподавателя (он *доволен*), во втором – перед нами уже общее название действия, выражающего данное состояние (*хвалит*), в третьем же – один из возможных конкретных примеров словесного действия, выражающего это состояние (*вы справились*). Сравним еще высказывания «*Петр оскорбил Ивана*» и «*Петр назвал Ивана болваном*». В данном случае мы опять имеем дело сперва с общим названием некоторого словесного действия, а затем – с самим этим действием.

Можно составить словарь состояний и отношений и словарь слов и целых высказываний, выражающих эти состояния и отношения. Определенному множеству слов, *обозначающих* состояния и действия, будет соответствовать множество слов и фраз, которые это состояние или действие *выражают*.

Смысл любой речи находится, конечно же, на стороне адресата. Как

коммуникативный факт, смысл возникает только тогда, когда адресат так или иначе фиксирует наличие того или иного смысла. Конечно, некоторая речь может быть похожа на то, когда корчат рожи за чьей-то спиной. Но это говорит не о том, что данный адресат не понял речи, а то, что адресована она была не ему. Следует различать реального и формального адресата. Родители часто в присутствии ребенка говорят между собой, называя друг друга «папа» и «мама», а, в сущности, адресуя речь ребенку[11].

Поскольку прагматика имеет дело, прежде всего, с инструментальной, орудийной стороной существования языка, то основным является *отношение говорящего к адресату*, выраженное в данном высказывании, остальные же отношения говорящего выражаются только на фоне и вместе с этим основным отношением. То есть можно сказать, что отношения к обстоятельствам речи, к реалиям, о которых идет речь, отношение к себе и своей речи выражаются всегда *для адресата,* имея в виду его возможную реакцию, стремясь привлечь в этих оценках адресата на свою сторону или вынудить его согласиться с выраженным отношением. «Уберите этот с позволения сказать план» – презрение к адресату, выраженной в «уберите этот» является той основой, на которую накладывается уже вторичное отношение к некоторой реалии – плану. То же можно сказать и по поводу отношения к себе и к своей речи, к иным обстоятельствам, в которых данное высказывание производится. Во всех случаях эти отношения, так или иначе, высказываются говорящим *для* адресата, с целью привлечь его, так или иначе, на свою сторону.

Однако слово «отношение» здесь (и не только) используется несколько неопределенным образом. Конечно, прежде всего, мы можем иметь в виду отношения, также получившие названия в русском языке, как *презрение, восторг, признательность, недовольство* и т. п. Психологически эти отношения могут быть поняты и как некоторые *состояния по поводу.* Эти обозначения могут быть употреблены с глаголами говорения: *презрительно процедил, восторженно выкрикнул, выразил признательность, недовольно бубнил* и т. д.[12] Однако они существует всегда на основе (или на фоне) обоюдных отношений, которые обычно (исключая аффекты), в той или иной мере, учитываются говорящим. Я имею в виду социокультурные позиции говорящего и адресата и их (позиций) соотношение, к примеру, отношения официальные и личные, статусные и нестатусные, постоянные и случайные, родственные и неродственные и т. п. В подавляющем большинстве случаев эти отношения содержат момент, способный характеризоваться в данной культуре как отношение подчинения (не только в случае командир/рядовой, но и в таких, как старший/младший брат или коллега, врач/пациент, учитель/ученик и т. д.). Однако возможно изменение статусных отношений, когда субъект, которому приписывается высший статус, как бы переходит на ступеньку ниже. Одно дело, когда учитель *говорит* с учеником, другое – когда *дружески беседует*. Разумеется, важны и позиции, занятые участниками в самом коммуникативном акте, прежде всего, позиции говорящий–адресат. Спросить – уже значит занять определенную коммуникативную

позицию, играть определенную роль. Объединим их под общим названием *социокультурные и коммуникативные позиции* (в дальнейшем – СКК-позиции).

Можно заметить, что выше речь шла о некоторых отношениях как бы покоящихся, заданных, в то время как любой акт говорения есть, прежде всего, выражение некоторого динамического интенционального отношения, отношения типа *я хочу, чтобы,* отношения, подобные отношению субъект–объект воздействия. Одним из отличий этого отношение является появление у коммуницирующих субъективной картинки желаемого. Выражением этих отношений являются, прежде всего, императивы и другие прямые и косвенные речевые акты.

Отношение к социокультурным обстоятельствам общения

Важным обстоятельством является *количество* лиц, служащих адресатами высказывания. Оно часто, если не всегда, определяет жанр (по М.М. Бахтину[13]) высказывания. Так, конечно же, исповедь на митинге неуместна (если это не ораторский прием), к одному человеку не обращаются как к множеству соратников. Разумеется, нельзя говорить о зависимости жанра, тематики, лексики и прагматических средств от *точного* количества лиц, являющихся адресатом данного сообщения. Такой зависимости нет. Но от количества адресатов, имеющего лишь приблизительные обозначения (*один, мало, несколько, много и очень много*) зависит, конечно же, многое. Естественно, что сами эти категории также ситуационно зависимы. Если речь идет о некотором речевом событии, то ответ на вопрос «Сколько человек при этом присутствовало?» может прозвучать как «мало», если это 20 тысяч на стотысячном стадионе, либо человек десять на поточной лекции на сто студентов, либо один-два на вечеринке, собравшей человек десять-двенадцать. Однако понятно, что есть некоторая разница и в тематике, и в типе речевого акта, и в лексике, и в стилистике речи, обращенной к одному-двум лицам, к студенческой аудитории – хотя бы и большой – и к толпе на митинге.

Немаловажным обстоятельством является также количество (иногда простое наличие) *присутствующих* при данном речевом событии, невольных свидетелей или подслушивающих лиц. Разумеется, о подслушивании должно быть известно говорящему, чтобы повлиять на качества его речи.

Еще большее значение, разумеется, имеют *социокультурные обстоятельства*[14] *сообщения*. Можно создать некоторый список таких обстоятельств, включающий *день рождения, крестины, спортивные соревнования, магазин, похороны, политический митинг* и пр. и пр. Разумеется, такой список будет отличаться от культуры к культуре и, если даже некоторые названия совпадут, социокультурное их содержание и, следовательно, речевое их наполнение[15] будут в корне отличаться. Такой список фреймов создавали, разумеется, не заботясь о проблемах прагматики, авторы разговорников и учебников по «натуральному», а в дальнейшем и «прямому» методу[16].

Рефлексивные отношения

Отношение говорящего к себе. Часто оно выражается в особой

фамильярности высказываний о себе самом: *Ну где мне, дураку чай пить*, *Я, болван, очки ищу целый час, а они у меня на лбу* и т. д.

Отношение к своей речи. Оно не всегда отделимо от отношения к себе, поскольку это отношение к себе говорящему. Такое особое отношение (может быть, не всегда осознанное самим говорящим) к своей речи можно обнаружить по ответной реакции слушающего, как в реплике Базарова: «О друг мой, Аркадий Николаич! – воскликнул Базаров, – об одном прошу тебя: не говори красиво». Всякая деланность, нарочитость речи, могущая вызвать у адресата реакцию *фразер, трепач, красиво врет* и т. п., говорит об этой, может быть невольной, направленности говорящего на свою речь[17]. Впрочем, не стоит забывать, что не только выспренняя речь, но и просто литературная (особенно в случае большого разрыва между литературным языком и просторечием, как в армянском), может вызвать сходное возмущение носителя просторечия – *Говори по-человечески*.

На стороне адресата здесь срабатывает может быть не до конца осознаваемый в процессе общения механизм, по которому качество речи для адресата или стороннего наблюдателя преобразуется в качество говорящего: *он говорит (слишком) красиво* ⇨ *он фразер, краснобай* и т.п. «*НН солгал*» ⇨ «*НН тот, кто лжет (НН лжец)*», механизм перенесения свойства от речи к автору, что-то вроде логической йотации[18].

К данным явлениям относится и выраженное в речи (в метаречи) рефлексивное[19] отношение говорящего к сказанному им самим. Выражения (после замеченной ошибки) *Ой, вру я*, а также привычные метаречевые *короче говоря, точнее говоря* – это известные примеры явлений данного типа.

Однако есть и более тонкие примеры того, что говорящий относится к своей речи каким-то особым образом, нарушая некоторый принцип спонтанности речи. Ср.: из Эйхенбаума: «Самое обыкновенное слово подносится им (Гоголем – С.В.) иной раз так, что логическое или вещественное его значение тускнеет – зато обнажается звуковая семантика, и простое название получает вид прозвища: «натолкнулся на будочника, который, поставя около себя свою *алебарду*, натряхивал из рожка на мозолистый кулак табаку». Или: «Можно будет даже так, как пошла мода, воротник будет застегиваться на серебряные *лапки под аплике*». Последний случай – явная игра артикуляцией (повтор: *лпк – плк*)»[20]. Вся поэзия строится примерно по тому же принципу, когда слово выпячивается и начинает рассматриваться как вещь[21].

Возможен и более сложный случай, когда имеется в виду антиципация говорящим возможной реакции слушателя на речь говорящего. Здесь два варианта: один, когда говорится об уже произнесенном (что-нибудь вроде: *Не думайте, пожалуйста, что я тем самым хотел сказать…* – предвосхищение здесь дано в анафорической логике), и другой – когда имеется в виду выражение, которое еще должно последовать – катафорически (знаменитое одесское: *Вы будете надо мной смеяться, но я вам скажу…).* Это, в сущности, выражение отношения к возможному образу отправителя, создающемуся (по мнению говорящего) у адресата: некоторая двойная рефлексия: «я думаю, что ты думаешь, что я думаю…»[22].

Отношение по поводу возможного отношения. Здесь также возможны

анафорический и катафорический варианты (*ты мне не веришь, но…; ты мне не поверишь, но…*).

О важности включения прагматической информации в лексикографическое описание говорится в упомянутой статье Ю.Д. Апресяна. В ней автор пишет о необходимости выделения лишь особой зоны в словарной статье, в которой и помещалось бы такого рода информация. Мне представляется, что переход от понятия зоны прагматической информации к мечте о полностью прагматическом словаре не так уж и рискована. Естественно, все зависит от того, как мыслится прагматическая информация, каковы ее основные категории, как будут классифицироваться соответствующие языковые сущности и связываться. Столь же естественно и то, что нельзя и думать о некоем чисто прагматическом словаре. Так же, как и в случае со словарем лингвистическим (семантическим), мы не можем избежать того или иного (энциклопедического) описания как реалии, так и основного смысла обозначающего ее слова. Ниже следует эскиз структуры словарной статьи предлагаемого прагматического словаря.

Слово как обозначающее, ономасиологический подход

Каждое слово – а имеется в виду слово в речи, то есть слово, произнесенное или как если бы оно было произнесено во время какого-либо акта общения – обладает некоторой мерой прагматической напряженности (или прагматической потенции), определяемой, помимо того, в каких ситуациях оно обычно и вероятнее всего может быть произнесено и какой эффект оно может вызвать, также и тем, какую именно реалию оно обозначает. Очевидно, что слово *дифференциал* уместно только в научном контексте (что подразумевает, кроме прочего, определенную отчужденность от личности говорящего и адресата и обстоятельств речевого события), слово же *пожар* (как и в случае метафорического употребления типа *пожар страстей*) – в жизненно важной ситуации. Первое слово связано с чрезвычайно малой возможностью какого-то особого к нему (слову) или обозначаемому объекту отношения, в то время как второе может вызвать весьма бурные поведенческие акты.

Восточная поговорка «Сколько ни повторяй: халва, халва, во рту слаще не станет» не совсем права. Слова со своими значениями располагаются на шкале от опасного – через нейтральное – и до доставляющего наслаждение[23]. Словарь какого-либо языка нельзя себе представить в качестве совокупности совершенно нейтральных ярлыков, ассоциативные связи между словами – это связи и по переживаванию, – переживанию, разумеется, не такому острому, как связанному с самим обозначаемым предметом или реальной жизненной ситуацией, но все-таки живому. Исчисление такого рода различий (мест на шкале) возможно, разумеется, лишь приблизительным образом.

Реальность, фрагменты или объекты которой обозначаются словом, может быть разделена на три слоя. Это некоторая физическая реальность, социальная и внутренняя (ментальная, психическая, духовная – как угодно). Физическая и социальная реальность составляют внешний по отношения к единичному субъекту (его внутренней реальности) слой. Реальность императивна, но,

разумеется, эта императивность для указанных слоев различна. Физическая реальность понуждает нас к некоторой адаптации, хотя и производимой не только физическими, но часто и социальными, и ментальными средствами. Социальная реальность и соответствующие императивы чаще всего влекут социальные действия[24]. Внутренней реальности соответствуют свои императивы (скажем, логические или нравственные). Связи между этими слоями реальности и переходы между ними настолько привычны, что о них и не стоит говорить. Допустим, в какой-то аудитории раздался возглас «Пожар!». Поскольку произнесенное слово обозначает физическое явление, способное принести некоторые неудобства, каких следует избегать (физический императив), то все начнут расходиться, но по-разному. Вот это «по-разному» будет выражением социального императива: одни постараются «сохранить лицо», другие поддадутся панике. И, конечно же, это «по-разному» будет диктоваться и внутренними императивами[25].

Произнесенное слово *пожар,* легко заметить, с внешней стороны не является лингвистическим императивом. Однако все ведут себя так, как если бы кто-то, обладающий огромной властью и не выбирающий выражений, проревел «Подите все вон!». Сравнивая эти два выражения, можно сказать, что, поскольку есть некоторая синонимичность, частичная эквивалентность действий, реакций, причиной которых явились два разных выражения, то им можно приписать некоторое, хотя бы частичное, тождество и по смыслу. Эти два выражения я называю *прагматически синонимичными.* Здесь можно, наверное, говорить и о некоторой категории скрытой, неявной, – категории императива, в первом случае обнаруживаемой лишь в реакции адресата, и получившей в случае второго высказывания явное языковое выражение.

Такими же неявными являются и другие императивы, связанные с самим *действием произнесения* какого-либо высказывания. Они выражается в общих императивных интенциях различной направленности – фатической («слушай меня»), многозначной семантической («пойми, что я говорю» – говорящий всегда требует внимания и понимания как предварительного условия исполнения императивного высказывания[26]) и вытекающей отсюда чисто социально-прагматической («сделай это», «поверь в это», «будь таким» и т. п.). Говорить об их существования возможно, поскольку неподчинение этим императивам влечет определенные санкции со стороны говорящего и социальной среды. Реальность состоит из предметов (в широком смысле), ассоциированных с привычными действиями (которые ими или над ними производятся). Вполне можно представить себе диалог:

– Дай молоток.

– Возьми, только ты потише.

Осмысленность второй реплики придает общее представление, что молотком обычно стучат, и часто стук бывает громким.

Весь словник любого языка располагается по шкалам, на одном конце которых располагаются слова прагматически нейтральные, на другом же – прагматически заряженные. Разумеется, такие шкалы имеют смысл в соотнесении с СКК-обстоятельствами речевого акта. Слово *интеграл* кажется нейтральным во всех случаях употребления за исключением беседы

математиков, у которых оно может вызвать самые разные реакции – от смеха и до презрения. Нейтральных слов не бывает, поскольку не бывает нейтральных вещей. Каждая вещь (объект) связана с некоторым набором обычных действий, совершаемых этим объектом или с его помощью или совершающихся над ним; у каждой вещи есть набор небезразличных для человека качеств, каждый объект вступает в некоторые отношения с другими объектами и т. д. Тем самым, вокруг вещи образуется довольно сложная структура, названная мною *жизненной парадигмой,* прямо соотносящейся с системой слов – тоже в общем смысле некоторой ассоциативной, сочетаемостной парадигмой. Здесь возможный источник особых прагматических пресуппозиций, исходящих из данной жизненной парадигмы.

Представления об этих действиях и составляют часть прагматического смысла названия данного предмета. Если подойти к слову с точки зрения обозначаемой реалии, то прагматическая напряженность слова будет зависеть от того, какие действия совершает обычно данный предмет или совершаются с помощью этого предмета. Здесь возможен некоторый уклон прагматической лексикографии в сторону энциклопедического принципа толкования слова, но с той поправкой, что лексикографа будет интересовать не столько сам предмет, сколько отношение к нему, обусловленное некоторым качествами предмета обозначения и той жизненной парадигмы, в которую он вовлечен. В основе этого отношения лежат многие характеристики предмета, из которых можно выделить нечто в данной ситуации важное. Так, *молотком* стучат, производя шум; молотком бьют и разбивают вещи; им можно что-то разбить, пробить, отбить и т. п. Именно эти пресуппозиции делают осмысленным приведенный выше диалог. Можно подробно описывать таких животных, как кит и волк, но важными окажутся, скажем, такие характеристики этих животных, как то, что кит становится редким (жалко), а волк – хищный (страшно).

Назвать в речи данный предмет (если нет запрещающих обстоятельств) означает запустить эти действия, использовать данное название в качестве триггера. «Вот стул», как реплика, может означать прежде всего «садись», а потом уже (в зависимости от реальных обстоятельств) – «не натолкнись». «Дождь», как реплика, означает реакцию избегания дождя (спрятаться или прикрыться), но в детстве (и это особое употребление) может означать «шлепать по лужам босиком». Впрочем, понятно, что ждать здесь той же определенности, что и в случае референтивной (денотативной, когнитивной) семантики, не приходится.

Назвать предмет означает актуализировать представления о его обычных свойствах. Поэтому выражение *громкий стук молотка* воспринимается как близкое плеонастическому, а *легкий перестук молотков* почти как оксюморон. Также на одном, «плеонастическом» конце шкалы, на котором даны обычные, привычные сущности, можно расположить *старенькая бабушка,* а на другом – «оксюморон» – *молодая бабушка*. Такое же отношение в выражениях *воспоминание (о прошлом)* и *воспоминание о будущем*.

Допустим, некто А говорит «Дождь». Это простое номинативное предложение, но речевые реакции на него говорят о том, что оно содержит в себе, помимо номинации, еще очень многое.

Возможные ответы Б:

– Спасибо. (Б воспринимает реплику как предупреждение и благодарит);

– Хорошо, я надену плащ. (Б воспринимает реплику как императив «Оденься» – отсюда вывод, что сообщение «дождь» несет в себе императив «прикройся», – и реагирует согласием);

– Ничего, я добегу до машины (Императив или предостережение принимается во внимание, но отводится);

– Вижу. (Низведение сообщения А до тривиальности).

Возможно и суждение (наверное, не всегда высказываемое) об отправителе – что-то вроде «Как он (она) заботлив(а)» или «Надоел(а)».

Выявление таких жизненных парадигм[27] возможно либо путем анализа корпусных данных, либо в результате ассоциативного эксперимента, либо исчисления сочетаемости слов. Самую полную картину даст, разумеется, использование всех возможностей. Назвать предмет (вещь) означает актуализировать представления о его, определяемых жизненной парадигмой характеристиках. В число последних могут войти: обычно связанные с данной реалией качества, обычно выпоняемые функции, процессы, действия, обычно ожидаемый эффект или результат обычных действий, связанные с данной реалией субъект и объекты воздействия, обычная СКК–ситуация (фрейм), обычное действие, совершаемое по отношению к данной реалии и другие ассоциации, в том числе и литературные.

Представим так слово *бабушка*[28].

Качество *– старая, старенькая, добрая, моя, старушка, хорошая, милая, седая старуха, любимая, родная, морщины, умная, близкий друг, больная, гостеприимная, ласковая, низенькая, верующая, пенсионерка, мудрая, ангел, бодрая, ворчливая, лучший друг, одуванчик, энергичная, добрая, строгая, неугомонная, суетливая, милая.*

Обычная функция (процесс, действие) *– вязание, ворчание, помощь, забота, совет.*

Обычный эффект *– уют, тепло.*

Связанный субъект *– дедушка, внук, внучка.*

Связанный объект *– очки, платок, блины, длинная юбка, газета, дом, крик, молоко, пирожки, сказка, клубок, обед, палка, плюшки, телевизор ужин, фартук, хлеб, соль, варенье, печка.*

Обычная ситуация (фрейм) *– болезнь, смерть, похороны, день рождения*

Обычное действие, совершаемое по отношению к данному предмету *– любить, сострадание, уважение.*

Другие ассоциации (в том числе литературные) *– далеко, родственник, предки, гроб, деревня, женщина, лицо, мама, детство, забота, лето, маразм, серый волк, козлик, колдунья, кошка, Красная шапочка, лекарства, мудрость, нежность, нитки, клюка.*

Социокультурные обстоятельства уместного употребления

Естественно полагать, что и лексикон, и манера выражения будут различаться в зависимости от места (в социальном смысле – то есть учреждения

или социально значимого события) и обстоятельств общения. Поэтому должны различаться *автобус, бар, бильярдная, больница, вернисаж, диспут, похороны, ссора, суд* и т. д. Таких обозначений возможных мест и обстоятельств общения в любом языке (и в соответствии с культурой) достаточно большое множество. Каждое слово соответствует некоторому набору социальных ситуаций и обстоятельств, в которых оно обычно произносится (ср.: *аудиенция, базар, банк, баня, вернисаж, вечеринка, госпиталь, зашита диссертации, забастовка, завод, исполведь, кабинет дантиста, молитва, похороны, свадьба*). Можно сказать и обратное: каждому комплексу социокультуных обстоятельств соответствует свои тематика, словарь[29], свои типы речевых актов, набор участников и т. п.

Синонимы – имеется в виду прагматическая синонимия, когда эффект, получаемый от разных высказываний, одинаков. Мы можем видеть равенство смыслов высказываний «Встань, пожалуйста» и «Будь добр встать» поскольку эффектом будет одно и то же действие адресата. Назовем это *перлокутивной синонимией.*

Однако не всегда можно ждать такой одинаковости реакции. По той или иной причине просьба может быть и не выполнена. Но, разумеется, эти выражения синонимичны, однако уже по другому основанию (присутствовавшему, кстати, и в случае перлокутивной синонимии). Этим основанием является наличие некоторого гиперонима, обозначающего некий мотив; в данном случае это *просьба встать.* Если же мы к двум обсуждаемым выражениям прибавим еще и приказ «Встать», то нам придется говорить о *понуждении* как о мотиве[30]. Назовем это *мотивационной синонимией.*

Говорящий (отправитель), социокультурные и коммуникативные (СКК) характеристики, естественно, с точки зрения адресата или в особых случаях – стороннего наблюдателя:

пол: мужской, женский – здесь обязателен культурологический комментарий по поводу взаимоотношений между полами (одно дело США, другое Франция и вовсе третье – Иран; см.: особенно яванский с особыми мужским и женским подъязыками);

возраст: для мужского пола – *младенец, ребенок, подросток, юноша, молодой человек, зрелый мужчина, пожилой человек, старик*. Разумеется, что в зависимости от культуры и эпохи исчисление возраста будет различаться и что ни одно из этих возрастных представлений не может быть строго определено;

социокультурный статус – здесь, опять-таки в зависимости от культуры, могут выделяться разные категории: образование, богатство, причастность ко властным (или криминальным) структурам, религиозный статус, в иных случаях – могущество клана или племени и т. д. В случае сегодняшних армян большое значение имеет круг знакомых (շրջապատ – окружение, для русских – тусовка). В каждом языке дана некоторая «социальная стратификация» людей, выражающаяся в некотором наивно-социологическом словаре (ср. *барин, боярин, холоп, лакей, дворовый, юродивый, поп* в русском языке XVIII–XIXвв. и *աղա господин, պարոն господин, տեր хозяин, տերտեր поп* – в армянском того же времени).

Проанализированные выше параметры, на мой взгляд, могут послужить основой структуры словарной статьи прагматического или прагматически

ориентированого словаря, мечту о котором я попытался описать в данной статье.

[1] В отличие от логической, где осуществляется исследование условий истинности суждений. Лингвистика же совершенно не занимается вопросами истинности исследуемых единиц, поскольку не может задать лингвистические формы, в которых подается единственно только истина или единственно ложь. В сущности, логика тоже не занимается реальной истинностью/ложностью суждений. Она значения истинности только постулирует (вслед за Г. Фреге) в качестве абстрактных денотатов всех суждений. То же, что можно назвать логической прагматикой, есть лишь шаг в сторону лингвистики, но не полное их соприкосновение. Пафос статьи Д. Болинджера (Истина – проблема лингвистическая/ Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987) по-человечески можно понять, но вряд ли принять.

[2] Если вернуться к вопросу об отношении к логике, то спрашивать по поводу средства, является ли оно истинным или ложным, бессмысленно. Оно может характеризоваться только как подходящее или не подходящее для выполнения данной задачи, эффективное или нет, в общем – как уместное или неуместное, и никак иначе.

[3] См.: в частности, Кодзасов С.В. Перформативность и интонация/ Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов// Логическй анализ языка. М.: Наука. 1989.

[4] См.: в частности материалы четырехлетнего исследовательского проекта http://www.ucl.ac.uk/psychlangsci/research/linguistics/lexiclpragmatics/Overview , а также его последующего развития. Задачи лексической прагматики определяются здесь как следующие. (a) Разработать единое когнитивно правдоподобное объяснение лексико-прагматических процессов. (b) Сравнить это объяснение с альтернативными объяснениями, которые разрабатываются в настоящее время. (c) Рассмотреть, насколько лексико-прагматические процессы регулируются общими прагматическими принципами, которые применяются как в отношении слова, так и на уровне предложения. (d) Исследовать, включает ли творческое, специфически окказиональное (часто встречающееся в литературных произведениях) употребление те же процессы, что и в более регулярных, обычных употреблениях. (e) Рассмотреть вопрос об импликациях нашего объяснения для традиционного понятия буквального значения (meaning). Библиографию см.: http://www.ucl.ac.uk/psycholangcsi/research/linguistics/bibliography.

[5] Прагматика, исходящая из построений Дж. Л. Остина и Дж. Б. Серла, может быть отнесена к ней. См.: Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford UP. New York, 1973; Searle J.B. Speech Acts: An Essay in the Philosophy and Language. London, Cambridge Univ. Press., 1969. Переводы фрагментов этих и других работ см. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986.

[6] В частности, и риторика. См. Копнина Г.А. Риторические приемы современого русского литературного языка, Опыт системного описания. М.: Наука, 2009.

[7] Задав поиск по «коммуникативные тактики» я получил 54 страницы названий. Особо же я хочу отметить очень интересные исследования рефлексивов – некоторых метаречевых выражений, сопровождающих речь См.: И.Т. Вепрева. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМАПРЕСС, 2005; Е.И. Шейгал. Рефлексивы в политической коммуникации/ Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3. Воронеж, 2002.

[8] Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря. // Прагматика и проблема интенсиональности в языке. М., 1988. СС. 8–9.

[9] Наверное, языковое творчество в подавляющем большинстве случаев сводиться *к выбору из имеющихся* средств. Отсюда, конечно, возникает вопрос о границах языковой свободы. Одно дело свобода на уровне «рассмехайтесь, смехачи … смейево, смейево», другое – на уровне выбора той или иной морфологической единицы. Языковая свобода всегда ограничена набором тех или иных единиц. Она равна количеству единиц выбора. Якобсон Р.О. в известной статье (см. его Два аспекта языка и два типа афатических нарушений/Теория метафоры. М.: Прогресс. 1990. С.113.) говорит о возрастании степени свободы при переходе от низших уровней языка (фонематического) к высшим (фразовому). Отсюда можно было бы сделать вывод о некотором снижении «удельного веса прагматичности» в сверхфразовых еднствах. Однако целая речь может быть произнесена со вполне прагматической целью подражания кому-нибудь или простого издевательства над слушателем.

[10] Очень полезной для меня стала модель К.А. Долинина. См.: его Интерпретация текста. М.: Просвещение,1985 и последующие издания.

[11] Одно из редких упоминаний факта речи для третьего лица. См. Е.А. Земская. Городская устная речь и задачи ее изучения //Разновидности городской устной речи. М.: Наука, 1988. С. 24.

[12] В русском, как и во всяком другом языке, существует некоторый набор лексических единиц, выражающий такого рода отношения между людьми.

[13] См.: М.М. Бахтин. Проблема речевых жанров/ М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

[14] См. старый и очень известный учебник A.B. Hornby. Oxford Progressive English for Adult Learners (множество изданий), где языковой материал дается по разным тематическим урокам: семья, школа, университет, вечеринка, охота, порт, новости, добыча нефти, кухня и т.д. По такому же принципу часто распределяют материал и авторы разговорникв. Ч. Филлмор назвал бы это фреймом (см. его Фреймы и семантика понимания /Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М.: Прогресс, 1988). Ср. также Ирвинг Гофман. Анализ фреймов. М.: изд-во Института социологии РАН, 2004. Однако поскольку понятие фрейма ни у одного из этих авторов не определено, я предпочту более содержательный, хотя опять-таки не очень определенный термин «социокультурные обстоятельства речи».

[15] Поздравление жениху и невесте на армянской свадьбе звучит как «մի բարձի ծերանաք» (да состаритесь вы на одной подушке), на русской – «совет да любовь».

[16] См. Е.Г.Кашина. Традииции и инновации в методике преподавания иностранных языков. Самара: Универс-групп, 2006. СС. 13–15.

[17] Наверное, к максимам Пола Грайса (см.: Г.П. Грайс. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистики. Вып. 16. М.: Пргресс, 1985) можно бы добавить и такую: говори без затей, говори просто, иначе можешь вызвать такие реакции адресата, как «Фразер», «Словечка в простоте не скажет» и т.п.

[18] Йотирование – это логическая операция, преобразующая описательное выражение в терм.

[19] О некоторых рефлексивных механизмах общения см.: С.Р. Вартазарян. К описанию коммуникативных процессов / Семиотика и проблемы коммуникации. Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1981.

[20] Эйхенбаум Б.М.. Как сделана «Шинель» Гоголя. / О прозе. Л-д.: Художественная литература, 1969. СС. 315–316.

[21] Если принять известную и, на мой взгляд, достаточно обоснованную точку зрения Р.О. Якобсона. См.: его Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1977. Поэтика ОПОЯза, как известно, строилась, в частности, на этом тезисе, Ср.: «Чтобы сделать слово вещью (а в этом все дело литературы) вещи надо поместить так, как помещают вещи на выставке» (Б. Эйхенбаум. Мой временник. Л., 1929. СС. 39–40); «Поэтическая функция через слово рассказывает нам, что такое само слово» (Г. Винокур. Поэтика.Лингвистика. Социология / ЛЭФ, 1923.3. С.110).

[22] О различных рангах рефлексии см. Вартазарян С.Р. К описания процессов коммуникации / Семиотика и проблемы коммуникации.

[23] Возможны, разумеется, другие ценностные шкалы. Ср. в этой связи понятие «эмоционала» в Багатурия А.Б. Прагматические аспекты функционирования некоторых существительных «активного противодействия». Автореферат дссертации … канд. филолог. наук. М., 2003.

[24] См.: определение М. Вебера: «“Действием” мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому приятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный *смысл*. «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием *других* людей и ориентируется на него». (М. Вебер. Основные социологические понятия/ Избранные труды. М.: Прогресс. СС. 602–603). Считая, что такая сооотнесенность со смыслом всегда имеет языковое выражение, предварительное определение социального действия может быть таким: *действие, совершенное человеком, фиксируемое окружающими как имеющее смысл в социальном взаимодействии и имеющее особое обозначение.* Здесь имеется в виду, что есть некоторый словарь лексических единиц, обозначающих социальные действия. Так, остраненное описание «он подошел к стоящему у окна мужчине, взял его правую руку и начал ее трясти» обозначает только физическое действие, но выражение «он обменялся с гостем *рукопожатием*» – уже социальное. В словарь социально-коммуникативныъх действий (подраздел действий социальных) могут войти такие слова и выражения, как *поздоровался, попрощался, пригласил, опротестовал решение, похвалил, оскорбил* и т. д.

[25] Различение внутреннего и внешнего (в данном случае социального) чрезвычайно трудно. Оставим эту проблему специалистам, но и примем, что в самом общем случае ни один внешний императив – ни физический и ни социальный не может быть причиной того или иного действия субъекта, если он не стал фактом внутреннего мира. Непосредственной причиной действия субъекта является внутренняя реальность и ее императивы. Это трюизм, но напомнить об этом стоит.

[26] Здесь возможна крайняя точка зрения, согласно которой, если ничего не высказывается просто так, всякое высказывание имеет (хотя бы даже и неосознанную) цель, то скрытый императивный момент должен присутствовать в каждом высказывании. Однако не всегда ясно, можно ли речевую интенцию всегда называть императивом, тем более, что иногда что-то говориться совершенно не имея в виду исполнение приказа, содержащегося в высказывании. Так, можно спросить кого-

то о чем-то, только чтобы заставить адресата повернуться лицом. Можно ли последнее желание говорящего называть неким невыраженным императивом?

[27] Ср. Бикертон. Введение в лингвистическую теорию метафоры /Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 290, где говорится об атрибутах – качествах, необходимо присущих обозначаемому предмету, как твердость – железу. Как можно видеть, я значительно расширил это представление.

[28] Основой здесь послужил Словарь сочетаемости слов русского языка. М.: Русский язык, 1983.

[29] Таким образом, можно придти к заключеиию, что предметом линвистической прагматики является отображение друг в друге, или иначе – соотнесенность друг с другом следующих словарей: словаря реалий, содержащего указание на прагматическую напряженность слова (*война, засуха, победа, счастье, дельфин* – высок., напр., *железобетон, карета, постель* – сред., напр., *тела вращения, предикат, рефрактор* – низк. напр); словарь СКК-обстоятельств, жизненных парадигм, фреймов, в которых обычно появляется данное слово – *автобус, аудитория, аэропорт, база, банк, бильярдная, вагон, вернисаж, выборы, госпиталь, заседание, застолье, именины, исповедь, казарма, казино, кладбище, класс, клиника, футбол*; словарь отношений – состояний говорящего – *симпатизирует, любит, презирает*; отношений – действий говорящего – *оскорбил, обидел, похвалил, предупредил, приказал, попросил*; культурно обусловленный словарь СКК-характеристик говорящего и адресата – *вождь, классный руководитель, шофер такси, прохожий, друг* и т. п.; словарь эффектов речевого события (перлокутивов). Часто слова этих словарей будут служить в качестве лингвопрагматических помет.

[30] Мотивы, по которым производятся высказывания, могут составить некоторую, иногда сложную иерархию: как, например, *просьба, приказ, рекомендация, совет* и т.п. могут быть конкретизацией общего действия *побудить*. Поэтому когда говорится о гиперониме, то имеется в виду «ближайший» – по аналогии с логическим *ближайшим родом.*

Summary

Linguistics and in particular lexical pragmatics have reached a stage where the possibility of creating a pragmatic vocabulary can be discussed. The issue of the paper is a structure of the pragmatic dictionary entry, as well as relevant information, which such an entry should contain. While defining lexical pragmatics as a field of linguistics, which studies the lexical expression of the speaker's attitude towards the conditions of the speech act, the author highlights such circumstances of the utterance as the attitude towards the addressee, to his social and cultural position presented at some speech act, social and cultural circumstances of the utterance (such frames, as exam, funeral, stadium, etc.) and especially the attitude of the speaker to himself and his own speech.

Keywords: linguistic pragmatics, lexical pragmatics, speaker, the addressee, speech act, circumstances of the utterance.

Ամփոփում

Լեզվաբանությունը և առանձնապես բառային գործաբանությոնն արդեն հասել է այնպիսի մակարդակին, որ հնարավոր է դարձնում գործաբանական բառարանի ստեղծումը: Ներկա հոդվածի խնդիրը՝ այդպիսի բառարանի բառահոդվածի կառուցվածքն է, ինչպես և այն անհրաժեշտ տեղեկությունները, որոնք պետք է կազմել նման հոդվածի բովանդակությունը: Սահմանելով բառային գործաբանությունն իբրև լեզվաբանության ճյուղ, որն ուսումնասիրում է խոսողի՝ տվյալ խոսքի պարագաների նկատմամբ վերաբերմունքն արտահայտող բառամիջոցները, հոդվածագիրն առավելապես շեշտում է ասույթի այնպիսի հանգամանքները, ինչպիսիք են խոսքով արտահայտված վերաբերմունքը հասցեատիրոջ, նրա հասարակական-մշակութային դիրքի, խոսքի հասարակական-մշակութային պայմանների (,շրջանակներն, ինչպիսիք են քննություններ, թաղում, մազադաշտ ևն), և հատկապես՝ իր իսկ խոսողի՝ սեփական խոսքի նկատմամբ:

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ «ПОЛУПЕРИФЕРИЙНОЙ СТРАТЕГИИ» РОССИИ В ОТНОШЕНИИ РЕГИОНА ЮЖНЫЙ КАВКАЗ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

А.А. Егиазарян

В статье обсуждаются вопросы, касающиеся особенностей стратегии полупериферийной России в регионе Южный Кавказ и Центральная Азия. В частности, рассматриваются те сферы экономики стран региона, где российские компании имеют сильную позицию. Особое внимание обращается на вопросы торговой экспансии России. Делается вывод, что в ближайшей перспективе Россия сделает все возможное для укрепления своих позиций в этом регионе.

Ключевые слова: полупериферия, мироэкономика, структура импорта, торговля, Россия.

Понятие «полупериферии» (semi-periphery) впервые применил один из основоположников миросистемного анализа – американский социолог И. Валлерстайн. Он рассматривал полупериферию как соединяющее звено между ядром и периферией мироэкономики, что выражается не только ее средними экономическими показателями по сравнению с развитыми и отсталыми странами, но и своеобразным положением в капиталистической мироэкономике [1]. С одной стороны, полупериферия стремится войти в ряд стран, составляющих ядро капиталистической мироэкономики, с другой стороны, она всегда подвержена риску сползания на периферию.

Положение «полупериферии» амбивалентно не только по причине ее нестабильности, но и потому, что она выступает одновременно в двух ипостасях: в роли эксплуататора и/или военно-политического гегемона по отношению к еще более зависимой «периферии», и в роли объекта эксплуатации, сырьевого или иного придатка, одним словом, маргинала и аутсайдера по отношению к государствам ядра (центра). «Полупериферия» обречена на роль посредника между центром и «перифериями» капиталистической мироэкономики и в данном смысле не свободна от двусторонней зависимости – от государств центра и от своей собственной, чаще всего региональной, «периферии» [2].

В основном в эту категорию стран входят достаточно крупные государства, с большой территорией, природным и человеческим ресурсом (населением около 70–100 миллионов и больше). Крупные масштабы государства позволяют использовать объемный внутренний рынок для развития сравнительно автономной национальной экономики, накопления ресурсов для модернизации производственных и инфраструктурных объектов. Все эти возможности положительно влияют на степень национальной интеграции и усиления государственных механизмов полупериферийных стран. Вместе с тем, все эти страны имеют разные

экономические и социальные структуры, динамику развития, своеобразные политические системы и культурные традиции.

И. Валерстайн относит к полупериферии более двадцати стран мира, в том числе и Россию. Согласно И. Валерстайну, после разрушения Советского Союза Росссия нашла свое место в капиталистической мироэкономике в качестве полупериферийной страны, как было 300 лет подряд [3]. С точки зрения разделения труда России присущи больше всего периферийные черты. Но отнести Россию к периферии невозможно, так как она остается слишком большой и сильной для этого. «Даже ослабленная Россия слишком опасный противник, чтобы допустить ее сползание на Юг» [4]. В России Валерстайн видит черты ядра в «армии и во всем, что в России связано с ней» [5]. Россия пока остается полупериферией, если учитывать ее ресурсный потенциал, ядерную и космическую сферы, не до конца разрушенную науку и систему образования. Можно сказать, что Россия еще держится на позиции, которую она занимала в мире в течение почти трех столетий. Но если деструктивные тенденции, возобладавшие в последние два десятилетия, продолжатся, то через 10–15 лет Россия перейдет – и необратимо – в разряд «полноценных» периферийных стран [6].

Действительно, в капиталистической мироэкономике нынешняя Россия позиционировалась как типичный сырьевой придаток постиндустриальных и индустриальных стран. Более 80% российского экспорта составляет минеральная и металлургическая продукция. Однако Россия пытается на основе добычи и переработки богатых природных ресурсов обеспечить качественный рост, используя еще существующий промышленный потенциал (канадский путь развития).

Но для этого России придется изменить свою политику, часто имеющую меркантилистическую сущность и риторику. Правда, меркантилизм, начиная с XVII века, был главным инструментом полупериферийных стран, стремящихся стать странами сердцевины, но может ли он в нынешных условиях России выполнять функцию, аналогичную той, которую он выполнял во Франции, затем в Германии и в других странах?

В последние полтора десятилетия Россия внешне придерживалась принципов меркантелизма, но эта политика не привела к существенным структурным изменениям в ее экономике. Кажется, что вступлением в ВТО Россия пытается сделать переход от политики меркантелизма к политике более тесных интеграционных отношений с ведущими странами капиталистической мироэкономики. *В связи с этим можно ожидать, что ее полупериферийная функция в отношении постсоветского региона Южный Кавказ и Центральная Азия расширится, что, в свою очередь, при условиях международной изоляции Ирана и усиления акцента ближневосточного вектора в политике другого регионального игрока – Турции, приведет к усилению позиций России в регионе.*

В России существует консенсус о том, что страны региона входят исключительно в сферу российского влияния. Такие политические интересы во многом обусловлены советским наследием. Но они имеют также объективные причины. Почти всегда окружающие периферийные страны включаются в орбиту интересов полупериферии также по соображениям безопасности. В этом плане любая нестабильность на южных границах России может иметь непосредственное

воздействие на нее, включая проблемы исламизма, беженцев, торговли наркотиками, потери контроля над трубопроводами, месторождениями урана, сокращения объемов торговли и т.д. (исходящие из Центральной Азии) и обострения внутриполитической ситуации на Северном Кавказе (из-за нестабильности на Южном Кавказе).

Для того чтобы усилиться в регионе Россия имеет и использует многие рычаги, в том числе определенную инфраструктурную приемственность в виде транспортных и коммуникационных связей. Поэтому в Каспийском регионе Москва стремится заблокировать все нефтегазовые альтернативные трубопроводные проекты, чтобы сохранить свое доминантное положение на европейском рынке и получить экономические и политические выгоды [7]. В настоящее время ЕС получает от России 50% импортируемого газа и 30% нефти [8]. Для России особенно важна конфигурация газотранспортной системы региона. В отличие от нефтепроводной системы, в данной сфере России пока удается сохранить доминантное положение. Ведущие европейские страны, стремясь приобретать жизненно важные для своей экономики энергоресурсы, не заинтересованы ухудшением отношений с Россией, поэтому их компании часто играли друг против друга, обеспечивая более выгодные условия для России. Газпром заключил достаточно выгодные для себя контракты с Eni (Италия), Gasunie (Нидерланды), BASF (Германия), E. ON Ruhrgas (Германия) и Газ де Франс (Франция).

В конце 90-ых годов, когда планировалось строительство газопровода из Туркмении через Каспийское море и Турцию в Европу, Россия прореагировала быстро, построив свой собственный голубой поток по дну Черного моря в Турцию. В 2007г. «Газпром» и итальянская ENI объявили о намерении реализации проекта «Южный Поток», целью которого является блокирование НАБУКО. В том же году был подписан трехсторонний договор (Россия, Казахстан, Туркмения) о строительстве Прикаспийского трубопровода по восточному побережью Каспия, расширении и модернизации существующих трубопроводов в Центральной Азии. Реализация этого проекта даст возможность Газпрому контролировать часть Центрально-азиатского газа. Газпром имеет соглашение с Туркменией об увеличении покупки газа из нынешних 50 до 90 млрд. кубометров в 2028г. Несмотря на то, что страны Центральной Азии в последние годы повысили цену на газ, Газпром продолжает увеличивать закупки (Иран и, особенно Китай, готовы более дорого платить за центральноазиатский газ, что способствует повышению цены). Другие совместные проекты – такие, как Центр – Средняя Азия и газопровод Бухара – Урал, также направлены на увеличение потока узбекского и туркменского газа в сторону России [9].

Центрально-азиатский газ играет важную роль в энергобалансе России. В настоящее время он нужен «Газпрому» для обеспечения своих контрактных поставок газа Европе. По экспертным оценкам в ближайшее десятилетие Россия и ЕС останутся, соответственно, крупными экспортерами и импортерами природного газа в мире.

Альтернативными российскому направлению могли бы стать Транскаспийский и трансафганский проекты. Но эти проекты нереализованы по разным причинам. Создается впечатление, что в газовой сфере западное и южное направле-

ние не конкурируют с российским, и что США и ЕС устраивает такое положение дел. То есть ресурсы региона распределились по стратегической важности: нефть – ядру (в данное время именно американские и европейские компании контролируют основные нефтяные источники и маршруты каспийского бассейна), газ – полупериферии. Примечательно, что в 2006г., заключив договор с Узбекистаном, Газпром приобрел три самых крупных газовых месторождения этой страны (Урга, Куаныш и Акчалак) и таким образом получил реальное монопольное право на экспорт узбекского газа. Взамен предполагалось, что отношение России к узбекскому режиму станет благонадежным. С точки зрения миросистемного анализа полупериферийная Россия таким образом смягчает напряженность отношений по линии «ядро-периферия». В данном случае полупериферия в отношении периферии выполняет функцию ядра. Но это никак не означает уменьшение влияния ядра на полупериферию. США и европейские страны имеют в своем распоряжении достаточные коммерческие и технологочеческие рычаги для их применения в переговорах с Россией. В частности, в арсенал таких инструментов можно включить:

– вложения западного капитала в нефтегазовую сферу в условиях инвестиционного голода в России;

– передача западных нефтегазовых технологий России;

– сотрудничество в сфере ядерной энергетики;

– координация повышения эффективности использования энергии в России и ЕС;

– повышение производительности российской энергетики посредством образования и участия в западных технических учреждениях.

При всей сильной позиции России в газовой сфере региона в настоящее время у нее нет монополии на транзит. Экспортные маршруты уже не всецело зависят от России: туркменский газ экспортируется прямо в Иран и Китай (Китай имеет договоры покупки газа также с Казахстаном и Узбекистаном).

По сравнению с другими международными игроками, вложения Москвы в топливный сектор Центральной Азии скромнее. По итогам 2007 года, общий объем российских инвестиций в нефтегазовые отрасли в страны Центральной Азии составил от 4 до 5,2 млрд. долларов. Подавляющая часть инвестиций (порядка 80–85%) сосредоточена в Казахстане (примерно от 3,4 до 4,1 млрд. долларов), в меньшей степени – в Узбекистане (от 0,5 до 1 млрд. долларов), и пока в незначительной степени – в Туркменистане, Таджикистане и Кыргызстане (примерно – 50 млн. долларов в целом) [10].

Хотя Россия самостоятельно осуществляет и участвует во многих нефтегазовых проектах в Казахстане, ее роль по сравнению с западными компаниями очень ограничена. Строительство трубопроводов БТД и БТЭ значительно ослабило влияние Москвы на Азербайджан и Грузию.

«Газпром» работает во многих странах региона. Основные направления его деятельности – это геологоразведка (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), поставка и распределение газа (Армения). В Туркмении Россия представлена компанией ИТЕРА. Однако здесь для России более решающее значение имеют расширение и модернизация трубопроводов, требующее сравнительно небольших вло-

жений. Вложения в шельфовые месторождения требуют не только больших объемов инвестиций. Освоение таких месторождений труднодоступно также с технической и геополитической точки зрения.

В газовом секторе таких стран как Киргизия и Грузия конкурентом России выступает Казахстан. Он намерен также начать геолого-разведочные работы в нефтяном секторе Туркмении. Казахстанские компании, усиливая свои позиции на этих рынках, могут также взять под контроль углеводородные ресурсы своей страны. И, в первую очередь, это угрожает проектам и планам российских компаний.

Еще одна сфера деятельности, где Россия стремится усилиться, но не в состоянии доминировать, это гидроэнергетика. В Таджикистане средствами «Интер РАО ЕС» построена Сангтудинская ГЭС-1, проектной мощностью 670 МВт (российской компании принадлежит 75% акций). Россия поставляет генераторы для станции «Камбарата-2» в Киргизии и контролирует Ингури ГЭС в Грузии (бассейн станции находится на территории Грузии, а станция – в контролируемой Россией Абхазии). Но гидроэнергетические проекты в Таджикистане и Киргизии связаны с водными проблемами региона. Около 80% водных ресурсов Центральной Азии формируется на территории Киргизии и Таджикистана, а потребляется Казахстаном, Узбекистаном и Туркменией. Эта проблема особенно чувствительна для Узбекистана. 2/3 часть населения этой самой крупной в регионе страны, живет в сельской местности и занято в аграрном секторе. Ее жизнедеятельность зависит от воды, идущей из высокогорных районов Таджикистана и Киргизии. С точки зрения Узбекистана, строительство ГЭС-ов высокогорных районов Таджикистана и Киргизии нарушает водный баланс региона, и их реализация может привести к непредсказуемым социальным, политическим и экологическим последствиям. Участвуя в гидроэнергетических проектах этих стран, Россия вовлекается в сложную геополитическую игру, что может иметь непредсказуемые последствия с точки зрения перспектив российского влияния как в регионе, так и в отношении Афганистана и Пакистана, которым планируется поставлять выработанную на этих станциях электроэнергию. Эта одна из причин, из-за чего Россия отказалась от строительства Рогунской ГЭС в Таджикистане. В силу тех же причин ни Турция, ни Иран, ни Россия, и даже Китай, не в состоянии решить конкретные водно-энергетические проблемы региона.

Торговля России с регионом, без сомнения, основывается на энергетике. Но в отличие от западных стран, Россия в данном случае выступает в качестве не потребителя, а перепродавца. Торговые отношения России со странами региона играют важную роль для экономики России. Поставленное сырье из региона в Россию пока перерабатываются на российских предприятиях, хотя более скромными масштабами, чем раньше. Типичными статьями российского экспорта в регион являются детали машин, техническая помощь и другие виды «конечной продукции». Торговая экспансия полупериферийной России в окружающие периферийные страны имеет свое объяснение с позиций миросистемного анализа. Торговая экспансия полупериферии обусловлена структурной особенностью ее экономики. Среднетехнологические отрасли экономики полупериферийной страны могут развиваться только за счет горизонтального расширения рынков сбыта,

поэтому для полупериферии в целом характерна экстенсивная экспансия. В определенной мере эту экспансию можно назвать вынужденной. Из-за существующих диспропорций в экономике полупериферии, при сужении внешних рынков сбыта она начинает сталкиваться с серьезными экономическими, социальными и политическими проблемами как у себя дома, так и во внешнем мире. Освоение новых рынков дает возможность снизить производственные издержки и обеспечить экономический рост, следовательно, данная полупериферийная страна может осуществить более серьезную модернизацию и структурную перестройку собственной экономики. В 90-ые годы проникновение на рынки Южного Кавказа и Центральной Азии позволило турецким и иранским компаниям расширить свои рынки и увеличить прибыли. В этих странах увеличилась также доля частных предпринимателей, ориентированных на экспорт, то есть торговая экспансия стимулировала экономическую активность, повышение занятости и доходов полупериферии. Примечательно, что, расширяя рынки сбыта за счет периферии, полупериферия одновременно выполняет также функцию ядра. Данная функция исходит из особого положения компаний полупериферии, которую они занимают в иерархии мироэкономики. Дело в том, что они инкорпорированы с высокотехнологическими секторами экономик стран ядра. Кроме этого, компании стран ядра часто владеют значительными пакетами акций в компаниях полупериферии. Все это дает возможность компаниям ядра осваивать часть прибыли, полученную компаниями полупериферии за счет эксплуатации периферии. Это очевидно, особенно на примере Турции и Китая. Ориентированные на экспорт компании этих стран очень зависят от компаний развитых стран как в технологическом плане, так и в плане корпоративного управления. На данный момент Россия остается главным экспортером товаров в страны региона (см. таблицу 1).

Таблица 1. Доля и место России в импорте стран региона, 2010г.

Страна	Объем импорта, млн. доллар США	Россия	
		доля,%	место
Армения	3782,9	16.0	1
Грузия	5 156,3	5,6	5
Азербайджан	6600,6	17.3	1
Казахстан	30 839,3	39,1	1
Узбекистан	3525,9	54,0	1
Киргизия	3222,8	33,6	1
Таджикистан	2657,0	32,0	1
Туркменистан	8183,0	14,2	1
Всего:	63967,8	29,3	1

Источник: рассчитан автором по данным национальных статистических служб стран и Евростата.

Если российские компании в Казахстане и Азербайджане не могут конкурировать с западными компаниями, то с небогатыми нефтью странах, как Таджикистан, Киргизия и Армения они имеют достаточно сильные позиции. Вместе с тем,

Россия сталкивается с конкуренцией Китая в Киргизии, Ирана – в Таджикистане. В Грузии в качестве альтернативы российскому влиянию выступает Турция.

Интересы российских компаний распространяются также на следующие сферы: уран, электроэнергетика, рынок нефтепродуктов, строительство, телекоммуникации, грузоперевозки, железнодорожный транспорт, банки, военно-промышленный комплекс, отдельные сферы сельского хозяйства и т. д.

В ноябре 2008г. правительство РФ одобрило «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», устанавливающую ряд критериев эффективности и целевых ориентиров развития, которые должны обеспечить устойчивый экономический рост и укрепление национальной безопасности. Цель России заключается в том, чтобы к 2020г. стать одной из ведущих мировых держав и войти в пятерку стран-лидеров. Предусматривается до 2020г., по сравнению с 2007г., увеличить ВВП на душу населения более чем в два раза, повысить долю высокотехнологических и инновационных предприятий, существенно увеличить расходы на ИР, объемы экспорта и т.д. Если эти планы осуществлятся, то в течение ближайших 20 лет потребуются более чем 12 млн. иммигрантов, чтобы компенсировать сокращение трудовых ресурсов, особенно в условиях, когда в течение последующих десяти лет из экономики будет ежегодно выбывать 1% работоспособного населения. Ни одна из развитых экономик мира не смогла реализовать оптимальный сценарий экономического роста в подобных обстоятельствах [11].

Согласно оценкам, совокупная численность трудящихся-мигрантов только из Узбекистана (как легальных, так и нелегальных) превышает 1 миллион человек, и на каждого легального в России приходится девять нелегальных мигрантов [12]. Отмечавшиеся в последнее десятилетие высокие темпы экономического роста в отдельных секторах усилили зависимость России от притока рабочей силы. Россия является вторым в мире государством по количеству принимающих мигрантов после США. То есть для России регион имеет важную роль с точки зрения мигрантов. Для стран региона основная страна, принимающая мигрантов является Россия. Учитывая фактор старения населения России, трудовая миграция в будущем приобретет еще большую значимость для экономического развития. Россия будет делать все возможное для усиления в этом пространстве.

С другой стороны, позиции России в регионе продолжают ослабляться на фоне активизации Китая, имеющей больше экономических и политических ресурсов. И это касается не только нефтегазовой сферы, но и торговли и инвестиций. Уязвимая Россия опасна с позиций интересов капиталистической мироэкономики, особенно в услових, когда последней бросает серьезный вызов усиливающийся Китай. Нет сомнений, что в ближайшей перспективе Россия будет использовать сложившуюся ситуацию и делать все возможное для усиления в этом пространстве. Эти усилия России могут проявится в проекте Евразийского Союза. Но в силах ли Россия реализовать данный проект? Это уже предмет другой статьи.

1. *Иммануэль Валлерстайн*. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под редакцией канд. полит. наук Б.Ю. Кагарлицкий. СПб.: Изд-во «Университетская книга», 2001, 415с.
2. *Молчанов М.А*. Национальные интересы в эпоху «глобальных республик», сетевой портал журнала «Полис», http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=79
3. *Иммануэль Валлерстайн*. Россия и капиталистическая мир.экономика // Свободная мысль, 1996. СС. 37–38. № 5.
4. Там же. С. 41.
5. Там же. СС. 38–39.
6. *Владимир Хорос*. Полупериферия в контексте глобализации, Независимый альманах «Лебедь» № 329, 22 июня 2003г., http://www.lebed.com/2003/329.htm
7. *Zeyno Baran*, EU Energy Security: Time to End Russian Leverage.
8. European Commission and EU Secretary-General/High Representative, "An External Policy to Serve Europe's Energy Interests," June 2006, http://www.consilium.europa.eu/ ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/reports/90082.pdf.
9. *Paramonov V. and Strokov A*. Russian Oil and Gas Projects and Investments in Central Asia, Central Asia Series, Defence Academy of the United Kingdom, Shrivenham, 2008.
10. *Владимир Парамонов и Алексей Строков*, Российские нефтегазовые проекты и инвестиции в Центральной Азии, Advanced Research and Assessment Group, Central Asian Series, 08/19(R).
11. *Mikhail Dmitriev*. «Long-Term Economic Consequences of the Aging Population in Russia». Справочный документ к Докладу о социальном развитии за 2009 год. Центр стратегических разработок.
12. *Rybakovsky, Ryazantsev*. "International Migration in the Russian Federation". Документ был представлен в ходе заседания группы экспертов ООН по вопросам международной миграции и развития,
http://www.un.org/esa/population/meetings/ittmigdev2005/P11_Rybakovsky&Ryazantsev.pdf

ՌՈՒՍԱՍՏԱՆԻ «ԿԻՍԱԾԱՅՐԱՄԱՍԱՅԻՆ ՌԱԶՄԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ» ՀԻՄՆԱԿԱՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՀԱՐԱՎԱՅԻՆ ԿՈՎԿԱՍ ԵՎ ԿԵՆՏՐՈՆԱԿԱՆ ԱՍԻԱ ՏԱՐԱԾԱՇՐՋԱՆԻ ՆԿԱՏՄԱՄԲ

Ամփոփում

Խորհրդային Միության փլուզումից հետո Ռուսաստանը գտավ իր տեղը կապիտալիստական աշխարհ-տնտեսությունում որպես կիսածայրամասային երկիր: Աշխարհ-համակարգային վերլուծության դիրքերից Հարավային Կովկաս և Կենտրոնական Ասիա տարածաշրջանի նկատմամբ Ռուսաստանը հանդես է գալիս որպես կենտրոն: Ռուսական ընկերությունների շահերը տարածվում են տարածաշրջանի երկրների տնտեսության բազմաթիվ ոլորտների վրա, բայց առաջին հերթին էներգետիկայի և արտաքին առևտրի վրա: ռուսաստանի տնտեսության զարգացման հեռանկարի համար կարևոր նշանակություն ունեն տարածաշրջանի երկրների աշխատանքային միգրանտները: Ընդունվելով ԱՀԿ՝ Ռուսաստանը ոչ միայն արագացրեց կապիտալիստական աշխարհ-տնտեսության կենտրոնի հետ ինտեգրացիոն գործընթացները, այլև ընդլայնեց տնտեսական ազդեցության իր հնարավորությունները տարածաշրջանում:

THE MAIN FEATURES OF RUSSIA'S «SEMI-PERIPHERAL STRATEGY» IN REGION SOUTH CAUCASUS AND CENTRAL ASIA

Summary

After the destruction of the Soviet Union, Russia has found its place in the capitalist world economy as a semi-peripheral country. From the standpoint of world-system analysis for the region South Caucasus and Central Asia, it serves as a center. The interests of Russian companies apply to many sectors of the economy in the region, but primarily on energy and trade. For the development prospects of the Russian economy are important migrant workers from the region. By joining the WTO, Russia has not only accelerated the integration process with the center of the capitalist world-economy, but also expanded the opportunities for economic influence in the region.

Keywords: semi-periphery, world-economy, structure of import, trade, Russia.

ԱՆՁԻ ԲԱՐՈՅԱԿԱՆ ԴԱՍՏԻԱՐԱԿՈՒԹՅՈՒՆԸ ՈՐՊԵՍ ԱԶԳԱՅԻՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ԳԵՐԽՆԴՐԻ ԽՈՐԵՆ ԱՇԸԳՅԱՆԻ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԴԱՎԱՆԱՆՔԻ ՄԵՋ
(մեթոդաբանական տեսանկյուններ)

Ռ.Ա. Միրումյան

Կրթության հիմնախնդիրը պատմության ողջ ընթացքում մարդկությանը ուղեկցող և բեկումնային կամ ճգնաժամային դարաշրջաններում հատուկ այժմեականություն ձեռք բերող հարցերից մեկն է:

Հասարակականության (քաղաքակրթության) ծնունդը պայմանավորված է մարդու հոգևոր նախասկզբի զարգացմամբ: Ընդ որում, հոգևոր ինտեգրացիայի ամենաարդյունավետ կառույցը բնական ամրակի դեր կատարող ավանդական՝ էթնիկ գործոնն էր: Ուստի և սոցիալական շահը պետք է դիտվեր որպես որոշակի էթնոսի շահ: Ավանդական հենքի վրա ստեղծվող մշակութային որոշակի (գրավոր) ավանդույթում մարդու ներառման գլխավոր կառույցը կրթական համակարգն է, ինչից և առաջանում է յուրաքանչյուր ազգի մշակույթը: Մինչդեռ մշակույթը (գաղափարախոսությունը) ապահովում է ազգի անկախ գոյության նախապայմանը՝ ազգի հոգևոր ինքնությունը: Վերջինս պայմանավորված է մշակութային միասեռությամբ, ինչը բացառապես կրթության միջոցով է ձեռք բերվում: Այդ իսկ պատճառով կրթական համակարգն ազգային մշակույթի կարևորագույն ինստիտուտն է, ազգի և ազգային պետականության ձևավորման և պահպանման խթանը:

Այս իրողությունը դեռևս հին ժամանակներում հստակորեն գիտակցվել է ինչպես Արևելքում, այնպես էլ Արևմուտքում: Արևելյան ժողովուրդների (չինացիների, հնդիկների, ճապոնացիների) հասարակական կյանքի բոլոր դրսևորումները պայմանավորված էին «Ուսուցիչ-Աշակերտ» համակարգով, ինչը ժամանակների և սերունդների ժառանգորդումն ու պետական կառուցվածքի անսասանությունն ապահովող ավանդույթի պահպանման և զարգացման միջոցն էր: Ազգային դաստիարակությունը հույների և հռոմեացիների հասարակական կյանքի անկյունաքարն էր ու նրանց քաղաքական իրավականության նախապայմանը: Հայոց գրերի ստեղծման արդյունքում ձևավորված Ազգային դպրոցը կոչված էր Հայ եկեղեցու հետ մեկտեղ ապահովել ազգի հոգևոր ինքնությունը, դրանով նպաստելով նաև ազգի ազատ գոյության և ազգային պետականության ստեղծմանը: Միաժամանակ պետության կայացման և կենսագործունեության չափանիշը նույնպես ժողովրդի կրթվածության աստիճանն է: Ազգային զգացմունքները, ազգային ինքնագիտակցությունը և ինքնաճանաչումը պետականության ձգտումների հիմքն են, որն, իր հերթին, կախված է ազգային կրթության և դաստիարակության խնդիրների լուծման մակարդակից[1]:

Հասարակական կեցության համար արտաժամանակային և համընդգրկուն հարցերից մեկի՝ կրթության հիմնախնդրի նկատմամբ մեր օրերում աճող հետաքրքրությունը պայմանավորված է նախ քաղաքական և տնտեսական գործոններով, այն է՝ արևմտածին մշակութային արժեհամակարգի միջոցով իրենց հոգևոր ազդեցությունը խորացնելու

և աշխարհի բոլոր կողմերից անհրաժեշտ մասնագետներ հավաքագրելու Արևմուտքի հզոր երկրների ձգտմամբ: Եթե առաջին հանգամանքը նպաստում է այդ երկրների աշխարհաքաղաքական խնդիրների լուծմանը, ապա երկրորդ հանգամանքն ապահովում է դրանց բարգավաճումը: Բազմաթիվ հասարակություններում իրականացվող արդիականացման գործընթացները հիմնահատակ են արել այդ հասարակություններում գոյություն ունեցող ավանդական կրթական համակարգերը՝ դրանով իսկ առաջացնելով կրթական համակարգի խոր ճգնաժամ: Վերջինիս առանձնահատկությունն է արդի հասարակության աճող բանականացման պատրանքը, որին զուգակցում է ծրագրավորված «մասնագետների» տիրաժավորումը: Այս տեսանկյունից կրթության հիմնախնդիրը ուղղակիորեն վերածվում է ազգային անվտանգության կարևորագույն հարցի:

Կրթական համակարգի արմատական փոխակերպման անհրաժեշտությունը գիտակցում են տարբեր գիտաճյուղեր ներկայացնող մասնագետներ: Վերջին տարիներին այս խնդիրը ակտիվորեն քննարկվում է տարբեր (պատմական, փիլիսոփայական, քաղաքական, մշակութային, մեթոդաբանական, մարդաբանական և այլն) տեսանկյուններից, ինչը ոչ միայն հաստատում է կրթական համակարգի ճգնաժամի խորությունը, այլև վկայում է Արդիականության համակարգային անշրջելի ճգնաժամի մասին: Արդի հասարակական տիեզերքի բացարձակ անորոշությունը պայմանավորում է դրա տարաբնույթ, իսկ հաճախ նաև իրարամերժ բնութագրումներ, ինչը մտածել է տալիս, թե հետ-աշխարհականացած աշխարհը կարող էր ծնունդ տալ միայն հետ-աշխարհականացած մարդուն: Հետ-աշխարհականացած հասարակական տիեզերքը «տառապում» է մասնատվածությամբ, աղճատվածությամբ, միակողմանիությամբ և այդ պատճառով էլ կտրվածությամբ հավերժականը բովանդակող Ավանդույթից (հասարակական և անհատական կեցության հոգեբարոյական չափումը)՝ դրանով իսկ օրինականացնելով հետ-աշխարհականացած մարդու անկախության բոլորովին այլ ձևաչափը:

Նման իրավիճակում ապարդյուն են թվում «փաստացի իրականությունից» բխեցվող առաջարկները (Բոլոնյան գործընթացի մեջ հաջող ներգրումը կամ օգուտ քաղելը, ժամանակի հրամայականներին համապատասխանող մասնագետների պատրաստումը, կրթության մարդկայնացումը և այլն): Պատճառն այն է, որ մեր ժամանակաշրջանում հերթական անգամ վերակենդանացած և օրեցօր սաստկացող քաղաքակրթչական մրցակցության մեջ անխուսափելիորեն պետք է պարտվեն այն երկրները, որոնք, հրաժարվելով իրենց պատմությամբ սրբագործվող ավանդույթներից (այդ թվում նաև կրթության և դաստիարակության ազգային ավանդույթներից), փորձում են (ձգտում են) օտարածին (արևմտյան) մտակաղապարները պատվաստել սեփական հողի վրա: Լավագույն դեպքում այդ երկրները ընդունակ կլինեն Արևմտյան երկրների պատվաստել համար անհրաժեշտ մասնագետներ պատրաստել:

Երրորդ հազարամյակի սկիզբը նշանավորվեց Կյանքի արժեզրկման մասին պատկերացումների տարածմամբ և մահվան կուլտուրայի զարգացմամբ: Ստեղծված իրավիճակը մարդկության համակեցության համակարգային ճգնաժամի ամենահավաստի վկայությունն է: Երկրագնդի վրա ստեղծված մթնոլորտը հնարավոր է փոխել միայն մարդու բարոյական մաքրման և նրա ոգու վերակենդանացման միջոցով: Դրա համար անհրաժեշտ է դիմել այն ազգերի հոգևոր փորձին, որոնք ստեղծել և պահպանել են ազգային հարուստ հոգևոր մշակույթ և որոնց կենսագործունեության դաշտը դեռևս ամբողջովին չի մասնատվել համաշխարհացման գործընթացներով: Այդ ազգերի մշակութային հիշողության կենդանությունը կարող է հիմք հանդիսանալ ողջ մարդկության մշակութային հիշողության վերակենդանացման համար[2]:

Նշվածի համատեքստում հարկ է իմաստավորել ազգային կրթության և դաստիարակության վերաբերյալ XIX դարի հայ կրոնական մտածող և ազգային գաղափարախոսության պահպանողական թևի ներկայացուցիչ Խորեն Աշըգյանի դատողությունները, որոնք ունեն հստակորեն շեշտադրված արդիական հնչեղություն: Իբրև ելակետ ընդունելի

է վերջինիս այն գաղափարը, ըստ որի՝ մարդկության պատմության մեջ գլխավորը «իրավունք-պարտականություն» հարաբերակցության ճշմարիտ ըմբռնմամբ պայմանավորված բարոյականության զարգացումն է: Ազգի բարոյական զարգացումը ազգի ազատության գրավականի՝ ազգային լուսավորության (կրթության և դաստիարակության) գերխնդիրն է. «Պէտք չէ ուրեմն զարմանալ թէ իմաստուններն ինչու այնքան նախամեծար և գովելի կսեպէին դաստիարակութիւնը, և թէ ինչ նկատմամբ ամբողջ ազգի մը ծաղկելուն և բարգաւաճելուն մէկ հատիկ ու ապահով միջոց կդնէին զանիկայ. վասն զի իրենց գլխաւոր սկզբունքն էր թէ, տղաքներն աւելի ազգին են քան թէ ծնողաց …»[3]:

Ըստ այդմ, ազգային լուսավորությունը պետք է ուղղորդված լինի ազգային զգացման պահպանմանն ու ամրապնդմանը, հակառակ դեպքում նենգափոխվում է լուսավորության բուն էությունն իսկ: Պատճառն այն է, որ ազգային զգացման պահպանումը ազգի բարձր պարտավորությունն է. ազգությունը ազգի համար բարձրագույն բարօրություն է, հանուն որի պետք է զոհաբերվի ոչ միայն անհատական, այլև հասարակական բարօրությունը : Ազգային զգացումը կենդանի պահելու համար լուսավորությունը պետք է ներդաշնակ լինի ազգային կեցության նախահիմքերի հետ: Այս նկատառումով անհրաժեշտ է ապահովել ազգի նախկին լուսավորության՝ «Ոսկեդարի» և նոր ժամանակաշրջանի ազգային լուսավորության ճիշտ հարաբերակցումը:

Դարաշրջանի հայ պահպանողականությանը հատուկ այս մոտեցումը սկզբունքորեն տարբերվում էր կրթության հիմնախնդրի վերաբերյալ նույն ժամանակահատվածի հայ ազատականների մշակած դիրքորոշումից: Վերջինս ամփոփելի է հետևյալ բանաձևումներով: Պետության բացակայությունը բացասաբար է ազդում ազգային կյանքի բոլոր բնագավառների, այդ թվում՝ նաև հոգևոր ոլորտի վրա. «առանց ազատութեան անկարելի է մատենագրութիւն, անկարելի է գիտութեան յառաջադիմութիւն և բարգաւաճութիւն»[4]: Խնդրի մյուս կողմը, սակայն, այն գաղափարի հաստատումն է, որ քաղաքական ազատության գրավականը պետական կյանք վարելու ազգի ձգտումն ու ցանկությունն է, ինչն ապահովվում է ազգային դաստիարակությամբ պայմանավորված ազգի բարձր ինքնագիտակցությամբ: Ազգային լուսավորությունը՝ ազգի քաղաքական կյանքի վերականգնման ուղին, գիտական առաջադիմության արդյունքների յուրացմանն ուղղորդված ազգի հոգևոր «վերանորոգութիւնն» է:

Հիմնվելով «Լույսի հաղթանակը պայման է մարդկության բարգավաճմանն ու կատարելագործմանը»՝ Խ. Աշըգյանը բնորոշում է լուսավորությունը որպես մարդկային ոգու արթնացման, խավարից դուրս գալու, այն է՝ հոգու առողջացման կարևորագույն միջոց. «ուր մշտատեւ է այն խաւարն՝ հոն մարդկային հոգին իր մահաբեր եւ ծանր քունը կշարունակէ, եւ ուրկէ որ այն խաւարը փարատուած է՝ հոն քնոյ թեթևնալուն՝ եւ մարդկային սեռի իր հիւանդութեանց սոսկալի օրհասաբերէն փրկուելուն յոյսը կարտադրի»[5]:

Հասարակականության (քաղաքակրթության) զարգացման իր ժամանակաշրջանում նկատվող օրինաչափությունը, երբ մարդու մտավոր հորիզոնի ընդլայնումը զուգընթաց է ազգային-կրոնական ավանդույթների նշանակության նենգափոխմամբ և որը եվրոպական ազատականները լույսի հաղթանակ են կոչում, մտածողը քաղաքակրթության «սոսկալի յեղափոխութիւն» է անվանում: Ըստ նրա, ճշմարիտ լուսավորությունը կրոնական սկզբունքների և մարդու իրավունքների գաղափարի համահարաբերակցման շարժընթաց է: Մինչդեռ իբրև անհատի իրավունքների գիտակցման շարժում ընկալվող լուսավորությունը վնասակար է մարդկային հասարակության գոյության հեռանկարի տեսակետից, քանզի կասկածի տակ է դնում «պարտք-իրավունք» բարոյական օրենքի վրա հիմնված մարդկային համակեցությունն ապահովելու համար խիստ անհրաժեշտ համերաշխության սկզբունքի կիրառումը. «Ասոր համար ամեն մարդ իր իրաւունքը կը

տեսնէ՝ և կճանչնայ մտքի լուսով, առանց Աստուածային և ընկերական իրաւունքները ճանչնալու և յարգելու, միտքը ազատ ճանապարհաւ ընդարձակուելով՝ կամքը իրեն նպատակին ծառայեցնելու տեղ՝ ինք ալ անձնասիրութեան կրից կհաւանի և կծառայէ: Կհետևի թէ՝ ամեն մարդ արթուն է ու լուսաւոր, բայց ինքն իր համար, և մութն ալ դեռ չէ փարատուած մարդերու մտքէն: Ի՞նչպէս կրնամք այսպիսի դար մը լուսաւորութեան դար համարիլ»[6]:

Հայ ազգային կեցության համատեքստում քաղաքակրթական այս օրինաչափությունը գնահատելիս Խ. Աշըգյանը մի կարևոր վերապահում է անում: Դարաշրջանի հայ ազատականների նախաձեռնությամբ Ազգային սահմանադրության հաստատումը (1863թ.) հայ հասարակության մեջ ըմբռնվել է իբրև ազգային լուսավորությամբ պայմանավորված հայ ժողովրդի առաջադիմության (անկախության) չափորոշիչ: Ազգային սահմանադրությունը, սակայն, ընդունվել և հաստատվել է ոչ թե ազգային, այլ թուրքական կառավարության կողմից: Բացի այս, հայ պահպանողականը նշում է, որ Ազգային սահմանադրության կիրառումը սահմանափակվում էր Թուրքիայի հպատակության ներքո գտնվող հայ ժողովրդի արևմտյան հատվածի շրջանակներով: Իսկ ազգի իրական ազատության ձեռքբերումը (դրա քաղաքական իմաստով) ընկալելի է իբրև լոկ պատմական հեռանկար: Ուստի ճշմարիտ լուսավորությունը. «սահմանադրական ազատութեան պայմանները սորվելու, կատարելու, քաղաքակրթական օրինաց եթէ գործադրութիւնը եթէ հպատակութիւնը անկեղծութեամբ և ճշմարտութեամբ տրամադրելու մէջ կկայանայ, զի մարդկային ազատութիւնը ճշմարտութեան մէջ է, ինչպէս կիրապարակէ Աստուածային անսուտ վճիռը՝ թէ "Ծանիջիք զճշմարտութիւն՝ և ճշմարտութիւնն ազատեսցէ ընձեզ"»[7]:

Հոգեբարոյական դաստիարակությունը, այսպիսով, մտածողը ըմբռնում է որպես առաջնային և կարևորագույն աղբյուր «անդորրութեան և երջանկութեան» հասարակական բոլոր միությունների համար՝ ընտանիքից մինչև պետություն: «Եւ յիրաւի, որովհետև ի՞նչ է տէրութիւն կամ թագաւորութիւն ըստ ծնիս, եթէ ոչ ընդարձակ ու մեծ մարմին մը՝ որուն զօրութիւնն ու հաստատութիւնը կախում ունին մասնաւոր գերդաստանաց զօրութենէն և հաստատութենէն, որոնք են իբրև մասունք և անդամք այն մարմնոյն, և որուն իւրաքանչիւրն ալ պարտական են ամբողջ մարմնոյն իրեն հաղորդած գործերն անխա»[8]:

Նրա ըմբռնմամբ, մարդու (ազգի, հասարակության) հոգու դաստիարակությունը առաջնային է պետության հիմք հանդիսացող օրենքի վերաբերմամբ: Խնդիրն այն է, որ նույնիսկ օրենքի կատարումը պայմանավորված է մարդու բարոյական դաստիարակությամբ: Մյուս կողմից, օրենքը գործում է «արգելք-պատիժ» սահմաններում: Ի տարբերություն դրան, դաստիարակությունը մարդու ցանկություններն ու ձգտումները սահմանափակող կառուցակարգ չէ, այլ երեխայի մեջ առաքինություն սերմանելու միջոց. «Իր (դաստիարակության – Ռ. Մ.) դասերն՝ որ գրեթէ տղուն ծննդեան հետ կսկսի, անոր հետ նաև կաճին և կզարգանան, խորունկ արմատ կը ձգեն ժամանակին հետ, շուտ մը յիշատակութենէն և մտքէն սրտին մէջ կանցնին, կտպաւորուին օր ըստ օրէ իւր բարուց մէջ սովորութեամբ կամ վարժութեամբ, որով երկրորդ բնութիւն մը կըլլան՝ որ գրեթէ ալ չկրնար փոխել, և իր բոլոր կենաց ընթացքին մէջ աներևոյթ օրէնսդիր մը իրեն ներկայ ունեցածի պէս կըլլայ որ ամէն պատեհ առթի մէջ իրեն կցցնէ իր պարտքն, և կատարել կուտայ »[9]:

Վերոշարադրյալի լույսի ներքո ըմբռնելի է մտածողի միտքն այն մասին, թե ազգային կրթությունը նախ և առաջ պետք է ապահովի հայ մանուկների բարոյական դաստիարակությունը, առանց որի կրթությունը վերածվում է չարիքի: Նա ընդդիմանում է կուսակցական ոգով «տառապող» հայ ազատագրական շարժման գաղափարակիրներին (և առաջին հերթին հնչակյաններին), որոնք «կոյր եւ սաստիկ ատելութեան զգացում մը կը տածեն սրտերնուն մէջ: Կը զննին ընդդէմ այնոցիկ՝ որք ամենայն անձնանուիրութեամբ

տղայոց ճշմարիտ կրթութիւն տալու կ'աշխատին»[10]:

Խ. Աշըգյանի համոզմամբ կուսակցական ոգին պետք է մուտք չգործի դպրոց, քանզի ազգային կրթության նպատակը ընտրությունների ժամանակ ազգային երեսփոխաններին քվե տալու ընդունակ մարդկանց պատրաստելը չէ: Դպրոցը բարիք է, եթե բարի պտուղ է տալիս. «Անհատին և ընկերութեան համար՝ ամենէն մեծ գործն է՝ հոգւոյ, բարուց և յատկութեան ազնուութիւն. երկրորդական և այս նպատակին հասնելու իբրև միջոց միայն կը համարինք մի քանի սկզբնական գիտելեաց աւելի կամ նուազ ընդհանրական ծաւալումը»[11]: Առանց բարոյական զգացման ազգը կործանվում է, իսկ հասարակությունը բարբարոսության մեջ է ընկնում: Ընդ որում, բարոյական զգացման դաստիարակության գլխավոր միջոցը կրոնն է: Ելնելով դարաշրջանի հոգևոր մթնոլորտը ստեղծող ազատական գաղափարաբանության գլխավոր կարգախոսներից մեկի՝ խղճի ազատության սկզբունքից, պահպանողականը հենց այդ կարգախոսի տեսանկյունից պաշտպանում է դաստիարակության մեջ կրոնին վերապահվող մեծ առաքելությունը: Ըստ այսմ՝ դպրոցում կրոնի «պաշտոնը և գործածութիւնը (պետք է – Ռ. Մ.) դաստիարակութեան խարիսխը ըլլայ…»[12]:

Խ. Աշըգյանի ըմբռնմամբ ազատական փիլիսոփայության տարածումը և դրա գաղափարների որդեգրումը արդի հասարակության կողմից անհրաժեշտորեն չեն ենթադրում հրաժարում կրոնական գաղափարաբանությունից և հասարակության մեջ կրոնի մեծ դերակատարությունից: Առավելին, դպրոցում (ինչպես տարրական, այնպես էլ բարձրագույն) բոլոր առարկաների (պատմությունից մինչև բնագիտություն) դասավանդումը նույնպես պետք է մեկ նպատակ հետապնդի, այն է՝ դպրոցականի մեջ բարոյական զարգացման արթնացումն ու զարգացումը:

Միաժամանակ մտածողը չի ընդունում բարոյական սկզբունքների ռացիոնալացման իր ժամանակաշրջանում նկատելի միտումը: Դպրոցում նման բարոյական դաստիարակության իրականացումը անհրաժեշտորեն կհանգեցնի երեխայի կողմից տրամաբանական օրենքներին համապատասխանորեն ձևակերպած կանոնների մեխանիկական յուրացմանը: Մինչդեռ մարդու բարոյական զգացման հիմք հանդիսացող բարոյական գիտակցությունն ու խիղճը գործում են ազատ և չեն կարողանում սահմանափակվել մարդու ձևակերպած օրենքներով ու կանոններով: Ազատորեն գործող բարոյական գիտակցությունից զուրկ մարդը նման է մեքենայի և ընդունակ չէ բարոյական ընտրություն անելու. «Ամեն դրութիւն կամ մեթոտ՝ որ մարդն ամբողջ չառնէր, կամ մարդէն բան կպակսեցունէ բնութեան դէմ է: Մեր մարդկային ամբողջութեան մէջ գէշ հակամիտութիւններ կրնանք ունենալ, բայց ինչ բան որ մեր էութեան կացուցիչ հանգամանքն է, մեր մարդ ըլլալու յատկութեան որոշիչն է, և Աստուծոյ ձեռքէն ելած մարդուն ուղիղ պարագայքն են՝ ներելի չէ ոչ փոխել և ոչ խանգարել: Մենք յանցաւոր կհամարիմք այն մարդիկը՝ որք իրենց մարմինը կկրճատեն նիւթապէս, ո՛րչափ հապա անոնք՝ որ միտքը կկրճատեն, միտքը՝ որ նոյն իսկ մարդն է, մինչդեռ մարմինը միայն գործիք մ'է: Աստուծոյ գործը միշտ բարի է, մարդոց տրուած չէ Աստուծոյ գործը փոփոխել: Մենք մեր այս բարոյական յօդուածներու մէջ՝ պիտի պարապիմք ցցունելու՝ թէ ո՛րը Աստուծմէ կուգայ, և ո՛րը մեր մոլութենէն, և սանձել կամ խլել մոլութիւնը և ընդհակառակն ամրացնել մեր բնական կարողութիւնները: Ասիկա միթէ կարելի՞ է ազատութիւնը կապելով և խիղճը կամ գիտակցութիւնը խղդելով ընել»[13]:

Մարդու բարոյական գիտակցությունը անհրաժեշտորեն արտահայտվում է նրա գործողությունների միջոցով: Ուստի մերժելի են իմաստասերների այն կարծիքը, թե Աստված մարդուն չարիք գործելու հակամետ է ստեղծել, որպեսզի ստիպելով բարիք գործել՝ նրան դարձնել առաքինի: Այդ իմաստասերները նենգափոխում են Աստծո բարերարությունը, որը «իւր պատկերին համեմատ այսինքն ոչ թէ ի չարն, այլ ի բարին ազատ լինելու

և մնալու պայմանի մէջ զմարդն ստեղծեց»[14]:

Խ. Աշըգյանի դատողություններում, սակայն, հարկ է շեշտադրել նաև մարդկային բանականության և աստվածային հայտնության, գիտելիքի և հավատի, փիլիսոփայության և կրոնի «հաշտեցման» միտումը: Իբրև մեկնակետ ընդունելի է մտածողի տեսակետը, որի համաձայն՝ քրիստոնեական հավատը «մարդկային բնութեան հակասական չէ», քանզի «հաւատք և խորհուրդ՝ մտածութեան սեռի բոլոր կետերու մէջ կան»: Նման կողմնորոշման տրամաբանական ավարտն է Խ. Աշըգյանի միտքն այն մասին, որ գիտությունը մարդուն հանգեցնում է Աստծուն, այսինքն՝ վկայում Աստծո գոյությունը: Հենց քրիստոնեական հավատն է մարդկային մտքի առջև բացում անկատար բանականության և թույլ գիտության համար փակ աշխարհը: Աստված՝ Գերագույն Միտքը, հայտնել է մարդուն իր Բանը՝ «իբրեւ առարկայ հաւատոյ», դրանով իսկ մարդուն ընձեռելով՝ նրա մտքի կատարելագործմամբ, առաջադիմելու հնարավորություն[15]:

Այս հենքի վրա ընդունելի է դառնում Խ. Աշըգյանի հետևյալ ձևակերպումը. «Եկեղեցիական Պատմութիւնն եւ Քրիստոնէական Աստուածաբանութիւնը… իմաստասիրութեան ընկերացող ուսումներ են … այն կարգի հեղինակներ միայն ընտրելով առաջնորդ որոց կրօնական եւ իմաստասիրական վարդապետութիւնը հակառակ չ'ելլեր ո՛չ ուղիղ փիլիսոփայութեան եւ ոչ ողջամիտ աստուածաբանութեան եւ հետեւապէս ազգային աւանդութեան … մէկ կողմանէ բանականութեան պատիւը պահեմք, միւս կողմանէ ալ Աստուծոյ երաշխիքը կամ ճշմարտութեան ձրի պարգեւը իմաստուն երկիւղածութեամբ մեծարեմք»[16]: Նրա պնդմամբ, մարդու իմացական բնականոն իրավիճակը ենթադրում է համաձայնություն փորձի, գիտական տեսության, բնազանցական սկզբունքի և կրոնական գաղափարի միջև, որի խախտման պարագայում «ճշմարտութիւն ճշմարտութեան դէմ կյարձակի. վտանգ մ'է կծագի, որուն դէմ տալու համար բանականութիւն եւ հաւատք իրենց կշիռը կը կորուսանեն»: Նման իրավիճակը կանխելու (կամ շտկելու) համար մտածողն անհրաժեշտ է համարում գիտության դերակատարության սահմանումը և Բանի ու Հավատի հրամայականների հաստատումը: Ըստ նրա, կրոնի ճշմարտությունները, որոնց հիմքը Աստվածն է, չեն խոչընդոտում գիտության զարգացումը. «Աստուած չէ ուզած յայտնել այնպիսի բնական և բնազանցական խնդիրներ՝ որոց լուծումը մեզի, գոնէ Աստուծոյ նպատակին մէջ, կարևոր չէ. միայն մեր պարտաւորութիւնները ճանչնալու և կրօնական վախճանին դիմելու համար հարկ եղածները իմացուցած է»[17]: Այս սահմանումից դուրս մարդուն հետաքրքրող հարցերը նա վերապահում է գիտությանը: Խ. Աշըգյանը նշում է նաև, որ գոյություն ունեն կրոնական ու բնազանցական ճշմարտություններ, որոնք քննելի են ոչ թե գիտության փոփոխական միջոցներով, այլ մշտատև Բանի և Հավատի օգնությամբ: Մյուս կողմից, նա պնդում է, որ գիտությունը չի կարող վնասել այդ կենսաշունչ աղբյուրներից սկիզբ առած բացարձակ ճշմարտություններին. նման հնարավորության ընդունումը ենթադրում է մարդկային աշխարհում գիտության իրական պաշտոնակատարության խեղաթյուրում:

Ազգային կրթության երկրորդ կարևորագույն կռվանը Խ. Աշըգյանը համարում է ազգային լեզուն: Հիմնվելով Մովսես Խորենացու «Հայոց պատմություն» աշխատության մեջ ամփոփված տեղեկությունների վրա՝ նա հաստատում է, որ հայերենը (դրա գրաբար տարբերակը) այն լեզուն է, որն առաջին Մարդը սովորել է Աստծուց: Այդ իսկ պատճառով հայը պետք է սրբորեն վերաբերվի աստվածապարգև և թանկագին այս ժառանգությանը ու ձգտի պահպանել դրա մաքրությունը: «Ճշմարիտ է՝ որ նոր գաղափարներու համար, նոր բառեր ճարտարել կպատահի երբեմն, սակայն սա անհրաժեշտ պայման մ'է՝ որ նոր բառերը ստեղծելէ յառաջ նայուի թէ արդեօք մեր լեզուին մէջ նոյն գաղափարը կշռող բառ կա՞յ թէ ոչ, այս պայմանին դէմ է շատերուն ըրածը, որ իրաց եւ լեզուի հմտութիւն չունենա-

լով՝ հին գաղափարներ նոր կկարծեն, եւ նորաձայն այլանդակ բառեր կդնեն, մինչդեռ վաղուց առձեռն կկենան նոյն իմաստը յայտնող քաջաղէպ և ընտելագոյն բառեր»[18]:

Այս հարթության վրա ըմբռնելի է դառնում մտածողի այն միտքը, թե Ազգային ուսումնական խորհրդի գլխավոր նպատակը պետք է լինի ազգային լեզվի մաքրության պահպանումը: Ազգային լեզվի նկատմամբ հայերի դրսևորած վերաբերմունքը համահարաբերական է հայերենի և հայ ժողովրդի նկատմամբ այլ ազգերի և օտարերկրյա կառավարությունների դրսևորած վերաբերմունքին[19]: Բացի այս, հայերեն լեզվով հրատարակվող գրականությունը պետք է զարգացնի հայ ընթերցողի բանականությունը և ձևավորի համապատասխան մտածողություն: Մինչդեռ հայ հրատարակիչները ձգտում են հրատարակել ոչ թե ճաշակ ու միտք զարգացնող, այլ մեծ շահույթ բերող ցածրորակ գրականություն: Այս հանգամանքը ոչ միայն չի նպաստում հայ գրականության զարգացմանը, այլ, ընդհակառակը, վտանգում է հայ ազգի հոգեբարոյական և քաղաքական կարգավիճակը. «Կրոնական վիճակին վնասակար է, որովհետև մեր հայրենատուր կրօնին յատկութիւնը պղտորելու ջանացող խումբերու առջև մէկը կրնայ գթել ու անոնց ծուռ ու սխալ համոզումներէն բռնուիլ, եթէ եկեղեցական պատմութիւններէն չգիտնայ մեր եկեղեցւոյ ուղղափառ վարդապետութեանց յաջորդութիւնը՝ թէ ի՞նչպէս հաւատարմաբար իւրաքանչիւր դար իրենց ընդունած կերպով իրարու յանձնած՝ ու իբրև անտխեղծ աւանդ մը իր սկզբնական յատկութեամբ մինչեւ մեզի հասուցած են: Քաղաքական վիճակն ալ վնասակար է. որովհետև անցեալ դէպքերը՝ որ պատմութեանց մէջ պահուած են, մեզմէ ծածուկ մնալով, նմանօրինակ դիպուածոց մէջ շատ անգամ կտուժեմք՝ իրաց օգտակար վախճանին համաձայն շարժելու փորձառութիւն չունենալով»[20]:

Միաժամանակ Խ. Աշըգյանը քննադատում է հայալեզու մամուլի այն խմբագիրներին, որնք, հիմք ընդունելով «մամուլի ազատություն» կարգախոսը, «անպիտան յօդուածներ են» հրատարակում: Չեռնիաս ազգային իշխանությունը պարտավոր է դրա դեմն առնել և դա բոլորովին չի խանգարում ժամանակաշրջանի որդեգրած խոսքի ազատության կարգախոսին. «Մամլոյ ազատութիւնը օգտակարութան մէջ է, եւ այդ օգտակարութիւնն ալ հասարակաց բարքը, վարքը շինելու, ախորժակը կանոնաւորելու ու միտքը զարգացնելուն մէջ է: Լրագիր մը երբ այդ նպատակներէն կշեղի, կառավարութիւնը զայն խափանելով՝ մամլոյ զեղծումը ու չէ թէ անոր ազատութիւնը խաբանած կըլլայ»[21]: Հայ հասարակության մեջ եվրոպական գաղափարաբանության տարածումը նա բացատրում է այն լրագրողների մեծ քանակով, որոնք չեն ծառայում իբրև միջոց ազգի համար «ճիշտ դատելու և ճիշտ գործելու» համար: Մամուլում արծարծվող կարծիքների բազմազանությունն ու փոփոխականությունը նա համարում է քաղաքական մոլեռանդության աղբյուր:

Այսպիսով, ազգային կրթության գերխնդիրը Խ. Աշըգյանը դիտում է ազգային հասարակության համար լիարժեք մարդու դաստիարակումը, ինչը հնարավոր է արդի գիտության ձեռքբերումների յուրացման և հոգեբարոյական արժեքների որդեգրումով՝ վերջինիս շեշտադրմամբ:

1. Տե՛ս *Միրումյան Ռ.,* Պատմափիլիսոփայական հայեցակարգերը XIX դարի հայ փիլիսոփայության մեջ. Մեթոդաբանական վերլուծություն, Եր., Նոյան տապան, 2003, էջ 293–234:
2. Տե՛ս *Мирумян Р.А.* Армянское культурное наследие кака механизм самозащиты нации в условиях глобализации (к вопросу о политической концепции культуры). Материалы международной научной конференции «Армения в диалоге цивилизаций», 28 апреля 2011г. Н. Новгород: Деком. СС. 82–83.

3. *Աշըխեանց Խ.*, Հարկաւորութիւն բարիոք դաստիարակութեան մանկանց // «Յոյս» [Յարմաշ], 1864, № 3, էջ 51:
4. *Նազարեանց Ստ.*, Հայկական լեզուի խորհուրդ //«Հիւսիսափայլ», 1858, № 1, էջ 19:
5. *Աշըխեանց Խ.*, Լուսաւորութիւն // «Յոյս» (Յարմաշ), 1865, № 10, էջ 217:
6. Նույն տեղում, էջ 219:
7. Նույն տեղում, էջ 220:
8. Տե՛ս *Միրումյան Ռ.,* Պատմափիլիսոփայական հայեցակարգերը XIX դարի հայ փիլիսոփայության մեջ. Մեթոդաբանական վերլուծություն, էջ 49:
9. Նույն տեղում, էջ 50:
10. *Աշըխեանց Խ.*, Ժողովրդեան կրթութէնեն ի՞նչ բարիք կը ծնանի // «Յոյս» (Յարմաշ) 1877, № 10, էջ 578:
11. Նույն տեղում, էջ 580:
12. *Աշըխեանց Խ.*, Քրիստոնեական ամուսնութիւն // «Յոյս» (Յարմաշ) 1876, № 9, էջ 546:
13. *Աշըխեանց Խ.*, Մարդկային գործողութիւն // «Յոյս» (Յարմաշ), 1874, № 6, էջ 347:
14. Նույն տեղում, էջ 348:
15. Տե՛ս *Աշըխեանց Խ.,* Ջատագովութիւն քրիստոնէական // «Յոյս» (Յարմաշ), 1874, № 1, էջ 22–34:
16. *Աշըխեանց Խ.*, համառօտ փիլիսոփայութիւն, ի նիկոմիդա, 1885, Յառաջաբան, VII–VIII:
17. *Աշըխեանց Խ.*, Գիտութիւն եւ հաւատք // «Յոյս» (Յարմաշ), 1874 № 2, էջ 73, 76:
18. *Աշըխեանց Խ.*, Պաշտօնական թշնամանք ազգային լեզուի // «Յոյս» (Յարմաշ), 1870, № 54, էջ 270:
19. Տե՛ս *Աշըխեանց Խ.,* Տաճկաստանի մէջ հայերէն լեզուին արժէքը // «Յոյս» (Յարմաշ), 1869, № 29, էջեր 97–100:
20. *Աշըխեանց Խ.*, Մեր ազգին ընթերցանութեան ախորժակն ու լրագիրները // «Յոյս» (Յարմաշ), 1869, № 39, էջ 338:
21. *Աշըխեանց Խ.*, Պատմութիւն սովրելուն աղէկ կերպն ու օգուտները // «Յոյս» (Յարմաշ), 1875, № 6, էջ 339:

НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ НАЦИИ КАК СВЕРХЗАДАЧА НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ ХОРЕНА АШЫГЯНА
(методологические аспекты)

Резюме

В статье формулируется идея о том, что проблема образования сопровождает человечество на протяжении всей его истории, приобретая актуальность в переломные или кризисные эпохи. В качестве исходной для концепции Х. Ашыгяна служит идея о том, что главной в истории человечества (нации) является духовно-нравственное развитие, обусловленное правильным осмыслением соотношения «право-обязанность». Нравственное воспитание нации является главнейшей задачей национального просвещения (образования и воспитания), которые, в свою очередь, являются условием обеспечения свободы нации.

Истинное просвещение есть закономерный процесс корреляции религиозных принципов и идей прав человека. Сверхзадачей национального образования Х. Ашыгян полагает воспитание полноценного человека для национального сообщества, что осуществимо посредством усвоения и достижения современной науки и духовно-нравственных ценностей с акцентацией последних.

Национальная система образования является главным инструментом включения человека в свою национально-культурную традицию, тем самым способствуя сохранению его национальной идентичности.

Ключевые слова: национально-культурные традиции, духовная самобытность нации, национальное чувство, патриотизм, духовно-нравственные ценности нации

THE MORAL UPBRINGING OF A NATION AS THE UNDERLYING TASK OF THE NATIONAL EDUCATION IN THE POLITICAL DOCTRINE OF KHOREN AHIGYAN
(methodological aspects)

Summary

The idea that the problem of education accompanies the humanity throughout its whole history, gaining urgency in the epochs of crises, is formulated in this article. The initial idea in Kh. Ashibyan's concept is that the spiritual and moral development is the essential point in the history of humanity (nation) and it is conditioned by the correct comprehension of the "right –obligation" correlation. The moral upbringing of a nation is the main task of the national enlightenment (education and upbringing), which, in turn, supports the nation liberty.

The true enlightenment is the natural process of correlation of religious principles and ideas of human rights. Kh. Ashigyan considers that the nurture of full-fledged human beings for the national community is the underlying task of the national education, which is possible through the assimilation of the religious and moral values by the modern science.

The national system of education is the main tool of including an individual in its national and cultural tradition and thereby it promotes to save its national identity.

Keywords: National and cultural traditions, Religious originality of a nation, National feeling, Patriotism, Religious and moral values of a nation.

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИБЕРТАРИЗМА

М.Г. Монета

В современном мире происходят кардинальные изменения в социально-экономической, политической и культурной сферах. Эти изменения сопровождаются усложнением общественно-политической и экономической жизни, что приводит к многообразию идеологических течений, представляющих собой своеобразные, но устоявшиеся духовные образования, отражающие новые потребности общественного развития.

Ключевые слова: либертаризм, политэкономия, минархизм.

Одним из таких идеологических течений выступает либертаризм. Либертаризм – идеологическое течение современного либерализма, восходящее своими историческими корнями к идеалам классического либерализма. На протяжении всего XX века либерализм пережил целый ряд идейно-политических и социальных кризисов. Это было обусловлено глубинными политическими, социальными и экономическими процессами. В социальной сфере кризис либерализма сопровождался поэтапным сокращением социальной базы, чему во многом способствовала активизация других идейно-политических течений. Социальная «почва» либерализма была «размыта» деятельностью идеологий-конкурентов. Эта тенденция прослеживалась еще с конца XIX в.

На сегодняшний день облик современного либерализма окончательно еще не сформировался. По-видимому, это обусловлено тем, что либерализм, как идеология и политическая практика, существенно видоизменялся, приспосабливаясь к политической и исторической действительности. Эти процессы привели к появлению идеологии неолиберализма или либертаризма, сформировавшейся в качестве оппозиции идеям другого идейно-политического течения современного либерализма – социал-либерализма. Неоднозначность и некоторая размытость названия этого течения объясняется тем, что существует практически противоположное понимание либерализма в европейской и американской традиции. В Америке слово «либерал» практически является синонимом слова «социалист». Либерализм в рамках данной традиции сводится к поддержке государственных социальных программ и, как следствие этого, приводит к увеличению налогообложения, направленного на решение социально-экономических вопросов. В Европе же слово «либерал», напротив, является антонимом слова «социалист». Европейский либерал выступает за ограничение вмешательства правительства в экономику. В Америке в определении этого термина акцент ставится на его политической составляющей, а в европейских странах превалирует его экономическое толкование. Однако, в конечном счете, все те, кто причисляет себя к тому или другому идейно-политическому течению являются сторонниками классичес-

кого либерализма. Одни не называют себя либертарианцами или неолибералами, настаивая на традиционном обозначении своей идеологии как «либерализм» или «классический либерализм». Другие считают подобную приверженность старым и для них устаревшим терминам ошибочной, вносящей путаницу в политическую картину мира, что препятствует распространению либертарианских (неолиберальных) идей. Согласно В.С. Малахову, в отличие от либерализма, «термин «неолиберализм» применяется для обозначения не философской и мировоззренческой, а политической и идеологической установки»[1].

Либертаризм ставит основной акцент на правах и свободах отдельно взятого индивида, выводит принципы устройства общества из аксиомы самопринадлежности. Термин «либертаризм» был введен в научный оборот основателем Фонда экономического образования Леонардом Ридом в 1950г. Либертаризм рассматривался им как идейное течение, последовательно применяющее идеи классического либерализма, доводя либеральную аргументацию до выводов, жестко ограничивающих роль государства и защищающих свободу личности[2]. Либертализм подчеркивает различие между ценностями индивидуальной свободы и ценностями общественного благосостояния и равенства. Речь идет о том, что либертаристы отвергают идею необходимости согласования частных интересов с общими, полагая, что подобный консенсус не только недостижим, но и опасен для индивидуальной свободы. Наблюдается абсолютизация «индивидуального», «частного» перед «общим». Возвышая ценности индивидуальной свободы, либертаризм старается сформулировать подход к тому, что индивиды могут делать в отношении друг друга, какова их роль в организации государства и, самое главное, какой полнотой власти государство вообще должно и может обладать.

Наиболее известными представителями либертаризма являются Ф. Бастиа, Д. Бергланд, Л. Мизес, Р. Нозик, Л. Рид, М. Ротбард, А. Рэнд, Д. Фридман, Ф. Хайек и многие другие мыслители. Несмотря на имеющиеся отличия (зачастую существенные) в характеристике различных аспектов либертаризма, их объединяет убежденность в том, что индивид исключительно самостоятельно может и должен распоряжаться своей собственной жизнью и имуществом и иметь право самому решать, как ему жить, при условии, что он признает аналогичное право за другими людьми. Исходным методологическим базисом их построений выступает тезис о необходимости предоставления максимально широкого спектра прав личности, что сопровождается сведением роли государства к необходимому минимуму, а именно: к защите собственности и жизни граждан. Однако они не принимают в расчет тот факт, что сокращая полномочия государства и увеличивая личные права и свободы, государство становится более беспомощным как гарант самих этих прав и свобод. Ими был игнорирован тот факт, что, предоставляя личности те или иные свободы, именно государство должно позаботиться об их правовом регулировании и о выполнении законов, гарантирующих эти права. «В этой связи нужно всегда помнить о том, что обеспечение основных прав человека возможно лишь тогда, когда государство располагает волей и властью защитить эти обещанные права и свободы человека. Покушение каких-либо иных сил на свободы индивида должны пресекаться именно государством»[3]. Игнорируя данное положение идеологи либертаризма, в частности, М.

Ротбард и Л. Мизес, видят в государстве очаг подавления свободы человека, нарушения его прав, упразднения свободы рынка.

Различия в оценке роли государства по регулированию жизнедеятельности общества способствовали складыванию двух течений либертаризма – минархизма[4] и анархо-капитализма[5]. Минархизм, в отличие от анархо-капитализма, полностью игнорирующего конструктивный фактор государственного регулирования, сводит функции государства к минимуму, а именно: к защите физической жизни граждан и предотвращению угроз насильственной потери ими собственности.

Минархисты защищают идею «минимального государства». Ограничение функций государства защитой прав человека создает, по их мнению, ряд существенных преимуществ. Эти преимущества особенно ощутимы в экономической сфере. Среди них особенно выделяется личная заинтересованность в получении большей прибыли, ставшая возможной благодаря рыночным отношениям, расценивающимся со стороны идеологов либертаризма как необходимое условие экономического роста. «Государство защищает права собственности и свободу обмена, с тем чтобы рыночные цены могли обеспечить координацию планов разных людей. Когда государство выходит за рамки этой роли, пытаясь заниматься поставкой конкретных товаров и услуг или поощрять достижение конкретных результатов, оно не только не помогает процессу координации, а, напротив, оказывает раскоординирующее влияние»[6].

Минархисты сходятся на том, что для обеспечения благосостояния граждан государству необходимо отвести меньшую роль, а рынку – большую. Они полагают, что ограничение роли государства позволит увеличить производство, и, как следствие этого, максимизировать пользу. Вообще говоря, идея максимизации пользы восходит к построениям мыслителей эпохи Реформации, в частности, к протестантизму. Протестантская этика абсолютизировала идеи продуктивного труда, профессионального долга и частной инициативы, что способствовало в дальнейшем развитию капиталистических отношений и капитализма. По словам М. Вебера: «Развитие «капиталистического духа» может быть легче всего понято в рамках общего развития рационализма и должно быть выведено из его принципиального подхода к последним вопросам бытия. В этом случае историческое значение Протестантизма сводится к тому, что он сыграл известную роль в качестве «предтечи» чисто рационалистического мировоззрения»[7]. Протестантизм стал идеологической основой капиталистических преобразований в западном мире, где на первое место выдвигалась «возможность реализации способностей» и зависимость благосостояния от трудового вклада[8].

В отличие от минархистов, отстаивающих постулат о сведении роли государства к «необходимому минимуму», анархо-капиталисты видят в государстве некий аналог «левиафана», а именно: страшного ветхозаветного «чудовища». Для них государство является неким монстром, готовым поглотить все на своем пути. Прежде всего, оно угрожает личной свободе граждан и частной собственности, защита которых составляет краеугольный камень либертаризма в целом. Анархо-капитализм, являясь идейным течением либертаризма, абсолютизирует принцип невмешательства государства в суверенные вопросы личности. Им полностью игнорируется тот факт, что этот принцип способствует не обеспечению

гарантий прав личности, а, наоборот, оставляет ее на произвол судьбы. Она становится полностью незащищенной и уязвимой перед лицом разнообразных угроз, ставящих под вопрос само ее физическое существование.

Многие идеологи либертаризма понимая опасность подобных радикальных взглядов, пытаются переориентировать либертаризм на решение сугубо экономических вопросов. По-видимому, они пытаются свести либертаризм к политэкономической теории, согласно которой индивид может достигнуть благополучия, применяя свои предпринимательские способности в условиях свободного рынка. Именно в условиях свободного рынка экономические акторы максимизируют свое экономическое благосостояние, при наличии гарантий свободы выбора разнообразных возможностей. Свобода выбора сводится к уважению предпочтений индивида.

Суть политэкономической составляющей либертаризма можно свести к тому, что либертаристы подчеркивают очень тесную связь между индивидуальной свободой, частной собственностью и уровнем экономической эффективности. Они отстаивают положение о том, что никакая сила не должна нарушать свободу личности, в том числе экономическую. В основе этих построений лежит основной принцип философии классического либерализма, а именно: “laissez faire”. Этот принцип можно рассматривать как право людей делать то, что они хотят совершать в экономической и социальной сферах.

Либертаризм объявляет своей целью прагматическую социальную политику, оптимальное воспроизводство «человеческого капитала», а не утверждение всеобщего благоденствия. Указывая на слабые стороны «государства всеобщего благоденствия», а именно: разрыв между реальными потребностями и уровнем благосостояния, обеспечиваемым государством в процессе перераспределения и чрезмерно высокой долей расходов на поддержание системы социальной защиты, все течения либертаризма сходятся на том, что нарастание государственного вмешательства в экономику должно быть ограниченным, в противном случае это может привести к стагфляции и представить угрозу самому существованию рыночной системы. Это положение является краеугольным камнем либертаризма в целом.

Ф. Хайек в работе «Дорога к рабству», обращаясь к проблеме определения степени допустимого вмешательства государства в частный сектор экономики и государственного планирования, утверждает, что не существует «среднего пути» между капитализмом и социализмом, что экономический расчет, необходимый для экономического роста и процветания страны при социализме и плановой экономике, невозможен. Плановое регулирование экономики препятствует формированию принципов рыночного ценообразования, без чего очень сложно определить вклад разнообразных факторов производительности в ценность потребительских благ. А это, в свою очередь, препятствует эффективному использованию ресурсов. «Как только общественный сектор, в котором государство контролирует распределение средств и их использование, начинает превышать определенную пропорцию по отношению к целому, результат его деятельности начинает сказываться на всей системе»[9]. Ф. Хайек противопоставляет социализму и плановой экономике капиталистический рынок, подчеркивая преимущества рыночного способа регулирования экономики, а вместе с этим и всей социально-политической жизни. С анало-

гичными высказываниями мы сталкиваемся у Д. Боуза: «Чем больше государства, тем масштабнее провал – для всех очевиден крах последовательно проведенной в жизнь политики государственного социализма»[10].

Либертарианцы на протяжении всего ХХв. предостерегали относительно того, что социализм, а также другие попытки заменить индивидуальные решения диктатом государства, отнимают свободу личности (расцениваемую ими в качестве высшей ценности). Причина им виделась в том, что сам социализм сталкивается с рядом непреодолимых политических и экономических проблем, в числе которых: сам тоталитаризм, отсутствие стимулов и прагматических расчетов. Они исходили из той предпосылки, что экономика частного предпринимательства устойчива и обладает собственными ресурсами, достаточными для того, чтобы справиться с любыми потрясениями без помощи государства. «Впервые экономический анализ деятельности государства приводит к выводу, что не существует таких товаров и услуг, для предоставления и производства которых требуется существование государства»[11].

Идеологи либертаризма являются непримиримыми противниками переустройства общества по умозрительно сконструированным схемам. Они различают «хозяйство» (как некий теоретический конструкт) от «реального рыночного процесса». «Хозяйство», по их оценке, это организация или «социальное устройство», где некто размещает ресурсы в соответствии с единой шкалой целей. В создаваемом рынком спонтанном порядке ничего подобного нет[12]. Следует подчеркнуть, что сам рынок рассматривается ими не как изобретение человека, и не как некий механизм реализации справедливости и наиболее оптимального перераспределения ресурсов, а как продукт спонтанного экономического порядка. Именно спонтанное рыночное хозяйство обладает рядом преимуществ. Одним из них является представление о том, что цели, которым подчинен рынок, являются частными целями индивидов во всем их разнообразии и противоречии. «Единственная цель, общая для всех, – это создание условий, при которых шансы любого случайно выбранного индивида на как можно более эффективную реализацию его целей были бы весьма велики»[13]. Причину этого можно обнаружить в том, что положение индивида в условиях рыночных отношений определяется не традиционным статусом, а исключительно собственными усилиями. Исходя из вышеизложенного следует, что рынок обеспечивает большее благосостояние граждан в отличие от упорядоченного хозяйства.

Апологетика свободной рыночной экономики привела идеологов либертаризма к сведению функций государства к «необходимому» минимуму, а именно: к предотвращению ущерба со стороны людей друг другу и мошенничества, без каких-либо перераспределительных полномочий. Продолжая логику рассуждений о самодостаточности и преимуществах свободной рыночной экономики, либертарианцы приходят к выводу, что если легитимное государство вообще существует, то это только «минимальное государство». Он отрицает необходимость государства (лишая его легитимности), обладающего широкими перераспределительными властными функциями, не в силу его происхождения, а в силу вмешательства в дела рынка.

Однако они не учитывают того факта, что диктат самого рынка может в потенциале нести в себе угрозу провозглашаемой им свободе индивида. Поскольку обвиняя государство в повсеместном принуждении, либертарианцы игнорируют то обстоятельство, что сама конкуренция, порождаемая рынком, создает нечто подобное безличному принуждению, заставляя многих индивидов перестраивать свой образ жизни так, как были бы не в состоянии изменить предписания государства. По словам Ф. Хайека: «...бездоказательное утверждение о негативной роли экономического вмешательства государства как некой аксиомы, попытки обосновать необходимость сокращения государственных социальных расходов и ограничить естественные для современного государства его социальные функции делает позитивный вклад этой теории как методологии экономической политики ... ограниченным ...»[14].

Л. Мизес, Д. Фридман, Ф. Хайек и некоторые другие представители либертаристского идеологического течения сами себя не причисляют к сторонникам «свободного предпринимательства без всяких ограничений» (даже несколько дистанциируются от них). Они сходятся на мнении о том, что некоторые барьеры необходимы, однако это должны быть не искусственно сконструированные преграды, инициируемые государством, а естественные факторы, возникшие в процессе социо-экономической, политической и культурной эволюции. «Они воплощают в себе коллективный опыт множества поколений по разрешению конфликтов, а также обеспечивают преемственность традиций»[15]. От первоначального отрицания государственного регулирования и вмешательства в экономику либертарианцы начали постепенно переходить к признанию допустимости вмешательства государства в социально-экономическую сферу. Они пошли на подобную уступку в целях содействия экономической стабильности. «Либертарианцы пришли к выводу, что стихийные рыночные силы не всегда в состоянии сами по себе обеспечить нормальный процесс воспроизводства, и наступает необходимость стабилизирующего вмешательства извне»[16].

Несмотря на то, что вопросы, касающиеся свободного рынка и юрисдикции государства, составляют фундамент либертаризма, было бы ошибкой сводить все многообразие проблемного поля данной идеологии к рассматриваемым аспектам. Раскрытие природы либертаризма становится возможным лишь при его всестороннем анализе. Представляется ошибочным рассмотрение отдельных аспектов этого идеологического течения в отрыве от других. Идеологи либертаризма предпочитают соглашаться с довольно широким массивом принципов, поэтому представляется сложным прийти к согласию по вопросу определяющих характеристик либертаризма в целом. И дело не только во множестве концептуальных подходов, существующих в прошлом и настоящем, но и в том, что либертаризм, как идейно-политический и социально-экономический феномен, связан практически со всеми сферами общественной жизни современного общества. В этих сферах можно обнаружить большое количество противоречивых явлений, которые накладывают свой отпечаток на общие характеристики либертаризма. Однако с определенными оговорками к числу основополагающих характеристик относятся: обоснование превосходства индивидуальных прав над коллективными, верховенство права, право собственности, ранее упомянутый

спонтанный порядок, капитализм, свободный рынок, добродетель производства и принцип ненасилия.

Свободный рынок и капиталистические отношения описывают экономические условия, но не раскрывают других аспектов либертаризма. Индивидуальные права, принцип справедливости и ограничения насилия сводятся к приоритету прав собственности. Как утверждает М. Ротбард, индивидуальные права – это всего лишь права собственности. Согласно ему, право собственности является «реквизитом цивилизации», а ее социальная функция сводится к тому, что она способствует наиболее рациональному использованию различных ресурсов. И, как следствие этого, он утверждает, что именно частная собственность способна стать основой рациональной экономической и социальной деятельности, поскольку порождаемые ею индивидуальные стимулы способствуют наибольшему благосостоянию. Справедливость же, по мнению либертарианцев, это то, что каждому отдается должное в зависимости от имеющихся у него прав. Продолжая данную цепочку рассуждений, либертарианцы приходят к выводу, что и принцип ненасилия также зависит от прав собственности, так как сама агрессия проявляется на фоне нарушения данного права (он исходит, прежде всего, из принципа самотождественности – права собственности человека на собственное тело). Однако необходимо помнить, что рассмотрение и защита прав собственности не является уникальным отличием либертарианства. Другие идеологические течения также обращаются к рассмотрению данного вопроса. То, что действительно отличает либертаризм, – так это особые правила получения прав собственности, критерии того, кто именно является собственником каждого ограниченного ресурса.

Социальная концепция либертаризма, базируясь на политэкономической составляющей, ставит основной акцент на свободном проявлении индивидуализма, который невозможен без ограничения государственного вмешательства в личную жизнь. Либертаризм отрывает «свободного» индивида от коллектива и социальной группы и противопоставляет государству. Государство же рассматривается как институт, препятствующий свободному проявлению индивидуальности. Индивид имеет право на проявление своей личности, на раскрытие своих возможностей. Однако всегда надо помнить, что человек может пользоваться этим правом лишь в той мере, чтобы не ущемлять такое же право другого человека.

Социальные проблемы рассматриваются либертаристами сквозь призму экономической целесообразности, а общественные связи подвергаются рыночной интерпретации. Индивид выступает в качестве предпринимателя, организующего собственную жизнь по аналогии с работой предприятия, а социальное взаимодействие с другими людьми сводится лишь к контракту. Все формы социально-политических и экономических отношений, вплоть до взаимоотношений в семье, либертаристы рассматривают сквозь призму экономических рыночных отношений. При описании социально-политических и даже духовно-нравственных явлений они используют категориальный аппарат экономической науки. Так, природа государства и нации сводится всего лишь к работе предприятия или организации.

Искусственное сведение органически присущих природе государства социально-духовных функций к товарным отношениям приводит к социальной конфронтации. Чрезмерная индивидуализация может способствовать дифференциации общества, деградации духовно-нравственных ценностей, заменив их

идеалом потребления и погоней за финансовым успехом. В экономической сфере это может привести еще к большему отставанию развивающихся стран от экономически развитых центров. Эти же процессы в перспективе могут подвести само индустриальное общество к опасной грани, разрушив равновесие мировой системы.

[1] *Малахов В.С.* Государство в условиях глобализации. М., 2007. С. 10

[2] См.: Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика. Челябинск, 2009. СС. 28–29.

[3] *Енгоян А.П.* Идеологические основы социально-политических трансформаций в постсоветсткой Армении. Ер.: Изд-во РАУ, 2011. С. 204.

[4] Минархизм (от англ. minarchism) – течение в либертаризме, обосновывающее тезис о том, что функции и полномочия государства должны быть минимальными, ограничиваясь защитой свободы и собственности каждого гражданина.

[5] Анархо-капитализм (иногда встречается как «либертарианский анархизм» либо «рыночный анархизм») – идейно-политическое течение, выступающее за ликвидацию государства в пользу индивидуального суверенитета в условиях свободного рынка. Термин был введен в научный оборот экономистом М. Ротбардом.

[6] *Боуз Д.* Либертарианство: история, принципы, политика. С. 186.

[7] *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000297/st002.shtml

[8] См.: *Енгоян А.П.* Идеологические основы социально-политических трансформаций в постсоветсткой Армении. С. 40.

[9] *Хайек Ф.* Дорога к рабству http://www.libertarium.ru/l_lib_road

[10] *Боуз Д.* Либертарианство: история, принципы, политика. С. 13.

[11] *Ротбард М.* Власть и рынок: государство и экономика. Челябинск, 2003. С. 5.

[12] Одним из ключевых принципов либертарианской идеологии является «спонтанный порядок». Согласно данному принципу, общество возникает спонтанно, из действий множества людей, которые, стремясь к достижению собственных целей, координируют свои действия в соответствии с действиями других людей. В качестве примера спонтанного порядка либертарианцами рассматриваются деньги, рынок, гражданское общество и т.д.

[13] *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. М., 2000. С. 183.

[14] *Хасбулатов Р.И.* Идолы и идолопоклонники: крах либертаризма // http://www.intelros.ru/ pdf/Veck%20globalizastii/2011_2/032-040.pdf

[15] *Алексеева Т.*А. Современные политические теории. С. 190.

[16] *Енгоян А.П.* Идеологические основы социально-политических трансформаций в постсоветсткой Армении. С. 153.

POLITICAL ECONOMY COMPONENT OF LIBERTARIANISM

Summary

Libertarianism announces its pragmatic purpose of social policy, the optimal reproduction of the “human capital”, but not a statement of welfare. Pointing out the weaknesses of “welfare state”, namely the gap between the real needs and the level of well-being provided by the State in the process of redistribution and excessively high proportion of the costs of maintaining the social protection system, all current libertarianism agree on the fact that the growth of state intervention in the economy should be limited, otherwise it could lead to stagflation and present danger to the very existence of the market system. This provision is the cornerstone of libertarianism in general.

Keywords: libertarianism, welfare state, human capital, state intervention

ԼԻԲԵՐՏԱՐԻԶՄԻ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ՏՆՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ԲԱՂԱԴՐԻՉԸ

Ամփոփում

Ազատականությունը իր նպատակն է հռչակում պրագմատիկ սոցիալական քաղաքականությունը, «մարդկային կապիտալի» օպտիմալ վերարտադրումը, այլ ոչ թե համընդհանուր բարօրության հաստատումը: Հղելով «համընդհանուր բարօրության պետության» թույլ կողմերը, այնինչ իրական պահանջների և բարօրության միջև ճեղկվածկը պետմության կողմից հովանավորվող վերաբաշխման գործընթացում և չափազանց բարձր ծախսերի մասնաբաժնով սոցիալական պաշտպանության համակարգի գոյատևման վրա, ազատականությունը բոլոր հոսանքները միակարծիք են այն բանում, որ ել ավելի խորացող պետական միջամտությունը տնտեսության մեջ պետք է լինի չափավորված, հակարակ պարագայում այն կարող է տանի ստագֆլյացիայի և վտանգ ներկայացնել շուկայական համակարգի բուն գոյատևմանը: Այս սկզբունքը հանդիսանում է ազատականությունան հիմնաքարը:

ИДЕИ Н. ЛУМАНА И Ю. ХАБЕРМАСА В СВЕТЕ ТЕОРИИ КОНФЛИКТА: КОММУНИКАЦИЯ-КОНФЛИКТ-КОНСЕНСУС

С. Сагателян

Почему анализ социального конфликта с позиций теорий коммуникаций приобретает такую актуальность в современных условиях? Причина кроется в том, что в обществе резко возросла роль информации и информационных потоков, апелляция к которым при анализе современных конфликтов более чем закономерна.

Ключевые слова: конфликт, коммуникация, консенсус.

В связи с переходом общества к информационному вектору развития актуализировались подходы, способные осмыслить его коммуникативный характер. Наблюдается коренная ломка форм социальности, связанная с возрастанием роли информационных технологий, которая подводит многих современных теоретиков к идее о коммуникативном характере самой социальной реальности. Получается, что глубинное осмысление современных социальных явлений и процессов с неизбежностью, предполагает апелляцию к теории коммуникации. С точки зрения проблематики конфликта особый интерес представляют те подходы, которые позволяют проанализировать конфликты, возникающие в современном коммуникативном пространстве, в которых конфликт, как социальный процесс, эксплицируется посредством анализа механизмов коммуникаций в коммуникативном пространстве, которое концептуализируется в качестве одной из форм репрезентации социальной реальности.

Выбор же персоналий и связанных с их именами концепций среди «моря» многочисленных и многообразных подходов к проблеме коммуникации в современном обществе, обусловлен следующими соображениями. Во-первых, это связано с преемственностью рассматриваемых традиций социологического теоретизирования, что создает интересную почву для сопоставления; во-вторых, подходы дают возможность проанализировать коммуникативную составляющую конфликта на уровне фундаментальной социологической теории; в-третьих, теория коммуникативного действия Хабермаса, равно как и системная теория Лумана, обращаются к анализу таких основополагающих концептов теории конфликта, как «конфликт», «противоречие», «взаимопонимание», «консенсус» и т. д, которые могут значительно обогатить понятийный аппарат социологии конфликта и обозначить новые теоретико-методологические рамки социологического анализа конфликта. Тем самым, анализ и доработка понятийного аппарата авторских концепций могут способствовать теоретическому осмыслению современных социальных конфликтов, пролив свет на коммуникативную составляющую последних. Это различные, в какой-то степени альтернативные, теоре-

тические модели коммуникации, в контексте которых хоть и поднимаются схожие и принципиальные вопросы, однако решаются они с несколько иных методологических позиций. В частности, мнения авторов расходятся в отношении таких вопросов, как проблема соотношения конфликт-консенсус-коммуникация. В то же время рассмотрение конфликта, как способа коммуникации, или включение конфликтов в процесс коммуникации и особое внимание к языку коммуникативных процессов дает достаточные основания для рассмотрения концепций в рамках более общей проблемы, а именно: коммуникативного подхода к социальному конфликту, который представляет собой один из основных, влиятельных, актуальных и в то же время неизученных подходов в современной теории конфликта.

Несмотря на общность исследовательских интересов, Луман и Хабермас подходят к концептуализации коммуникации с разных сторон, что обусловлено, в первую очередь, различием теоретико-методологических позиций. Подходы противопоставляются друг другу также и с точки зрения основополагающих мотивов и намерений исследования коммуникации. Так, обращаясь к интенциям авторов, можно заметить, что если в социологии Хабермаса основное внимание уделяется коммуникации как феномену языка, вектор анализа которого направлен на выявление процедурных аспектов достижения консенсуса в обществе как механизма редукции конфликтного потенциала, то Луман ставит перед собой задачу анализа коммуникации как системы. Таким образом, социологи раскрывают различные аспекты современной коммуникации. Так, Хабермас рассматривает коммуникацию с позиции нормативных оснований, а реальные процессы коммуникации анализирует с позиции идеальной модели коммуникации, поскольку коммуникативное действие трактуется автором в качестве символически опосредованной интеракции, в которой участники руководствуются не целерациональными стратегиями, но интерсубъективно значимыми нормами: смыслы последних «объективируются в коммуникации посредством разговорного языка» [5, с. 67], конечным назначением которого выступает достижение взаимопонимания. В этом контексте, нормативный характер коммуникаций подводит автора к концептуализации реальной коммуникацию как «желаемой» и «должной». Исследование же коммуникации с позиции теории систем Лумана раскрывает системные характеристики современной коммуникации. В данном случае, свойство системности рассматривается в качестве некой онтологической составляющей современной коммуникации, которая не может быть сведена к внешним свойствам коммуникации.

В то же время, авторы отталкиваются от принципиально иных методологических посылок концептуализации, вытекающих из отличных или полярных взглядов на общество. Если Луман в своем анализе социальной реальности отходит от базового концепта социологии общества с позиций неосистемной парадигмы, то Хабермас предлагает авторскую модель реконцептуализации общества с позиций интегративного социологизирования. В отличие от Хабермаса, который определяет общество в совокупности и взаимообусловленности системы и жизненного мира, т.е. инструментального и коммуникативного действия, системной и социальной интеграции, материального и символического воспроизводства общества, Луман поднимает вопрос о серьезных трудностях в обозначении един-

ства предмета социологии. Говоря об обществе, Луман воспринимает последнее как «слово», а не «понятие», поскольку «понятие общества» есть концептуализация объекта с точностью, достаточной для теоретических целей. Размышления Лумана о понятии общества позволяют с уверенностью констатировать, что сам автор задается целью обосновать теоретические возможности условного «отказа» от общества как основополагающего концепта социологии, считая, что им уже достаточно «злоупотребляли» в идейно-политическом отношении. Во введении к «Понятию Общества», Луман пишет: «Если такие науки, как биология, психология или социология рассматривать с дистанции безучастного наблюдателя, то можно прийти к мысли о том, что биология имеет дело с жизнью, психология – с душой или с сознанием, а социология – с обществом. Однако при ближайшем рассмотрении замечаем, что эти дисциплины имеют характерные трудности с понятиями, которые должны обозначить единство их предмета… понятие аутопойезиса нацелено непосредственно на эту проблему» [2, с. 26]. Однако для Лумана не оставляет сомнений то, что общество является самоописывающимся объектом, а общественные теории являются теориями общества в обществе. Это подводит теоретика к мысли о том, что понятие общества должно быть образовано автологично. Все отмеченные выше ограничения Луман снимает одним махом, предлагая рассматривать системы в качестве оперативно закрытых. При таком подходе, тезис о закрытости позволяет исключить из рассмотрения общественной системы как людей, так и страны, сосредотачивая внимание на операциях самонаблюдения и самоописания. «Когда мы исключаем из общества людей в качестве живых и сознательных систем и страны с их географическими и демографическими особенностями, они не утрачиваются для теории. Они лишь находятся не там, где их предполагали с фатальными следствиями для развития теории. Они находятся не в обществе, а в его окружающей среде» [2, с. 30]. Таким образом, в отличие от Хабермаса, выводящего анализ социальной реальности из категории действия, Луман фактически предлагает переформулировать социологическую теорию на базе понятия системы, определяя системы в качестве оперативно закрытой, состоящей исключительно из собственных операций, производящих коммуникации из коммуникаций. С этих позиций понятие коммуникации само становится объектом изучения. Таким образом, понятие общества становится неким промежуточным результатом, являясь всеобъемлющей системой всех коммуникаций, воспроизводящих себя аутопойетически, в то время как она производит все новые (и все время другие) коммуникации в сети коммуникаций.

Для Лумана коммуникация есть независимая и объективирующая форма социального взаимодействия, поскольку лишь с помощью понятия коммуникации социальную систему можно мыслить как аутопойетическую систему, которая состоит из элементов, а именно: из коммуникаций, производящих и воспроизводящих себя посредством сети коммуникаций. Таким образом, теоретическое решение в пользу воззрения на общество как на аутопойетическую систему и в пользу характеристики операций, воспроизводящих систему, как и коммуникаций, должно быть принято изначально. Они взаимно обусловливают друг друга. Это означает также, что понятие коммуникации становится решающим фактором для условного понятия общества. Отсюда напрашивается вывод о том, что под-

вергаются критике те положения теории Хабермаса, согласно которым основаниями коммуникации могут выступать повседневность, жизненный мир, или система. Следующий аспект расхождения между концепциями является положение Лумана о том, что коммуникация не должна быть рассмотрена с позиций должного, как это делает Хабермас. Иными словами, отрицается правомерность рассмотрения коммуникации с позиций идеалов, внутренних целей и нормативных оснований. В этом смысле речь идет о невозможности существования универсального типа описания и управления коммуникацией, учитывая, что нельзя отрицать воздействие в коммуникативном процессе разнородных случайных факторов.

Если же говорить о решениях, предлагаемых авторами относительно проблемы соотношения коммуникации, конфликта и консенсуса, то если в социологии Хабермаса конфликт рассматривается в качестве нарушения или отсутствия коммуникации, а консенсус определяется с точки зрения потенциального результата коммуникативного действия, то для Лумана конфликт, равно как и консенсус, воспринимаются в качестве разновидностей коммуникации. В качестве исходного Хабермасом выдвигается тезис о том, что субъекты вступают в коммуникацию, изначально стремясь достигнуть взаимопонимания или консенсуса. Схема же консенсуса в данном случае предопределяет динамику коммуникации: субъекты стремятся к достижению согласия, и, несмотря на то, что согласие не всегда достижимо – данная интенция определяет суть коммуникативного процесса [6].

Хабермас предлагает и последовательно обосновывает принцип коммуникативной рациональности, который рассматривается в качестве схемы достижения консенсуса и предполагает возможность аргументирования высказывания. Таким образом, понятие консенсуса, которое образует ядро коммуникативной концепции Хабермаса, мыслится как идеальная модель коммуникации, которая задает модель социального действия в современном обществе: согласие относительно значимости собственных притязаний предполагает согласие относительно мира как горизонта коммуникации, и в этом смысле искажения в коммуникации, или конфликты рассматриваются в качестве возможных отклонений. Луман же исходит из принципиально иной посылки: коммуникация не есть некое целеполагание, консенсус представляет собой лишь идеальную модель, схему, которая не отражает реальные процессы коммуникации. Подход имеет серьезное методологическое значение и позволяет рассматривать конфликт и консенсус в качестве продолжений коммуникации, а не коммуникационных сбоев. При этом, актуализируются также проблема «переоценки консенсуса» с крайне критических позиций, которую можно рассматривать в качестве существенной для понятийного аппарата теории конфликта понятий, раскрывающей новые перспективы реализации лингвосоциологического анализа социальных конфликтов. Кроме того, интегрирование концепта двойной контингенции, интерпретируемая как ситуация взаимной неопределенности позиций участников коммуникации в теоретическое обоснование социального конфликта дает дополнительные возможности его теоретического осмысления. С этой точки зрения, конфликт воспринимается как некая ситуация неопределенности**.** С другой стороны, отталкиваясь от модели «двойной контингентности», обосновывается необходимость согласования перспектив, которые и приводят к возникновению социальных систем. Что же

касается собственно конфликта, то последний рассматривается в качестве одной из таких систем, которая определяется автором в качестве «сверхинтегрированной». Они трактуются им как некие «социальные системы, возникающие по данным поводам и в иных системах, не являющихся подсистемами существующих паразитически, при этом причиной их возникновения и в то же время, катализатором их устойчивости является негативная форма двойной контингентности» [3, с. 509]. Итак, позиции системной теории Н. Лумана, социальные конфликты могут выступать в качестве процессов воспроизводства самой системы, т.е. ее аутопойезиса и самоописания. Таким образом, анализ социальных конфликтов позволяет не только диагностировать состояние социальной системы, но и выявлять особенности ее морфологии и системы внутренних связей. «О конфликтах мы будем говорить всегда, когда возникает противоречие коммуникации, – подчеркивает Н. Луман. – Можно также сказать: когда противоречие становится предметом коммуникации… конфликт есть оперативное придание противоречию самостоятельности благодаря коммуникации» [3, с. 508]. Получается, что можно говорить о существовании конфликта лишь в том случае, когда коммуницируется ожидание и в ответ коммуницируется непринятие коммуникации.

Итак, приходим к вполне закономерному выводу о том, что утверждения, согласно которым конфликтам в системной теории не уделяется должного внимания, необоснованы, если речь идет теории коммуникативной системы Лумана, в рамках которой сами конфликты рассматриваются как высокоинтегрированные системы. Если же, вслед за Луманом, определять интеграцию как ограничение степеней свободы компонентов, то становится ясно, что для конфликта характерна сильная интеграция, так как в качестве «противника», «врага» в ситуации конфликта мы имеем гораздо меньше возможных вариантов ходов, гораздо меньше вариантов поведения. При этом, учитывается также и закономерность того, что если сначала возможностей выбора меньше, то затем они постоянно расширяются за счет того, что ищутся новые темы, новое оружие, новые друзья и союзники для того, чтобы сохранить контроль над ситуацией в ходе конфликта или добиться окончательной победы.

Таким образом, опираясь на идеи Лумана, приходим к выводу о том, что теория конфликта призвана изучать слишком сильную интеграцию социальной системы и тенденцию внедрять в конфликт дополнительные ресурсы для того, чтобы получить обратно урезанные возможности. «Это своего рода раковая опухоль, которая разрастается в системе, потому что она слишком сильно интегрирована» [1, с. 352]. Если развить эту идею, получаем достаточно интересную интерпретацию теории конфликта, которая в лумановской логике социологического анализа работает с инструментами самой системной теории, хотя сам автор достаточно скромно называет ее лишь одной из возможных вариантов теории конфликта. Она дает возможность подойти к вопросу такой организации общественной системы, которая может способствовать предотвращению и разрешению социальных конфликтов.

Трактовка конфликта в качестве «сверхинтегрированной системы» с позиций системной теории коммуникации также решает вопрос о неизбежности и, более того, поступательной эскалации конфликтов. Логика обоснования такова: если конфликты являются сверхинтегрированными системами, то они вынуж-

дены привлекать все новые ресурсы, становясь все более экспансивно опасными с точки зрения социальных последствий. Это объясняет парадоксальный, с первого взгляда, вопрос о том, как конфликт и деструктивность в целом вообще могут зайти настолько далеко, как вообще конфликт может набрать такие обороты, что уже не в состоянии остановить сам себя. Следовательно, если мы, вслед за Луманом, характеризуем конфликты как высокоинтегрированные системы, то необходима более четкая трактовка понятия интеграции, чем это принято в социологической литературе.

Основной же вклад Лумана в дальнейшее развитие собственно социологической методологии анализа социального конфликта, с нашей точки зрения, является попытка преодоления теоретической дилеммы, связанной с соотношением понятий конфликта и консенсуса, которые в рамках авторской теории коммуникативной системы рассматриваются как взаимодополняющие проявления коммуникативных процессов. Подход имеет серьезное методологическое значение и вытекает из рассмотренной выше позиции Лумана, согласно которой конфликт, равно как и консенсус, рассматриваются в качестве продолжения коммуникации, а не коммуникационных сбоев. Учитывая то, что дилемма «конфликт-консенсус» по праву считается одной из основных вызовов современной теоретической социологии, мы не можем обойти стороной этот аспект. Во главу угла ставится, бесспорно, актуальный вопрос о том, возможно ли на уровне противопоставления консенсуса и конфликта или сотрудничества и конкуренции (как это было характерно для классической социологии) представить себе теории, которые бы выбирали одну или другую сторону, т.е. примыкали бы к точке зрения, что наше общество в основном является обществом конфликта, классовым обществом или, наоборот, подчеркивали бы то обстоятельство, что консенсус есть условие существования общества и что без какого-то минимального консенсуса вообще ничего бы не состоялось. Любая коммуникация, считает социолог, порождает «бифуркацию между “да” и “нет”, коль скоро она была понята, из чего следует, что “в самой операции конфликт и консенсус постоянно воспроизводятся в качестве альтернативы, дуализма”» [1, с. 349]. Это, в свою очередь, означает, что мы всякий раз навязываем теории односторонность, когда требуем от нее, чтобы она описывала общество преимущественно с точки зрения либо консенсуса, либо конфликта. Таким образом, Луман склоняется к идее о том, что в любой состоявшейся социологической теории должны учитываться реальность и неизбежность того, что всегда имеют место: и консенсус, и конфликт, и сотрудничество, и конкуренция. Тем самым, утверждается, что дихотомия конфликта и консенсуса не должна «застрять» на уровне жесткой альтернативы. Проблему соотношения этих краеугольных понятий социологии конфликта Луман решает, применяя системную теорию, которая позволяет продвинуться еще на один шаг, сказав, что именно конфликты, со своей стороны, являются системами. «Конфликты – это системы, потому что если я нацеливаюсь на кого-то как на противника и веду себя соответствующе агрессивно или занимаю оборонительную позицию, я создаю ситуацию, которая помещает другого в ограниченный диапазон вариаций: он уже не может вести себя как угодно. Конечно, он может – если может – пожать плечами и уйти, сказав, что его это не интересует, по в типичных социальных ситуациях, в которых нельзя взять и удалиться,

представление о том, что имеет место конфликт или просто упорное «нет» в ответ на предлагаемые смыслы, служит системообразующим мотивом, т.е. мотивом, который организует способности к присоединению, который ведет, например, к тому, что участники образуют коалиции, выискивают ресурсы, приходят к идее, что все, что наносит вред другому, выгодно мне, а все, что выгодно мне, наносит вред другому» [1, с. 351]. Таким образом, формирование отношений «друг-враг» воспринимаются как предельные упрощения реальных ситуаций. В этом подходе к конфликту прослеживается идея об организующем потенциале последнего. С этой точки зрения, моральные перспективы служат генерализации конфликтов, и если конфликт аргументируется с точки зрения морали, то, согласно Луману, он всегда имеет тенденцию к генерализации. Итак, мы имеем следующую формулу: конфликты представляют собой принцип системообразования, а системная теория (в лумановской интерпретации!) может с равным успехом судить как о конфликтах, так и о сотрудничестве.

Продвигаясь дальше в теоретические построения Лумана, находим еще одно примечательное направление анализа, которое кажется нам перспективным и актуальным с точки зрения конфликтной проблематики. Речь идет о комплексе понятий, которые начинают дискутироваться в современном социологическом дискурсе, включающих понятия жесткой, четкой сопряженности и слабой сопряженности (*tight coupling* и *loose coupling)*. Так, Луман утверждает, что если социальные процессы сопряжены жестким образом, то конфликты распространяются, в то время как в случаях с наличием слабой сопряженности, конфликты легче изолировать. Получается, что тезис, который отвергает положения классической системной теории и согласно которому стабильность основывается именно на прерывании взаимосвязей, на слабой сопряженности, на локализации последствий, в свою очередь, а совместим с тезисом о вездесущности потенциальных конфликтов и о зависимости общества от самых разных возможностей держать эти конфликты под контролем.

Принципиально иная позиция у Хабермаса. Учитывая то, что, так называемые «новые конфликты» разворачиваются на стыке между системой и жизненным миром, Хабермас утверждает, что проблемы современного общества не могут быть осмыслены, опираясь лишь на анализ системных процессов, происходящих в обществе. Исходя из этой критической посылки, автор обосновывает необходимость формирования противоположной, или, по крайней мере, альтернативной интегративной концепции, в качестве которой предлагает рассматривать методологию анализа коммуникативного действия с позиций жизненного мира. В отличие от Лумана, для него очевидно, что отсутствие коммуникации, или, по меньшей мере, ее нарушения, свидетельствуют о существовании или возможностях появления социальных конфликтов в обществе. Отсюда – важнейшей задачей современности теоретику видится в возможностях преобразования общества на основе модели коммуникативной рациональности, которая основывается на принципах субъект-субъектного взаимодействия. Принципиальным ключом к прочтению коммуникативной теории конфликта, в его хабермасовской трактовке, является анализ таких основополагающих категорий анализа как «труд» и «интеракция», которые позволяют не только уловить особенности, присущие конфликтам нового типа, но и обозначить теоретико-методологичес-

кие контуры анализа. С этих позиций, основными проявлениями конфликтов современного общества Хабермас называет конфликты, связанные с деформациями ценностно-нормативной сферы, дисбалансом между трудом и интеракцией, жизненным миром и системой, социальной и системной интеграцией общества, экспансию целерациональности, ее распространение на сферу коммуникативной рациональности и т. д. [4]. Приоритетными же направлениями конструктивных преобразований становится дискурсивное обоснование общественностью фундаментальных норм и ценностей, приводящих к установлению консенсуально-коммуникативных механизмов разрешения конфликтов. Только свободная дискуссия, исключающая всякие ограничения, принуждения, продолжающаяся до принятия консенсуса, выражающего разумную волю, согласно Хабермасу, может быть выходом из бесконечной идеологической проблематизации. Таким образом, преодоление конфликтного потенциала современного общества Хабермасу видится в восстановлении разрушенных коммуникаций, которое возможно лишь посредством инициации процессов взаимопонимания в обществе как базовых идеалов коммуникативно организованного жизненного мира. Это предполагает развитие и институционализацию жизненного мира и, соответственно, коммуникативной рациональности. В качестве же механизма такой трансформации Хабермас признает демократическую форму принятия решений, которая изначально предполагает направления вектора коммуникативной рациональности на понимание. Автор предлагает и последовательно обосновывает концепцию публичного дискурса, в контексте которого особое значение приобретает коммуникативно растворенный суверенитет. Тем самым, возможности преодоления конфликтов переносятся в социокультурную сферу и связываются с потенциалом рациональности, изначально заложенным в коммуникативной практике.

Таким образом, если подход Хабермаса к проблеме социального конфликта обращается не только к анализу причин и форм проявления конфликтов в современном обществе, но и ставит во главу угла методы и механизмы разрешения и предупреждения последних, представленных в рамках авторской компромисно-консенсуальной модели, то в концепции Лумана эта проблема практически не прослеживается. В последнем случае речь идет преимущественно о самонаблюдении и описании систем, когда описание коммуникации позволяют судить об отношениях внутри подсистем общества. Тем самым, подход Лумана, являясь по сути дела описанием, снимает вопрос об оптимизации коммуникативных процессов. В этом также заключается основное различие рассмотренных концепций. В частности, если подход Лумана имеет сугубо теоретическое и методологическое значение, то интерпретации Хабермаса имеют также серьезное эмпирическое значение. Более того, мы убеждены, что детальная проработанность процедурных аспектов достижения консенсуса может стать достаточно интересной теоретической рамкой для дальнейшего развития теории медиации. Если вспомнить базовые определения переговоров как процесса, целью которого является достижение всеобщего, приемлемого для всех сторон решения, то консенсуальная модель Хабермаса как нельзя лучше вписывается в этот подход.

Учитывая особенности реальных процессов коммуникации, протекающих в современном обществе, наивно было бы надеяться на существование некой

единой теории. Это предполагает апелляцию к принципиально различным аспектам социальной теории, в случае, если перед нами стоит задача всестороннего осмысления современных, сложносоставных и неоднозначных процессов коммуникации в контексте анализа конфликтов. Это дает нам возможность утверждать о перспективности кодификации теоретических ресурсов коммуникативных теорий конфликта, которые в то же время недостаточно представлены в социологическом дискурсе именно в контексте анализа социальных конфликтов.

1. *Луман Н.* Введение в системную теорию (Под ред. Д. Беккера). Пер. с нем. / К. Тимофеева. М., 2007.
2. *Луман Н.* Понятие общества. Проблемы теоретической социологии. СПб.: 1994. СС. 25–42.
3. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.
4. *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условияхпозднего капитализма // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. СС. 123–136.
5. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007.
6. *Habermas J.* What is universal pragmatics? // Communication and the evolution of society. Polity Press, 1984.

Ն. ԼՈՒՄԱՆԻ ԵՎ ՅՈՒ. ՀԱԲԵՐՄԱՍԻ ԳԱՂԱՓԱՐՆԵՐԸ ԿՈՆՖԼԻԿՏԻ ՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ԼՈՒՅՍԻ ՆԵՐՔՈ. ՀԱՂՈՐԴԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆ-ԿՈՆՖԼԻԿՏ-ԿՈՆՍԵՆՍՈՒՍ

Ամփոփում

Հոդվածը նվիրված է արդի սոցիոլոգիական գիտելիքի գերակա ուղղություններից մեկի՝ կոմունիկացիայի տեսության դիրքերից, կոնֆլիկտի հայեցակարգման առանձնահատկությունների դիտարկմանը: Ներկայացվում են կոնֆլիկտի վերլուծության տեսա-մեթոդաբանական հիմքերը Ն. Լումանի կոմունիկատիվ համակարգի և Յու. Հաբերմասի՝ կոմունիկատիվ գործողության տեսությունների շրջանակներում, հիմնավորվում է կոնֆլիկտի կոմունիկատիվ տարրի վերլուծության արդիականությունը ինչպես սոցիալ-պատմական, այնպես էլ ընդհանուր մեթոդաբանական դիտանկյուններից: Համեմատական վերլուծության միջոցով բացահայտվում են կոնֆլիկտի ընկալման սկզբունքային տարբերությունները, քննարկվում է կոնֆլիկտ, կոնսենսուս և հաղորդակցություն հասկացությունների հարաբերակցության խնդիրը, վերհանվում են հիմնական թեմատիկ հարթությունները, դուրս են բերվում այն հիմնական հասկացությունները, որոնք կարող են լրացնել կոնֆլիկտի տեսության հասկացութային համակարգը: Հոդվածում ներկայացված վերլուծությունը հնարավորություն է տալիս եզրակացնել, որ մոտեցումները կարող են դիտարկվել՝ որպես արդի սոցիալական կոնֆլիկտների սոցիոլոգիական վերլուծության հեռանկարային և արդիական տեսական ռեսուրս:

IDEAS OF N. LUHMANN AND J. HABERMAS IN THE LIGHT OF CONFLICT THEORY. COMMUNICATION-CONFLICT-CONSENSUS

Summary

The article is devoted to the analysis of specific features of conflict conceptualization from the perspective of communication theory, considered as one of the dominant perspectives of modern sociological thought. Theoretical and methodological approaches to the problem of conflict in the frameworks of N. Luhmann’s theory of communicative system and J. Habermas’s theory of communicative action are considered, actuality of analysis of communication aspects of conflict from the viewpoint of social-historical as well as general methodological factors is argued. According to the principals of comparative study, basic methodological differences of conflict analysis are shown, solutions offered by authors for understanding problems of relation between such concepts as communication, conflict and consensus are discussed, main thematic stratums and analytical categories, perspective for further development of conflict theory are identified. Comparative analysis, presented in the framework of the article gives opportunity to assume that these theoretical approaches can be viewed as perspective and actual theoretical recourses of sociological analysis of modern social conflicts.

EASTERN PARTNERSHIP: FIRST RESULTS AND CHALLENGES

H. Torosyan

This paper is devoted to the EU Eastern Partnership program, its first results and challengies as well as development prospects.
Keywords: EU, Eastern Partnership, Warsaw summit, Joint Declaration.

During the last few years, the issue of the European Union Eastern Partnership (EaP) programbecame widely discussed by many politicians and experts, covered by different media both in Europe and in six former Soviet countries involved in this program: Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia, Moldova, and Ukraine. As Acting Head of Division for Eastern Partnership, Regional Cooperation, OSCE Permanent Chair of the COSCE Working PartyThierry Bechetmentioned:"The EU has the ultimate interest to create close and peaceful relations with its neighbours since its security, stability and prosperity depends largely upon that of its closest neighbours" [1]. Armenia is a part of this program thus for us Eastern Partnership is of particular interest.

At the same time, as the program was launched recently, this issue of Eastern partnership was not studied widely by scientists. Though there are some scientific works by Mikhelidze [6], Sergunin and Tikhonov [13], Navasardyan [7], Ghazaryan [3], Sarukhanyan [12], Poghosyan[8] and Popescu[9] which were taken under consideration in our paper.

The purpose of this study is to find out the first results of the program and analyze tendencies of the development of Eastern Partnership.

The European Union Eastern Partnership program was inaugurated on 7 May 2009 in Prague. The Eastern Partnership project was presented by the foreign minister of Poland with assistance from Sweden at the EU's General Affairs and External Relations Council in Brussels on 26 May 2008.

According to European Union External Action's Eastern Partnership information, "The European Commission puts forward concrete ideas for enhancing its relationship with: Armenia, Azerbaijan, Georgia, Moldova, Ukraine and Belarus (the latter depending on the development of its relations with the EU). This would imply new association agreements including deep and comprehensive free trade agreements with those countries willing and able to enter into a deeper engagement, gradual integration in the EU economy and allow for easier travel to the EU through gradual visa liberalization, accompanied by measures to tackle illegal immigration. […] All these countries, to varying degrees, are carrying European political, social and economic reforms, and have stated their wish to come closer to the EU" [2].

The aim of the Eastern Partnership in the economic plan is the consolidation of preferential trade relations, increasing technical and financial assistance, the gradual

involvement of the various EU programs, as well as participation in the EU internal market through the legislative standardization and progressive integration of energy transportation and communication systems.To achieve these goals, neighboring states will have to make active and progressive efforts to implement a series of comprehensive reformswhich will have a positive impact on strengthening democratic institutions and democratic processes in those countries

Deepening political and economic relations between the EU and its new neighbors by this scheme will lead to the spread of stability and prosperity that prevails in the EU, on its immediate neighbors.As a result, the winner will be the EU who will get stability and peace on its border, and the neighbors themselves – they will become more democratic states, and better prepared to answer the challenges of globalization.

Eastern Partnership will not replace the current relations between the EU and neighboring states, and lead to the consolidation of legal and institutional framework within which to build these relationships.Eastern Partnership assumes no accession of neighboring countries to the EU.

Rather, the Eastern Partnership – an alternative measure of the policy of expansion, designed for countries that do not expect in the foreseeable future to become an EU membership.On the other hand, the Eastern Partnership does not preclude the possibility of EU accession of these countries, many of which exhibit strong European aspirations, such as Moldova and Ukraine.On the other hand, the Eastern Partnership provides for the possibility of becoming a very close partnership between the neighboring countries and the EU.However, the depth and degree of ambition of the partnership will depend on the achievements of the partner countries in the spheres of political and economic reforms.

As it was mentioned above this Partnership program was presented by the foreign minister of *Poland* with assistance from *Sweden*. That is quiet interesting point why Poland and Sweden started this project. The head of the Eastern Partnership Department of the Centre for Eastern Studies RafalSadowski from Poland, on this occasion said that Poland had been very interested in developing EU activities with its Eastern neighbors from the very beginning of its EU integration.

"As far as I remember in 1997 Polish Minister of foreign affairs Bronisław-Geremek advocated or proposed to establish interdimensional EU foreign policy and it was at the end of 1997, I think. Since the very beginning interests in increasing EU presence and stimulating EU integration of Eastern European states to Europe Union. It is our national interest. We perceive European integration of Eastern European states as a sort of stabilization of this region, as an instrument which allows developing economic contacts, trade and economic cooperation and, of course, as an instrument of democratization of those countries" [11].

Sadowski mentioned that from Polish perspective, it was very important because, Eastern Partnership states are partners, which are not only from Central Europe; and Sweden for Poland is very natural partner for developing EU Eastern Partnership program.

Another interesting moment is that many times by different European officials, mostly Polish, were mentioned, that among these six Eastern Partnership states there is a kind of leader – Moldova which made a big step toward Euro-integration. In March 2011, during a 2-day official visit to Moldova, Polish Prime-Minister Donald Tusk

stated: “Moldova and Prime Minister VladFilat personally are positive heroes for the European Union” [10]. Tusk stressed that if there exist people in Europe who believe the European Union needs to be expanded, this is thank to the existence of such positive examples as e.g. Moldova.

The EU has concluded Visa facilitation and Readmission Agreements with three partner countries, including Moldova, Georgia and Ukraine. Preparations for negotiations of similar agreements for Armenia, Azerbaijan and Belarus have also been launched. Agreements are concluded with the states that fulfill the necessary requirements and are able to take on board the resulting obligations. This means that the speed of developments depend on the ambitions of each single partner. Consequently, a special status does not exist.

After Romania's accession to the EU, former Soviet countries which are involved in this program have become even closer to the EU, both geographically and economically. This has spurred the EU member states to provide more attention to the processes taking place in these countries, and issues of political, social and economic order, they are facing at the moment, as these problems are a potential source of instability for both the Eastern Partnership, and the EU.

At a speech delivered by UK Minister for Europe, David Lidington, in Vilnius, Lithuania in September 2010 he mentioned that “The Partnership provides an opportunity for enhanced regional cooperation, and also for greater EU effort to work with Georgia and Russia to resolve their conflict, with Armenia and Azerbaijan on Nagorno-Karabakh and in the OSCE’s 5+2 discussions on Transnistria” [5].

Since Moldova geographically closer to the EU the Transnistrian problem, in particular, takes on special importance to the Republic of Moldova and the EU because of the numerous security risks which conceals the presence of the conflict which is only 100 km. from the border of the EU after the accession of Romania. In addition, the Eastern Partnership provides greater EU involvement in the Transnistrian settlement.

Though, at the Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit in Warsaw, 29–30 September 2011 the participants agreed to develop political cooperation and dialogue between the EU and partner countries, including as regards governance reforms, joint efforts to enhance regional security and resolve conflicts, as well as relevant global and regional foreign and security issues of common interest [4], EU cannot take a leading position in solving conflicts in South Caucasus as this region is located at the intersection of interests of US and Russia. “The EU has refused from the outset to make a substantial effort towards conflict resolution in the region. Indeed its political and diplomatic resources are insufficient to influence the peace processes” [6]. The most EU can do is to try to develop democratic institutions in this region through its programs, and Eastern partnership, in particular, can help EU to fortify its position in the region and thus be a more significant power in South Caucasus in the foreseeable future. What is needed now is: better focusing of activities, a clearer assessment of developments with better measurable benchmarks, a clearer sequencing of actions, a better link between the EU and its Eastern Partners’ domestic reforms and the EU support provided for these reforms and finally a stronger political steering. We should see a renewed commitment to differentiation that means more financial support, closer political cooperation and deeper economic integration for those partners who have embarked on deep reforms. The level of ambitions of each of the partners will determine

how far and how quickly EU will move toward this vision.

On the way of developing relations between EU and six former Soviet countries, Belarus has refused to participate at the recent summit in summit of Eastern Partnership in Warsaw. By Belarusian side the reason for this demarche was the refusal by organizes to invite Alexander Lukashenko to participate in the summit. However, in the Warsaw summit's final declaration was expressed deep concern about the deteriorating human rights situation and the lack of freedom of speech in Belarus. The document is a call for the immediate release and rehabilitation of all political prisoners, as well as the beginning of political dialogue with the opposition. Also, was expressed concern over the fact that Belarusian authorities deny access of political prisoners to relatives and lawyers as well as to medical care while being put under psychological and physical pressure [4].

It is noteworthy that in the Declaration, criticizing Belarus, stressed that it is adopted by The Heads of State and Government and representatives of the EU and its member states. However, it is hushed up the fact that all five former Soviet republics are included in the Eastern Partnership, categorically refused to put their signatures to this document. The presidents of Azerbaijan, Armenia, Georgia, Moldova and Ukraine, thus expressed solidarity with AlyeksandrLukashenko. Therefore, the document on Belarus was not included in the summit's final declaration as a resolution approved in the format “27 plus 5” (the EU member states and five countries of the former USSR included in Eastern Partnership). And in the end, this paper has been accepted in the form of the Declaration on behalf of the European Union but not of the Eastern Partnership

There is another real problem of Eastern Partnership - definition of an ultimate goal of this EU integration. Now nobody in the EU is able to answer the question whether Eastern Partnership is the maximum what the EU offers to its partner states, whether it is just one step in a broader process of integration. The EU officials try to avoid to answer that question, however for RafalSadowski, those states have all conditions which are needed to be granted by membership prospective, however it should be very long process, much longer than in case of Central European countries. “Now, I think, the EU should focus on current offer of Eastern Partnership mainly not only negotiations over Association agreement but also implementation of that and other agreements. This should open possibility for discussion about membership prospective for that states” [11].

The participation of former Soviet countries in Eastern partnership fits into broader efforts for European integration of these states. Eastern Partnership opens new perspectives for the development of closer ties with the EU and for the approximation of the Six to the European political and economic model. Participation in the Eastern Partnership will provide several benefits to these countries – participation in the single market and other Community policies, technical and financial support from the EU, the possibility of granting visa relief measures, etc. However, at present an enlargement perspective is not on the agenda.

1. *Bechet T.* (2011, August 22). The Eastern Partnership program (H. Torosyan, Interviewer).
2. Eastern Partnership (n.d.). Retrieved August 10, 2012, from Europa.eu: http://eeas.europa. eu/eastern/index_en.htm
3. *Ghazaryan V.* (2011). Economic integration and Convergence with the EU policies: A view from Armenia.Eastern Partnership for the South Caucasus. PP. 54–62.
4. Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit in Warsaw (2011, September 30). Retrieved August 11, 2012, from Counsil of The European Union: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/ec/124843.pdf
5. *Lidington D.* (2010, September 08). Being ambitious: the EU and our Eastern neighbours. Retrieved August 10, 2012, from The Foreign and Commonwealth Office: http://www.fco.gov.uk/en/news/latest-news/?view=Speech&id=22826185
6. *Mikhelidze N.* (n.d.). Eastern Partnership and Conflicts In The South Caucasus: Old Wine In New Skins? Retrieved August 11, 2012, from IAI Institute of International Affairs: http://www.iai.it/pdf/DocIAI/iai0923.pdf
7. *Navasardyan B.* (2011). Democracy and good governance within the EaP context: A view from Armenia.Eastern Partnership for the South Caucasus. PP. 20–27.
8. *Poghosyan T.* (2011). Contacts between people within the EaP context: A view from Armenia.Eastern Partnership for the South Caucasus. PP. 106–114.
9. *Popescu N.* (2011). Eastern Partnership and the South Caucasus.Eastern Partnership for the South Caucasus. PP. 114–122.
10. Prime Minister VladFilat and Polish Prime Minister Donald Tusk held a joint news conference in Chisinau today. (2011, March 19). Retrieved August12, 2012, from Government of Republic of Moldova: http://www.gov.md/libview.php?l=en&id=3602&idc=436
11. *Sadowski R.* (2011, April 06). Eastern Partnership Program (H. Torosyan, Interviewer).
12. *Sarukhanyan S.* (2011). Armenia's energy security: the problems, perspectives and the main challenges for the success of the Eastern Partnership.Eastern Partnership for the South Caucasus. PP. 78–87.
13. *Сергунин А.А., Тихонов В.Г.* «Восточное партнерство» и «Большой Кавказский регион»: проблемы и перспективы // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Научный журнал – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. СС. 31–40.

Ամփոփում

Սույն հոդվածը նվիրված է արևելյան գործընկերության ծրագրին և նրա առաջին ձեռքբերումների վերլուծությանը, ինչպես նաև դրա զարգացման հեռանկարներին:

ԱՊՊԱ ՈԼՈՐՏՈՒՄ ԱՊԱՀՈՎԱԳՐԱԿԱՆ ՊԱՏԱՀԱՐԻ ԵՎ ԴՐԱ ՊԱՏՃԱՌՆԵՐԻ ՓՈՐՁԱՔՆՆՈՒԹՅԱՆ ԿԱՐԳԻ ՕՐԵՆՍԴՐԱԿԱՆ ԿԱՐԳԱՎՈՐՄԱՆ ՊՐՈԲԼԵՄՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ ԵՎ ՌՈՒՍԱՍՏԱՆՈՒՄ (ՀԱՄԵՄԱՏԱԿԱՆ-ԻՐԱՎԱԿԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆ)

Ա.Հ. Սարդարյան

Ապահովագրական դեպքը այն իրադարձությունն է, որի վրա հասնելու դեպքում ապահովագրական ընկերությունը պարտավոր է ապահովագրության պայմանագրով սահմանված կարգով և չափով վճարել ապահովագրական հատուցում: ԱՊՊԱ պայմանագրի համաձայն՝ այդպիսի իրադարձությունն է տրանսպորտային միջոցով (այսուհետ ՏՄ) այլ անձանց վնաս պատճառելը: Որպեսզի ապահովագրական ընկերության մոտ ԱՊՊԱ պայմանագրով ծագի ապահովագրական հատուցում վճարելու պարտականություն՝ անհրաժեշտ է երկու խումբ պայմանների միաժամանակյա առկայություն.

Առաջինը՝ այս խումբ պայմանները վերաբերում են ճանապարհատրանսպորտային Պատահարից (այսուհետ ՃՏՊ) տուժած անձանց նկատմամբ մեղավոր անձի քաղաքացիական պատասխանատվության ծագման՝

Երկրորդը՝ ՃՏՊ-ի մեջ մեղավոր անձի պատասխանատվությունը ԱՊՊԱ պայմանագրով ապահովագրական ընկերության վրա դրված լինելու հանգամանքը:

Դելիկտային պարտավորության ծագման ընդհանուր պայմաններն են՝

1. վնասի առկայությունը,

2. վնաս պատճառած գործողությունների հակաիրավականությունը,

3. հակաիրավական արարքի և ծագած փաստացի վնասի միջև պատճառահետևանքային կապի առկայությունը,

4. սուբյեկտիվ կողմի՝ վնաս պատճառողի մոտ արարքի կատարման նկատ-

ման մեղքի առկայությունը[1]:

Հետևաբար, ԱՊՊԱ պայամանգրով նախատեսված ապահովագրական դեպքի վրա հասնելու համար անհրաժեշտ է, որպեսզի այն անձը, ում տրանսպորտային միջոցի շահագործումից բխող քաղաքացիական պատասխանատվությունը ապահովագրված է ԱՊՊԱ պայմանագրով, թույլ տա դելիկտային պարտավորության առաջացման բոլոր անհրաժեշտ պայմանները պարունակող արարք:

ԱՊՊԱ ոլորտում ապահովագրական պատահարի հասկացությունը և առանձնահատկությունները հասկանալու համար անհրաժեշտ ենք համարում անդրադառնալ դելիկտային պարտավորության ծագման վերոհիշյալ չորս պայմաններին՝ ԱՊՊԱ պայմանագրով նախատեսված ապահովագրական դեպքի համատեքստում:

– ԱՊՊԱ պայմանագրով պատճառված վնասի օբյեկտ է հանդիսանում ՃՏՊ-ից տուժած անձի կյանքը, առողջությունը և գույքը: ԱՊՊԱ ինստիտուտի ներդրման նպատակը այս օբյեկտների, պատճառված վնասի հատուցման երաշխավորումն է: Ընդ որում, օրենքը ավելի մեծ կարևորություն է տալիս կյանքին և առողջությանը պատճառված վնասների փոխհատուցմանը, քան՝ գույքին[2]: Այսպես օրինակ՝ կյանքին և առողջությանը պատճառված վնասի փոխհատուցման առավելագույն չափը գույքին պատճառված փոխհատուցման վճարի չափից մի քանի անգամ ավելի բարձր է, ավտոապահովագրողների Բյուրոն հատուցում է տուժողի կյանքին և առողջությանը պատճառված վնասը, նույնիսկ վնաս պատճառած տրանսպորտային միջոցի անհայտ լինելու պարագայում: Այսպես՝ ԱՊՊԱ պայմանագրով ապահովագրական դեպքի վրա հասնելու համար անհրաժեշտ պայման է վնասի փաստի առկայությունը:

– Դելիկտային պարտավորության հաջորդ կարևոր տարրն է իրավախախտման սուբյեկտի առկայությունը: Տրանսպորտային միջոցների շահագործումից բխող պատասխանատվության պարտադիր ապահովագրության ինստիտուտի խնդրահարույց հարցերից մեկը իրավախախտման սուբյեկտի՝ վարորդի պատասխանատվության ապահովագրված լինելու հարցն է: Այս խնդիրը հանգամանալից պատկերացնելու համար անհրաժեշտ ենք համարում անդրադառնալ Ռուսաստանի Դաշնության ԱՊՊԱ օրենքի ընդունումից հետո՝ 2003 թ-ից մինչև 2007 թ-ն ընկած ժամանակահատվածում դատական պրակտիկայի ձևավորմանը:

Այսպես՝ 2005 թ. օգոստոսի 11-ին Արևմտյան Սիբիրի արբիտրաժային շրջանի Դաշնային Դատարանը մերժել է թիվ 0004-4524/2005 (13066A27-28) գործով[3] «Տոմուս» ՍՊԸ-ի հայցը ընդդեմ ապահովագրական ընկերության և բեկանել է մինչ այդ ստորադաս դատարանների ընդունած դատական ակտերը: Դատարանը ղեկավարվել է ՌԴ 2002 թ. ապրիլի 25-ին ընդունած ԱՊՊԱ օրենքի 1-ին հոդվածով: Համաձայն այդ հոդվածի՝ ապահովագրական դեպք հասկացության տակ պետք է հասկանալ ապահովադրի, կամ այդ պայմանագրով քաղաքացիական պատասխանատվության ռիսկը

[1] Բարսեղյան Տ. Հայաստանի Հանրապետության Քաղաքացիական իրավունք (Երրորդ մաս), Եր., ԵՊՀ, 2011, էջ 12:

[2] Քաղաքացու կյանքին և առողջությանը պատճառած վնասի առանձնահատկությունների մասին ավելի մանրամասն տես՝ Բեքմեզյան Գ. «Անձի կյանքին կամ առողջությանը պատճառված վնասի հատուցումը», Մենագրություն, Եր., ԵՊՀ հրատարակչություն, 2004:

[3] «Страховые споры»: сборник судебной практики. М.: Волтерс Клувер, 2006. СС. 9–12.

ապահովագրած անձանց, քաղաքացիական պատասխանատվության վրա հասնելը՝ կապված տրանսպորտային միջոցի շահագործմամբ այլ անձանց կյանքին, առողջությանը կամ գույքին վնաս պատճառելու հետ: ***Դատարանի կարծիքով ապահովագրական պատահարը տեղի չի ունեցել, քանի որ վնասը պատճառվել է վարորդի կողմից, որը մտցված չի եղել AAA № 02122-8512 ապահովագրական վկայականի մեջ՝ որպես այդ վկայականով տրանսպորտային միջոցը վարելու լիազորված վարորդ:***

2005 թ. օգոստոսի 24-ի վճռով Ստավրոպոլի շրջանի № 33-1420105 քաղաքացիական գործով նույնպես մերժվել է տուժող Ստարկովի հայցը ընդդեմ ապահովագրական ընկերության: Ստարկովը հայցադիմումում նշել է. *«քանի որ տրանսպորտային միջոցի՝ որպես առավել վտանգի աղբյուրի սեփականատերը, պարտավոր է հատուցել տրանսպորտային միջոցով պատճառված վնասը, իսկ վերջինիս պատասխանատվությունը ապահովագրված է ապահովագրական վկայականով՝ հետևաբար առկա է պահովագրական դեպքը»*: Այս մեկնաբանությամբ հայցվորը փորձել է շրջանցել այն հանգամանքը, որ վթարի պահին մեքենայի վարորդը մտցված չի եղել ապահովագրական վկայականի մեջ որպես լիազորված վարորդ: Սակայն դատարանը, հիմք ընդունելով ՌԴ ԱՊՊԱ օրենքի 2-րդ հոդվածը, համաձայն որի՝ պարտադիր ապահովագրության պայմանագրով ապահովագրված է համարվում ապահովադրի, քաղաքացիական պատասխանատվության պայմանագրով ինչպես նաև այլ իրավական ակտերով նշված տրանսպորտային միջոցը տիրապետող անձանց քաղաքացիական պատասխանատվությունը, մերժել է հայցադիմումը այն պատճառաբանությամբ, որ տրանսպորտային միջոցի վարորդը մտցված չի եղել վկայականի մեջ և չի կարելի տրանսպորտային միջոցի շահագործումը նրա կողմից օրինական դիտել: Հետևաբար ապահովագրական դեպք տեղի չի ունեցել:

Միևնույն հիմքով մերժվել են բազմաթիվ գործեր, այդ թվում նաև № Ф09-1995/05-64, № 2-1537/2005, № А-62-10698/2005, № А36-813/2005, № 2-99/2005, № 2-595105, № 33-977 ընդունված 2005 թ. դատական գործերը[4]:

Հիշարժան է նաև թիվ А-62-10698/2005 քաղաքացիական գործով Լիպեցկ քաղաքի շրջանային Դատարանի կողմից ՌԴ ԱՊՊԱ օրենքի 14-րդ հոդվածի մեկնաբանությունը: Օրենսդիրը՝ նշելով ապահովագրողի ռեգրեսային պահանջի իրավունքը վնաս պատճառողին, այն դեպքերում, երբ վերջինս մտցված չի եղել ԱՊՊԱ պայմանագրի մեջ որպես տրանսպորտային միջոցը վարելու լիազորված անձ, Դատարանը գտել է, որ խոսքը վերաբերում է միայն այն անձանց, որոնց պատասխանատվությունը ապահովագրված է, սակայն նրանք մտցված չեն պայմանագրի մեջ որպես տրանսպորտային միջոցը վարելու թույլտվություն ունեցող անձինք:

ՌԴ դատական պրակտիկայի նման զարգացման հետևանքով Ռուսաստանի դաշնությունում տեղի էր ունենում ապահովագրական հատուցման պահանջների բազմաթիվ մերժումներ բոլոր այն դեպքերում, երբ վնաս պատճառող անձինք մտցված չէին ԱՊՊԱ պայմանագրի մեջ որպես ավտոտրանսպորտային միջոցը վարելու լիազորված անձիք և պայմանագիրը կնքված էր սահմանափակ թվով վարորդների վարելու պայմանով: Նման դեպքերը բազմազան էին:

Այս պայմաններում ՌԴ-ում վտանգի տակ դրվեց տուժողին պատճառված

[4] Տե՛ս նույն տեղը:

վնասների հատուցման երաշխավորման կարևորագույն սկզբունքը: Վերոշարադրված դատական պրակտիկան ՌԴ-ում զարգացել է ԱՊՊԱ օրենքի ուժի մեջ մտնելուն հաջորդող 3 տարիներին, որից հետո դատական պրակտիկայում կտրուկ փոփոխություններ տեղի ունեցան:

Այսպես՝ ՌԴ Սահմանադրական Դատարանը 31.05.2005 թ. № 6-Ո եզրակացությամբ[5] ընդունեց այն հանգամանքը, որ քաղաքացիական պատասխանատվության պարտադիր ապահովագրության օրենքը չի հակասում ՌԴ Սահմանադրությանը, միաժամանակ նշեց, որ այս Օրենքը նպատակ է հետապնդում երաշխավորել օրենքով սահմանված շրջանակներում վթարներից տուժած անձանց վնասների փոխհատուցումը:

Այնուհետև ՌԴ Սահմանադրական դատարանը իր 12.07.2006 թ.-ի № 337-О մեկնաբանության մեջ[6] նշեց, որ ՌԴ ԱՊՊԱ օրենքի 1-ին հոդվածի, 15-րդ հոդվածի 2-րդ մասի և 16-րդ հոդվածի դրույթները չեն կարող դիտվել տրանսպորտային միջոցն օրինական հիմունքներով տիրապետող, օգտագործող, շահագործող անձանց ապահովագրական հատուցում վճարելու պարտականությունը բացառող, այն դեպքերում, երբ նրանք ընդգրկված չեն եղել ԱՊՊԱ վկայագրի մեջ որպես լիազորված վարորդ, սակայն նրանց քաղաքացիական պատասխանատվությունը ապահովագրված է ԱՊՊԱ վկայագրով և վնասը պատճառվել է նման վարորդի կողմից:

Նմանատիպ դիրքորոշում է հայտնել նաև ՌԴ Գերագույն Դատարանը իր 16.01.2007 թ. № 44-В06-14 և 23.01.2007 թ. № 44-В06-20 տրված քաղաքացիական գործերով մեկնաբանություններում[7]: ՌԴ Գերագույն դատարանը գտնում է, որ տրանսպորտային միջոցը տիրապետող (օգտագործող) անձինք, որոնք այն շահագործում են օրինական հիմքով, սակայն մտցված չեն ԱՊՊԱ վկայագրի մեջ, չեն բացառվում այն անձանց թվից, ում քաղաքացիական պատասխանատվությունը ապահովագրված է ԱՊՊԱ վկայագրով:

Ամփոփելով ՌԴ Սահմանադրական Դատարանի և Գերագույն Դատարանի վերոհիշյալ մեկնաբանությունները՝ 06.02.2007 թ-ին ՌԴ Բարձրագույն Արբիտրաժային դատարանի պլենումի № 10950106 Որոշմամբ պարզաբանվեց[8], որ ԱՊՊԱ Դաշնային օրենքի նպատակից ելնելով օգտագործվում է «տրանսպորտային միջոցը տիրապետող» հասկացությունը և թվարկվում են տիրապետելու օրինական հիմքերը (1-ին հոդված): Այդ թվարկումը սակայն սպառիչ չէ՝ «տիրապետող» հասկացության մեջ չեն ընդգրկվում միայն այն անձինք, որոնք այն օգտագործում են իրենց աշխատանքային կամ ծառայողական պարտականությունների կատարման ուժով, այդ թվում սեփականատիրոջ կամ այլ տիրապետողի հետ կնքած աշխատանքային կամ քաղաքացիաիրավական պայմանագրով: Նշված հոդվածի բովանդակությունը ցույց է տալիս, որ Օրենքի նպատակից ելնելով, ոչ օրինական տիրապետումը պետք է դիտվի տրանսպորտային միջոցին անօրինական տիրանալը (հափշտակություն և

[5] Конституционный суд Российской Федерации // Постановление от 31 мая 2005г. n 6-п // по делу о проверке конституционности федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»/ http:// www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=53775

[6] Определение Конституционного суда РФ № 337-О, от 12.07.2006г.

[7] Տե՛ս Определение Верховного суда РФ № 44-В06-14 // www.vsrf.ru

[8] Տե՛ս Определения Высшего Арбитражного суда РФ № 10950106 // www.arbitr.ru

այլն): Մնացած հիմքերը, այդ թվում՝ օրենքում ուղղակիորեն նշվածները, պետք է դիտել տրանսպորտային միջոցի տիրապետման օրինական հիմք: 06.02.2007 թ. ՌԴ Բարձրագույն Արբիտրաժային դատարանի որոշմամբ վերջ դրվեց ՌԴ դատարաններում իրարամերժ պրակտիկային՝ կապված տրանսպորտային միջոցի վարորդի ԱՊՊԱ պայմանագրի մեջ ընդգրկված չլինելու, սակայն օրինական հիմքերով տրանսպորտային միջոցը տիրապետող վարորդների կողմից երրորդ անձանց պատճառված վնասի ապահովագրական հատուցման հետ: Հատկանշական է, որ 06.02.2007 թ. որոշմամբ դատարանը հղում է անում ԱՊՊԱ օրենքի նպատակի վրա:

Այս խնդրահարույց իրավիճակին այլ կարգավորում է տվել ՀՀ ԱՊՊԱ օրենքը: Օրենքի 5-րդ հոդվածի 1-ին մասի համաձայն «ԱՊՊԱ պայմանագրով սահմանված պայմաններով ապահովագրվում է տուժած անձանց պատճառված վնասների հատուցման համար ապահովագրված անձանց պատասխանատվությունը»:

Օրենքի 3-րդ հոդվածի 8-րդ կետի համաձայն՝ ապահովագրված անձ է հանդիսանում ԱՊՊԱ պայմանագրի գործողության ընթացքում ավտոտրանսպորտային միջոցի սեփականատերը, ինչպես նաև օրինական հիմքերով այն տիրապետող այլ անձը (այդ թվում՝ վարորդը):

Օրենքի 5-րդ և 3-րդ հոդվածների դրույթների համադրությունից բխում է, որ յուրաքանչյուր դեպքում, երբ ավտոտրանսպորտային միջոցով վնաս է պատճառվել երրորդ անձանց, անկախ վարորդի ԱՊՊԱ վկայագրով նախատեսված լինելուց՝ որպես լիազորված տիրապետող, պետք է դիտվի ապահովագրական պատահար և ապահովագրողը պարտավոր է հատուցել տուժողի վնասները ԱՊՊԱ օրենսդրության համաձայն: Բացառություն է միայն այն դեպքը, երբ ավտոտրանսպորտային միջոցի վարորդը այն վարել է հափշտակելու կամ այլ անօրինական միջոցով: Օրենքի 3-րդ և 5-րդ հոդվածները հստակ են կարգավորում այս հարցը և այլ մեկնաբանությունների տեղիք չեն տալիս:

Մեր կարծիքով, ԱՊՊԱ օրենքի նպատակից ելնելով, այն է՝ պատճառված վնասի հատուցման երաշխավորումը անկախ վարորդի վկայականում ընդգրկված լինելուց՝ ապահովագրական ընկերությունը պետք է հատուցի պատճառված վնասը:

Սակայն, նմանատիպ կարգավորմանը զուգահեռ, անհրաժեշտ ենք համարում, որ օրենսդրությամբ ստեղծվի արդյունավետ մեխանիզմներ, որոնց գործադրման արդյունքում ապահովադիրները պայմանագիր կնքելիս ապահովագրողին հայտնեն ՏՄ-ի վարորդների իրական ցանկը կամ պայմանագիրը կնքեն անսահմանափակ վարորդների լիազորմամբ: Քանի որ ՏՄ-ը շահագործող անձանց տվյալները՝ տարիքը, ստաժը, վարորդական պատմությունը, ազդում են ապահովագրական ռիսկայնության և ԱՊՊԱ պայմանագրի գնի վրա: Մեր կարծիքով, այդ մեխանիզմներն են ռեգրեսի կիրառումը և վարչական պատասխանատվությունը:

– Դելիկտային պատասխանատվության հաջորդ պայմանն է արարքի առկայությունը և պատճառահետևանքային կապը արարքի և հետևանքի միջև: ԱՊՊԱ օրենքի 1-ին հոդվածով տրվում է օրենքի կարգավորման ենթակա հասարակական հարաբերությունների բնորոշումը, դրանք են ավտոտրանսպորտային միջոցների օգտագործման հետևանքով տուժած անձանց պատճառված վնասներից բխող ավտոտրանսպորտային միջոցների սեփականատերերի, ինչպես նաև օրինական հիմքերով դրանք տիրապետող այլ անձանց պատասխանատվության պարտադիր ապահովագրության հետ կապված հարաբերությունները: Այս հոդվածից բխում է, որ ԱՊՊԱ ոլորտում ապահովագրական դեպք կարող է տեղի ունենալ միայն տրանսպորտային միջոցի շահագործման միջոցով, ընդ որում տուժած անձանց կրած վնասները պետք է հանդիսանան տրանսպորտային միջոցի

շահագործման հետևանք:

Գործնականում կարևոր նշանակություն ունի «տրանսպորտային միջոցի շահագործում» հասկացությունը: ԱՊՊԱ օրենքով շահագործում է համարվում տրանսպորտային միջոցի շարժիչի գործադրմամբ կամ առանց դրա ավտոտրանսպորտային միջոցով, այդ թվում ավտոտրանսպորտային միջոցի պայթյունի կամ հրկիզման հետևանքով պատճառված վնասը (ՀՀ ԱՊՊԱ օրենքի 3-րդ հոդվածի 1-ին մաս, 17-րդ կետ): *ՀՀ օրենքը տրանսպորտային միջոցի շահագործումը չի կապում ավտոմեքենայի ընթացքի մեջ գտնվելու պայմանի հետ, որը մեր կարծիքով պատահական չէ:*

ՌԴ-յան ԱՊՊԱ օրենքը համեմատաբար ավելի հստակ է կարգավորում այս հարցը, նշելով, որ տրանսպորտային միջոցի շահագործումը կարող է տեղի ունենալ, երբ տրանսպորտային միջոցը ընթացքի մեջ է[9]: Սակայն նույնիսկ նման կարգավորման պայմաններում ՌԴ դատարանները ապահովագրական դեպքը համարում են կայացած տրանսպորտային միջոցի դուռը բացելիս այդ դռնով պատճառված վնասը[10]:

Մեր կարծիքով այս մոտեցումը արդարացի կլիներ, եթե տվյալ պայմաններում դուռը բացելը իրենից ներկայացնում է տրանսպորտային միջոցների շահագործման անվտանգության կանոնների խախտում: ՌԴ օրենքում անհրաժեշտ է համապատասխան փոփոխություններ կատարել և վերացնել այս հակասությունը:

– Դելիկտային պարտավորության ծագման համար անհրաժեշտ չորրորդ պայմանն է վնաս պատճառողի մեղքի առկայությունը: ԱՊՊԱ պայմանագրով ապահովագրվում է ավտոտրանսպորտային միջոցի օգտագործումից բխող պատասխանատվությունը և ապահովագրական հատուցում վճարելու համար կարևոր է յուրաքանչյուր ճանապարհատրանսպորտային պատահարի դեպքում պարզել, թե ով է հանդիսանում այդ պատահարի մեջ մեղավոր անձ (վարորդ), որի գործողությունների (անգործության) հետևանքով պատճառվել է վնաս: Այս հարցից ածանցյալ է նաև այն, թե ով է հանդիսանում ճանապարհատրանսպորտային պատահարից տուժած անձ կամ անձինք և որ ապահովագրական ընկերությունն է պարտավոր հատուցել տուժողի կրած վնասները:

Նշենք նաև, որ ԱՊՊԱ ոլորտում այս տարրի առկայությունը ոչ միշտ է անհրաժեշտ: ՀՀ քաղաքացիական օրենսգրքի 1072-րդ հոդվածի 1-ին մասի համաձայն. « Իրավաբանական անձինք և քաղաքացիները, որոնց գործունեությունը կապված է շրջապատի համար առավել վտանգի աղբյուրի հետ (տրանսպորտային միջոցների, մեխանիզմների, բարձր լարվածության էներգիայի, ատոմային էներգիայի, պայթուցիկ նյութերի, ուժեղ ներգործող թույների և այլնի օգտագործում, շինարարական և դրա հետ կապված այլ գործունեության իրականացում), պարտավոր են հատուցել առավել վտանգի աղբյուրով պատճառված վնասը, եթե չեն ապացուցում, որ վնասը ծագել է անհաղթահարելի ուժի կամ տուժողի դիտավորության հետևանքով: Առավել վտանգի աղբյուրի սեփականատիրոջը դատարանը կարող է նաև լրիվ կամ մասնակիորեն ազատել պատասխանատվությունից՝ սույն օրենսգրքի 1076 հոդվածի 2-րդ (տուժողի կոպիտ անզգուշություն) և 3-րդ կետերով (տուժողի և վնաս պատճառողի գույքային դրությունը) նախատեսված հիմքերով»:

[9] Федеральный закон от 25.04.2002 года №40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», статья 1.

[10] Մոսկվա քաղաքի Արբիտրաժային դատարան, գործ համար № А40-131353/1/ էլ. ռեսուրս http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/1e73a87f-e990-43cb-be9c-8ccfa67736fb/A40-131353-2011_20120123_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf

Սակայն, առավել վտանգի աղբյուրի սեփականատիրոջ պատասխանատվության ծագումը մեղքի բացակայության պայմաններում չի կարող առաջանալ այն դեպքերում, երբ վնասը պատճառվել է այլ անձի տրանսպորտային միջոցին կամ «սեփականատիրոջը»: Այսպես՝ ՀՀ քաղաքացիական օրենսգրքի 1072-րդ հոդվածի 3-րդ մասի համաձայն. «Առավել վտանգի աղբյուրների փոխներգործության հետևանքով նրանց սեփականատերերին պատճառված վնասը հատուցվում է ընդհանուր հիմունքներով (հոդված 1058)»: Փաստորեն ՏՄ-ների բախման հետևանքով միմյանց պատճառած վնասի մասով, վարորդները պատասխանատվության հարցը որոշելիս կարևոր է նրանց մեղքի առկայությունը և քանի որ ՃՏՊ-ների 90%-ից ավելին տեղի է ունենում ավտոմեքենաների փոխներգործության հետևանքով, մեղավորության հարցի պարզումը խիստ կարևոր է դառնում:

ԱՊՊԱ ինստիտուտի կարևոր պրոբլեմներից մեկն է ապահովագրական դեպքի կեղծիքները, որը կատարվում է ապահովագրական դեպքի արհեստական ստեղծելու կամ եղած ապահովագրական դեպքի փաստական հանգամանքները կեղծելու միջոցով: Այս երևույթի դեմ պայքարը կարևոր հանրային նշանակություն ունի, քանի որ ԱՊՊԱ ինստիտուտի ներդրումը պայմանավորված է հենց հանրային նպատակով՝ վթարներից տուժած անձանց շահերի պաշտպանությամբ, և ապահովագրական դեպքերի մասսայական կեղծիքների դեպքում այս ինստիտուտը չի կարող ծառայել իր նպատակին, դրա փոխարեն այն դառնում է խարդախության զարգացման և իրավական նիհիլիզմի արմատավորմանը նպաստող վտանգավոր երևույթ:

Մեր կարծիքով, ՀՀ ԱՊՊԱ օրենքը այս առումով թերի է և բավականին վիկտիմոգեն, քանի որ ապահովագրական դեպքի հանգամանքների բացահայտման գործում խիստ նսեմացված է պետական վերահսկողության դերը և գրեթե ամբողջությամբ տրված է ապահովագրական ընկերություններին և «նրանց» միությանը՝ Բյուրոյին:

Այսպես, ՀՀ ԱՊՊԱ օրենքի 21-րդ հոդվածով կարգավորվում է ապահովագրական պատահարի մեջ անձանց մեղավորության աստիճանի և պատճառված վնասի չափի որոշման հետևյալ կարգը՝ «քաղաքացիական, քրեական կամ դատական կարգով վարչական գործ հարուցված լինելու դեպքում գույքին պատճառված վնասների չափը գնահատվում է, և դրանում անձի մեղավորության աստիճանը որոշվում է գործն ըստ էության լուծող և օրինական ուժի մեջ մտած դատական ակտով, իսկ այդպիսի գործ հարուցված չլինելու կամ այդպիսի գործն ըստ էության լուծող դատական ակտ չընդունվելու դեպքում՝ Բյուրոյի որակավորած փորձագետների (այսուհետ՝ փորձագետ) կողմից, բացառությամբ սույն օրենքի 19-րդ հոդվածի 4-րդ մասով նախատեսված դեպքերի, որոնց համար Բյուրոյի կանոններով կարող է նախատեսվել ապահովագրական ընկերության կողմից մեղավորության որոշման և (կամ) վնասի չափի գնահատման պարզեցված կարգ»:

Փաստորեն, ՀՀ օրենսդրության համաձայն, այն բոլոր դեպքերում, երբ ապահովագրական պատահարի վերաբերյալ չի կայացվել դատական ակտ, ապա այդ պատահարի մեջ անձանց մեղավորության աստիճանը և վնասների չափը որոշվում է Բյուրոյի կողմից որակավորված փորձագետների եզրակացությամբ: Ընդ որում, ԱՊՊԱ օրենքում որևէ խոսք չկա ճանապարհային երթևեկության անվտանգության ապահովման համար պատասխանատու պետական մարմնի՝ ճանապարհային ոստիկանության մասին:

Դրա փոխարեն «Հայաստանի ավտոապահովագրողների Բյուրո» ԻԱՄ-ի կողմից 26.11.2010 թ. ընդունված RL 1-014 կանոնների 12 կետի համաձայն՝ Ճանապարհային երթևեկության անվտանգության ապահովման համար պատասխանատու պե-

տական մարմինը համարվում է Բյուրոյի Խորհրդի կողմից որակավորված:

Ստացվում է, որ ԱՊՊԱ ոլորտում «Բյուրո» ԻԱՄ-ի կողմից որակավորված փորձագետների եզրակացությունները իրենց իրավական ուժով հավասարեցված են ՀՀ Ճանապարհային Ոստիկանության մարմինների ՃՏՊ-ների հանգամանքների վերաբերյալ կազմած փաստաթղթերին՝ եզրակացություններին, որոշումներին: Բացի դրանից, համապատասխան պետական մարմնի ընդունած որոշումների իրավական ուժը ԱՊՊԱ ոլորտում թողնված է «Բյուրոյի» հայեցողությանը: Այսինքն՝ Բյուրոյի ընդունած RL 1-014 կանոնները յուրաքանչյուր պահի կարող են փոփոխվել վերջինիս կողմից, և այդ պահից համապատասխան պետական մարմնի որոշումները այլևս ընդհանրապես իրավական ուժ չեն ունենա:

Մեր կարծիքով, օրենքի նման կարգավորումը լուրջ իրավական պրոբլեմ է առաջացնում և ենթակա է վերացման: Առաջարկվում է պետական լիազոր մարմնի կողմից կազմած փաստաթղթերը ԱՊՊԱ օրենքով դարձնել պարտադիր կատարման ենթակա ապահովագրական ընկերությունների համար: Իսկ այդ եզրակացությունների, որոշումների հետ համաձայն չլինելու դեպքում ապահովագրական ընկերությանը և Բյուրոյին իրավունք վերապահել բողոքարկել վերադասության և դատական կարգով: Ընդ որում բողոքարկումը չպետք է կասեցնի այդ որոշումների կատարումը: Բնականաբար, բողոքի բավարարման դեպքում հնարավոր կլինի անհիմն հարստացողից հետ պահանջել հատուցումը, քաղաքացիական օրենսգրքով սահմանված կարգով:

Անդրադառնանք այս հարցի կարգավորմանը Ռուսաստանի Դաշնության փորձն ուսումնասիրելիս: ՌԴ-ում 2003 թ-ից մինչև 2009 թ-ը ԱՊՊԱ օրենքով ապահովագրական հատուցում ստանալու համար անկախ ապահովագրական պատահարի հանգամանքներից անհրաժեշտ պայման էր պետական լիազոր մարմնի կողմից ՃՏՊ-ի վերաբերյալ կազմած փաստաթղթերի առկայությունը: ՌԴ-ում նման կարգավորման հետևանքով ընդհանուր օգտագործման ճանապարհների վրա խցանման լուրջ պրոբլեմներ առաջացան, քանի որ յուրաքանչյուր պատահարի դեպքում վարորդները չէին տեղափոխում տրանսպորտային միջոցները մինչև ՃՈ-ի ժամանումը: Խցանումների պրոբլեմները լուծելու և ՃՈ-ի ծանրաբեռնվածությունը թեթևացնելու համար ՌԴ-ում 2009 թ. մարտին Օրենքում փոփոխություն մտցվեց և նախատեսվեց ճանապարհատրանսպորտային պատահարների դեպքեր, երբ պետական լիազորված մարմնի ներկայացումը պարտադիր չէ: Օրենքում հստակ նշվեց, թե որ դեպքերում է հնարավոր ճանապարհատրանսպորտային պատահարների վերաբերյալ փաստաթղթերի կազմումը առանց պետական լիազոր մարմնի ներկայության՝

1. վնասը պատճառված պետք է լինի միայն գույքին: Անձնական վնասի առկայության դեպքում՝ մահացու դեպք, առողջության վնաս, պետական մարմնի ներկայությունը պարտադիր է,

2. ճանապարհատրանսպորտային պատահարին պետք է մասնակցի երկու մեքենայից ոչ ավելի,

3. երկու մեքենաների վարորդներն էլ ունենան օրենքի համաձայն կնքած ԱՊՊԱ պայմանագիր,

4. վարորդների միջև չլինի տարաձայնություններ ՃՏՊ-ի հանգամանքների վերաբերյալ,

5. ակնկալվող ապահովագրական հատուցման չափը չի գերազանցում քսանհինգ հազար ռուսական ռուբլին:

Այսպիսով՝ ՌԴ-ում նախատեսվեց ՃՈ-ի բացակայությամբ ապահովագրական պատահարի կարգավորման գործընթաց միայն Օրենքի գործունեության 6-րդ տարում, այն էլ խիստ սահմանափակ դեպքերի համար: Սակայն նույնիսկ այս պայմաններում մի շարք իրավաբաններ քննադատորեն մոտեցան, այս «նորամուծությանը» նշելով, որ այն ապահովադիրներին դեպքերը կեղծելու, իսկ ապահովագրողներին ապահովագրական հատուցումը մերժելու լայն հնարավորություններ է տալիս: Սակայն մենք կարծում ենք, որ ՌԴ-ում այս փոփոխությունները օբյեկտիվորեն անհրաժեշտ էին, և օրենքով նախատեսված սահմանափակումների շնորհիվ ՌԴ-ն գտել է խնդրի կարգավորման առավել արդյունավետ ձևը, որը նախընտրելի կլիներ նաև ՀՀ-ն համար:

Սակայն, ՀՀ ԱՊՊԱ օրենքը, անկախ ապահովագրական պատահարի ծանրությունից՝ մարդկային զոհեր, վիրավորված անձինք, մեծ քանակությամբ վթարված մեքենաներ կամ այլ գույք, դեպքի վայրում պատահարի հանգամանքների հետազոտության համար պետական լիազոր մարմնի ներկայություն չի պահանջում:

Նշենք նաև, որ չնայած ԱՊՊԱ օրենքի նման կարգավորման, պրակտիկայում նման վթարներից հետո պարտադիր դիմում են պետական մարմիններին, իսկ ապահովագրական ընկերությունների աշխատակիցները սպասում են պետական մարմնի՝ ՀՀ Ոստիկանության համապատասխան վարչության քննիչի կամ հետաքննիչի որոշմանը, որպեսզի հետևեն նրան: Ինչը բնական է, քանի որ նման հանրային վտանգավորության աստիճանի ՃՏՊ-ների դեպքում անհրաժեշտ է ՀՀ քրեական դատավարության կարգով քննչական մարմնի կողմից դեպքի հանգամանքների ուսումնասիրություն և պարզում՝ ՀՀ քրեական օրենսգրքով նախատեսված հանցագործության հատկանիշների առկայության պարզման հարցում:

Կարծում ենք, որ ՀՀ ԱՊՊԱ օրենքում պետք է կատարվի համապատասխան փոփոխություններ և պետական լիազոր մարմնի ներկայությունը դարձնել պարտադիր հանրային բարձր վտանգավորության աստիճան ունեցող դեպքերի համար:

ՀՀ ԱՊՊԱ օրենքը չափազանց լայն հնարավորություն է նախատեսում ՃՏՊ-ի մասնակից վարորդների համար, առանց ապահովագրական ընկերության աշխատակիցների ձևակերպելու ԱՊՊԱ պայմանագրով նախատեսված պատահարի հանգամանքները, որը կոչվում է համաձայնեցված հայտարարագրով ***ինքնուրույն*** կարգավորման գործընթաց:

Այսպես, ՀՀ ԱՊՊԱ օրենքի 19-րդ հոդվածի համաձայն. «Եթե ապահովագրական պատահարում ներգրավված է միայն երկու ավտոտրանսպորտային միջոց և վնաս է պատճառվել միայն գույքին, ապա պատահարում ներգրավված անձինք պատահարի վերաբերյալ տեղեկացնում են իրենց պատասխանատվությունն ապահովագրած ապահովագրական ընկերությանը (ընկերություններին): Սրանից ենթադրվում է, որ

1) կարող են փոխադարձ համաձայնության դեպքում լրացնել համաձայնեցված հայտարարագիրը և այն ներկայացնել համապատասխան ապահովագրական ընկերությանը (ընկերություններին), եթե պատճառված վնասի դիմաց ակնկալվող հատուցման չափը չի գերազանցում Բյուրոյի կանոններով սահմանված՝ ինքնուրույն կարգավորման միջոցով հատուցվող վնասի առավելագույն չափը...»:

Փաստորեն, ՀՀ ԱՊՊԱ օրենքը Բյուրոյին հնարավորություն է ընձեռել զրկելու ապահովագրական ընկերությանը մեկնելու դեպքի վայր և ուսումնասիրելու պատահարի հանգամանքները:

Մեր կարծիքով, որևէ կերպ չի արդարացվում ապահովագրական ընկերության

իրավունքների սահմանափակումը՝ մեկնելու դեպքի վայր և ուսումնասիրելու դեպքի հանգամանքները: Բացի դրանից, Հայաստանի Հանրապետությունում նոր է ներմուծված ԱՊՊԱ համակարգը և չի կարելի վարորդներին նման լայն հնարավորություններ տրամադրել՝ քանի սրանում վիկտիմոգեն միտում կա, և դրան կհետևեն բազմաթիվ կեղծիքներ:

Նշենք, որ Բյուրոյի կողմից ինքնուրույն կարգավորման գործընթացով ապահովագրական հատուցման առավելագույն չափ է նախատեսել 0 դրամ, ինչը միանգամայն արդարացի է:

ՀՀ ԱՊՊԱ օրենքի 19-րդ հոդվածի 2-րդ մասով կարգավորվում է համաձայնեցված հայտարարագրով գործընթացը այն դեպքերի համար, երբ ապահովագրական ընկերությունը տվել է իր համաձայնությունը;

2) ընկերության (ընկերությունների) համաձայնությամբ կարող են փոխադարձ համաձայնության դեպքում լրացնել համաձայնեցված հայտարարագիրը և այն ներկայացնել համապատասխան ապահովագրական ընկերությանը (ընկերություններին), եթե պատճառված վնասի դիմաց ակնկալվող հատուցման չափը չի գերազանցում Բյուրոյի կանոններով սահմանված՝ համաձայնեցված հայտարարագրի միջոցով հատուցվող վնասի առավելագույն չափը...»:

ԱՊՊԱ պայմաններով Բյուրոն՝ ապահովագրական ընկերության և վարորդների միջև համաձայնեցված հայտարարագրի միջոցով հատուցվող վնասի առավելագույն չափ է սահմանել 200,000 ՀՀ դրամ (ԱՊՊԱ պայմանների 7,5 կետ):

ՀՀ ԱՊՊԱ օրենքի համաձայն՝ համաձայնեցված հայտարարագիր կնքելու համար ապահովագրական ընկերության (ընկերությունների) կողմից համաձայնություն չտալու դեպքում համաձայնեցված հայտարարագիր չի լրացվում, և ապահովագրական պատահարի հետ կապված հարցերը կարգավորվում են վնասի չափը որոշելու ընդհանուր կանոններով:

Այսպիսով՝ օրենքը ապահովագրական պատահարի հետ կապված հարցերի կարգավորման գործընթացը բաժանվում է երկու տեսակի՝ համաձայնեցված հայտարարագրով և ընդհանուր կանոներով: Այս երկու տեսակի գործընթացները ավելի մանրամասն կարգավորվում են Բյուրոյի ընդունած ԱՊՊԱ պայմաններով և կանոններով, որտեղ ընդհանուր կանոններով հատուցման գործընթացը անվանված է «ստանդարտ» գործընթաց:

Ստանդարտ հատուցման գործընթացը տեղի է ունենում բոլոր այն դեպքերում, երբ կան խոչընդոտներ համաձայնեցված հայտարարագրով գործընթացի համար:

Օրինակ՝ վարորդները չեն եկել համաձայնության և /կամ/ ապահովագրական ընկերությունը չի տվել իր համաձայնությունը և /կամ/ օրենքը բացառում է համաձայնեցված հայտարարագրի գործընթացը, քանի որ կան անձնական բնույթի վնասներ կամ պատահարին մասնակցում են երկուսից ավելի մեքենա և այլն:

Բյուրոյի կանոններով ստանդարտ հատուցման գործընթացով պատահարի հանգամանքները, պատճառները ուսումնասիրելու համար փորձագետներին ավելի խիստ պահանջներ են նախատեսված, քան համաձայնեցված հայտարարագրի գործընթացով փորձագետի որակավորման համար: Օրինակ՝ եթե ստանդարտ հատուցման գործընթացի փորձագետ որակավորվելու համար անհրաժեշտ է 3 տարի աշխատանքային փորձ ճանապարհատրանսպորտային պատահարի հանգամանքների փորձաքննության ոլորտում, ապա համաձայնեցված հայտարարագրով հատուցման գործընթացի փորձագետ որակվելու համար անհրաժեշտ է նույն ոլորտում մեկ տարվա աշխատանքային փորձ:

ԱՊՊԱ օրենքի պրոբլեմներից մեկը այն է, որ այս ոլորտի վրա չի տարածվում փորձագետի անկախության սկզբունքը: Ընդ որում դա վերաբերվում է թե՛ պատահարի պատճառները պարզող փորձագետին, թե՛ վնասի չափը գնահատող փորձագետներին: Ավելին, Բյուրոյի կանոններին համաձայն, յուրաքանչյուր ԱՊՊԱ ոլորտում գործունեություն ծավալող ապահովագրական ընկերություն պարտավոր է աշխատանքային պայմանագրում ընդգրկավ լինի առնվազն երկու ստանդարտ և երկու համաձայնեցված հայտարարագրով գործընթացներով որոկավորված փորձագետների (RL 1-014 կանոն 5 կետ), ինչպես նաև վնասի չափը գնահատող որակավորված փորձագետի հետ (RL 1-013 կանոն 6 կետ):

Այսպես, օրենսդիրը այս բնագավառի համար սահմանափակել է ՀՀ քաղաքացիական օրենսգրքի 48-րդ գլխի 1000[1] հոդվածի տարածումը, համաձայն որի՝ ապահովագրական պատահարի վրա հասնելու դեպքում ապահովագրական ընկերությունը իրավունք ունի դիմելու անկախ փորձագետի՝ ապահովագրական դեպքի պատճառները բացահայտելու և վնասի չափը ճշտելու համար:

ՀՀ քաղաքացիական օրենսգրքի 1025-րդ, 1000[1]-րդ հոդվածների կիրառման սահմանափակումը ԱՊՊԱ ոլորտի վրա սկզբունքային թերություն է: Փորձագետի անկախությունը կարևոր նախապայման է նրա տված եզրակացությունների օբյեկտիվության համար: Ապահովագրական ընկերությունները շահագրգռված են յուրաքանչյուր ճանապարհատրանսպորտային պատահարի դեպքում խուսափելու վնասը հատուցելու պարտականությունից կամ նվազեցնելու հատուցման չափը: Բնականաբար ապահովագրական ընկերության աշխատակից հանդիսացող փորձագետը պետք է կատարի իր գործատուի առաջադրանքը, և այսպիսի պայմաններում օբյեկտիվ եզրակացություն ակնկալելը խիստ կասկածելի է:

Ռուսաստանի Դաշնության ԱՊՊԱ օրենքը փորձագետի անկախությունը համարում է կարևոր սկզբունք, որը բխում է ՌԴ քաղաքացիական օրենսգրքից: Պետք է ընդունել, որ ՌԴ-ում պրակտիկայում ապահովագրական ընկերությունների կողմից մասսայական խախտվում է փորձագետի անկախության սկզբունքը: Դա պայմանավորված է նրանով, որ փորձաքննությունը պատվիրվում է ապահովագրական ընկերությունների կողմից: Փորձաքննություն իրականացնող «անկախ» կազմակերպություններն էլ աշխատում են իրենց տված եզրակացություններով հաճոյանալ ապահովագրական ընկերություններին, որպեսզի վերջիններս շարունակեն պատվերներ տալ իրենց ընկերություններին: Բացի դրանից պատահում են դեպքեր, երբ ապահովագրական ընկերության և «անկախ» փորձագիտական ընկերության հիմնադիրները փաստացի համընկնում են:

Փաստորեն Ռուսաստանի Դաշնությունում փորձագետի անկախության սկզբունքը դարձել է ձևական բնույթ կրող, ինչի հետևանքով առաջացել է մի իրավիճակ, երբ փորձագետների հաշվարկած վնասները ԱՊՊԱ բնագավառում իրական վնասներից զգալիորեն ցածր են և չեն բավարարում տուժողի տրանսպորտային միջոցի վերանորոգման համար:

Մեր կարծիքով, ՌԴ-ն օրենսդրությունում անհրաժեշտ է բարձրացնել ԱՊՊԱ ոլորտում անկախ փորձաքննության իրականացման նկատմամբ պետական վերահսկողությունը, խիստ տույժեր նախատեսել փորձագետների նկատմամբ ոչ օբյեկտիվ եզրակացություն տալու համար, օրինակ, զրկել լիցենզիայից, որոշ դեպքերում նաև մեղավոր անձանց ենթարկել քրեական պատասխանատվության:

Առաջարկություն է արվում նաև ՌԴ ԱՊՊԱ օրենսդրությունում փոփոխություններ կատարել և փորձաքննություն իրականացնող ընկերության ընտրության

իրավունքը ապահովագրողից փոխանցել ՃՏՊ-ից տուժած անձին: Այդ դեպքում փորձաքննություն իրականացնող ընկերությունը կախված չի լինի ապահովագրական ընկերության պատվերներից և կապահովվի նրա անաչառությունը: Միաժամանակ նպատակահարմար է բարձրացնել այս ոլորտում գործունեություն իրականացնելու համար լիցենզավորման կարգը, որպեսզի բացառվի փորձագիտական կենտրոնների և ապահովագրական կեղծիքներով զբաղվող մասնագիտացված խարդախ վարորդների միջև փոխպայմանավորված գործունեությունը:

Նշենք, որ ՀՀ ԱՊՊԱ օրենքը փորձագետի անկախության սկզբունքի պահանջ է ներկայացնում կրկնակի փորձաքննություն իրականացնելու դեպքում: Կրկնակի փորձաքննությունը նշանակվում է այն դեպքերում, երբ ապահովադիրը, ապահովագրված անձը, տուժողը կամ ապահովագրական ընկերությունը համաձայն չէ սկզբնական փորձաքննության կամ լրացուցիչ փորձաքննության արդյունքների հետ (ՀՀ ԱՊՊԱ օրենքի 22-րդ հոդվածի 3-րդ և 4-րդ մասեր):

Կրկնակի փորձաքննություն նշանակելու որոշումը ընդունվում է Բյուրոյի կողմից և փորձագետը չպետք է փոխադարձ կապ ունենա ապահովադրի, ապահովագրված անձի, տուժողի և ապահովագրական ընկերության հետ: Օրենքում նշվում է, որ կրկնակի փորձաքննությունն անցկացվում է այն անցկացնելու պահանջ ներկայացրած անձի միջոցների հաշվին: Այսպես, ստացվում է, որ ապահովագրողի հաշվին կատարվող սկզբնական և լրացուցիչ փորձաքննությունները անցկացվում են ապահովագրության աշխատակից փորձագետների կողմից, իսկ դրանից դժգոհ մնացած տուժողի միջոցներով կատարվում է կրկնակի փորձաքննություն տուժողից անկախ փորձագետի միջոցով: Ընդ որում, ԱՊՊԱ օրենքը չի նախատեսում կրկնակի փորձաքննության համար ծախսված միջոցների ապահովագրական ընկերությունից հետ ստանալու մեխանիզմներ, այն դեպքուրում, երբ կրկնակի փորձաքննության եզրակացությունում կապացուցվի դիմողի իրավացիությունը, ինչը, մեր կարծիքով, օրենսդրական բացթողում է:

Մեր կարծիքով, կրկնակի փորձաքննության անկախության նախատեսումը ինքնին դրական երևույթ է մեր օրենսդրությունում, սակայն դրանով չի արդարացվում հիմնական և լրացուցիչ փորձաքննությունների նկատմամբ անկախության սկզբունքի սահմանափակումը: Անհրաժեշտ է փորձաքննության անկախության սկզբունքը նաև ամրագրել որպես առաջնային սկզբունք բոլոր փուլերի փորձաքննության նկատմամբ և համապատասխան փոփոխություններ կատարել ՀՀ ԱՊՊԱ օրենքի մեջ:

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРАХОВОГО СЛУЧАЯ И ПОРЯДКА ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ЕГО ПРИЧИНАМ В СФЕРЕ ОСАГО В АРМЕНИИ И В РОССИИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Резюме

В статье проведен подробный правовой анализ законодательства РА и РФ в области регулирования обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, в частности раскрыта правовая природа и сущность страхового случая по ОСАГО. Проанализирован порядок проведения экспертизы по выявлению обстоятельств ДТП и виктимогенность законодательства в допущении возможности страховых мошенничеств. На основании анализа выявлены ряд существенных проблем в законодательствах обеих государств и предложены пути по их решению и дальнейшему совершенствованию законодательства.

THE PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE INSURANCE CASE AND ORDER THE EXAMINATION OF ITS CAUSES IN THE AREA OF CTP IN ARMENIA AND IN RUSSIA (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS)

Summary

The article provides a detailed legal analysis of the legislation of the RA and RF in the field of compulsory insurance of civil liability of vehicle owners, in particulardisclosed legal nature and essence of an insurance case for CTP. Analyzed by the procedure of examination to identify the circumstances of accidents andvictimogenic law in allowing the possibility of insurance fraud. Based on the analysis revealed a number of significant problems in the legislation of bothcountries and propose ways to address them and to further improve the legislation.

ПЕРЕВОДНОЙ ТЕКСТ КАК ВИД ВТОРИЧНОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА О. ГЕНРИ "LITTLE SPECK IN GARNERED FRUIT" И ЕГО ПЕРЕВОДА)

И.С. Карташевич

В статье доказывается, что переводной текст представляет собой вторичное образование и обладает как общими признаками вторичного текста, так и специфическими приметами. Путем сопоставления перевода с оригиналом описывается механизм межтекстовой деривации, предполагающий сопоставление пропозитивной организации текстов и способствующий выявлению в переводе всех признаков вторичного текста.

Ключевые слова: перевод, межтекстовая деривация, вторичность текста.

Современная лингвистика – это наука, допускающая возможность междисциплинарных связей, в частности, взаимодействие с теорией перевода. Именно подобный макролингвистический подход позволяет рассматривать перевод в русле идей деривационной текстологии, изучающей текст во взаимодействии с другими текстами. В рамках данного подхода актуализируется проблема первичности/ вторичности, исходности/ производности (Т.Н. Василенко, Н.Д. Голев, Г.В. Кукуева, Л.Н. Мурзин, И.Г. Разина, Н.В. Сайкова, А.А. Чувакин). В данной статье переводной текст изучается как результат деривационно-мотивационных отношений, где в качестве производящего (первичного) выступает оригинальный, а в качестве производного (вторичного) – переводной текст.

К основным видам вторичных текстов ученые относят пародии, травестию, бурлеск, имитации, переложения (например, устные пересказы или школьные изложения), конспекты, рефераты, некоторые виды протоколов, сочинения-подражания (стилизации), приблизительные цитации, косвенную речь, интертекстуальные заимствования, киносценарии, ремейки на основе художественных текстов, варианты рукописей, тексты, являющиеся частичными плагиатами и др. Вопрос о том, правомерно ли считать переводной текст видом вторичного, остается в науке спорным.

Цель статьи – доказать, что переводной текст представляет собой вторичное образование с присущими ему приметами производности и при этом обладает набором специфических признаков.

В данной статье, вслед за Н.Д. Голевым, Н.В. Сайковой, под вторичным текстом мы понимаем результат преобразования по определенным механизмам исходного текста, сохраняющего свою мотивирующую роль в деривационной структуре производного. Следовательно, вторичный текст представляет собой «продолжение, развитие, функцию исходного текста» [Голев, Сайкова – Режим доступа: http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html]. В работах исследователей сущность вторичного текста, как правило, раскрывается через набор следующих признаков:

– производный характер, то есть образование в результате переработки первичного текста, аналитико-синтетической деятельности на основе процесса восприятия первичного текста и воспроизведения полученной информации;

– различная степень смысловой и структурной эквивалентности по отношению к первичному тексту за счет привнесения во вторичный текст субъективных (авторских) элементов;

– самостоятельность, то есть обладание основными текстовыми категориями (цельностью, связностью, информативностью) при смысловой, структурной и стилистической обусловленности первичным;

– опосредованное соотношение с действительностью.

Производный характер переводного текста как вида вторичного обусловливает различную степень эквивалентности производного текста производящему. По этой причине наличие у переводного текста двух первых признаков вторичного будет доказано в единстве.

Как правило, интерес исследователей направлен в область изучения механизма образования вторичного текста, оптимальным способом познания которого является рассмотрение понятий «первичный текст» и «вторичный текст» в аспекте межтекстовой деривации.

Под межтекстовыми деривационными отношениями понимается процесс, предполагающий создание производного текста на основе исходного. По мысли Л.Н. Мурзина, «некоторая единица с помощью специальных средств или особых операций модифицируется таким образом, что образуется новая единица» [Мурзин 1974:44]. Подобные преобразования видятся в том, что из более простой в структурно-семантическом и функциональном отношении исходной единицы (первичный текст) путем прибавления специальных средств (формальных показателей деривации) получается более сложная производная единица (вторичный текст). Под формальными показателями деривации мыслятся элементы, посредством прибавления которых к исходному тексту образуется производный текст. В более широком смысле формальные показатели деривации – это все элементы, отличающие первичный текст от вторичного. Такое понимание механизма деривации представляется универсальным, так как подобным путем могут образовываться единицы любого уровня, в том числе и текст. Проецируя идеи Л.Н. Мурзина в область проблем текстообразования, ряд исследователей характеризует межтекстовой деривационный процесс как «...процесс, направленный на функ-

ционально-семантическое преобразование исходной единицы и сознательно ориентируемый либо на создание нового знака, либо на выражение исходным знаком новой функции...» [Бровкина, Волкова, Никонова, Чувакин 2000:8].

Считаем, что о межтекстовых деривационных отношениях можно говорить в том случае, если реализуются следующие условия: «...во-первых, имеет место факт взаимодействия текстов, во-вторых, взаимодействующие тексты находятся в отношениях частичного тождества, в-третьих, один из сопоставляемых текстов оказывается сложнее в функционально-семантическом отношении» [Кукуева 2008:169]. Немаловажную роль при сопоставлении данных текстов играет «сохранение общего структурного и смыслового ядра текстов» [Кукуева 2008:169] при наличии переменных элементов.

Поскольку данная статья посвящена проблемам изучения переводного текста, то при доказательстве его производной природы, актуальными являются некоторые понятия переводоведения. В первую очередь, обратимся к понятию «перевод». Под переводом большинство ученых понимает вызванный общественной необходимостью психологический акт, представляющий собой процесс и результат деятельности переводчика, заключающийся в передаче, воспроизведении на всех уровнях (смысловом, стилистическом, функционально-экспрессивном, оценочном, жанровом, эстетическом) эквивалентного содержания оригинала средствами другого языка. В этой связи понятие эквивалентности является для нас чрезвычайно важным, поскольку, как указывает В.Д. Калинина, «идеальным результатом получения перевода читателем должен быть такой же объем сведений и сходное эмоциональное воздействие, что и у получателя оригинала» [Калинина 2008:6]. Под эквивалентностью в теории перевода следует понимать «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» [Виноградов 2001:9]. Ключевым в этом определении является слово «относительное», так как «можно заранее утверждать, что любой перевод никогда не будет абсолютно идентичен каноническому тексту оригинала. Эквивалентность перевода подлиннику всегда понятие относительное. И уровень относительности может быть весьма различным» [Виноградов 2001:9]. Понятие эквивалентности применяется только по отношению к двум текстам, существующим на разных языках и вступающим во взаимодействие. Из определения следует, что эквивалентность предполагает сходство между текстами, определенную степень их тождества. Иными словами, эквивалентность переводного текста оригиналу является доказательством его производности, так как частичное тождество было названо среди основных условий межтекстовой деривации.

Возможность рассмотрения оригинального и переводного текстов в аспекте межтекстовых деривационных отношений предопределяется рядом факторов. Во-первых, мы имеем право говорить о взаимодействии этих текстов, поскольку «перевод рассматривается как иноязычная форма существования сообщения, содержащегося в оригинале» [Комиссаров 1990:43]. Исследователи называют процесс перевода «перевыражением» оригинального текста, процессом его пересоздания. Кроме того, немаловажную роль в процессе взаимодействия ориги-

нального и переводного текстов играет фигура переводчика, которого исследователи теории перевода называют посредником, то есть связующим звеном между текстами. Во-вторых, эквивалентность как основное условие успешности выполнения перевода предполагает стремление к максимальному тождеству оригинального и переводного текстов, что позволяет говорить о сохранении в переводе структурно-семантического и функционального ядра. В-третьих, невозможность достижения абсолютной эквивалентности текстов приводит к усложнению структуры переводного текста. Это происходит потому, что перевод – психологический акт, осуществляемый человеком, который обладает индивидуальным набором психологических характеристик и своими особенностями психических процессов. В силу влияния лингвистических и экстралингвистических факторов переводчик привносит в текст субъективные элементы, ведущие к трансформациям исходного текста в процессе образования производного. В таком случае оригинальный и переводной текст имеют общим только структурно-семантическое и функциональное ядро. Трансформации оригинального текста в процессе перевода могут быть различными, однако все они указывают на то, что в созданный переводчиком текст привносятся субъективные элементы, которые выступают в роли формальных показателей деривации и ведут к усложнению структуры переводного текста. Появление во вторичном тексте трансформаций свидетельствует о работе деривационных процессов свертывания, развертывания или усложнения.

Наличие у переводного текста третьего признака – самостоятельности – вытекает из предыдущих. Если переводной текст – это вариант оригинала, образованный полностью на его основе и имеющий с оригиналом общее структурно-семантическое и функциональное ядро, только существующий на другом языке, а оригинал обладает всеми признаками самостоятельного текста (связностью, цельностью, информативностью), то и перевод будет обладать этими признаками самостоятельного текста.

Признак опосредованного соотношения с действительностью может быть рассмотрен только при обращении к паре взаимообусловленных явлений «исходный текст – производный текст». Как отмечает Л.Н. Мурзин, первичные тексты «описывают непосредственно наблюдаемые явления действительности как таковой», вторичные – «абстрактные явления, зафиксированные в том или ином тексте» [Мурзин 1988:123]. Вторичный текст, представляя собой результат деривационно-мотивационных отношений, соотносится с действительностью путем обращения к исходному тексту, поскольку в нем реализуется деривационный потенциал первичного. Первичный текст воспроизводит действительность непосредственно, отражая авторский замысел без необходимости обращения к какому-либо другому тексту.

Для подтверждения теоретических положений обратимся к рассмотрению конкретного текстового материала. Сопоставим оригинальный текст О. Генри «Little Speck in Garnered Fruit» из сборника «Голос большого города» и два варианта его переводов, выполненных Е. Калашниковой («Персики») и И. Карташевич («Червоточина»), и докажем, что переводной текст обладает всеми признаками вторичного.

Решение поставленной задачи предполагает следующие процедуры: 1) выявление в переводном тексте общих для оригинала и его переводов объектив-

ных элементов, выступающих в качестве структурно-смыслового ядра; 2) выявление субъективных (авторских) элементов перевода, выполняющих функцию формальных показателей деривации и преобразующих структуру оригинального текста. В ходе сопоставительного анализа предусматриваются следующие методические шаги.

1. Операция сегментирования целостных текстов, то есть членение их на простейшие отрезки, в которых воплощается некое положение дел в действительности. В данных отрезках представляется возможным вычленить пропозицию и проанализировать элементы ее структуры.

2. Сопоставление пропозитивного наполнения сегментов для выявления объективных и субъективных элементов перевода. Сопоставление осуществляется в соответствии с алгоритмом диктумного анализа, предложенным Т.В. Шмелевой. В его основе лежит определение вида пропозиции и способа ее выражения, а также вычленение структурных элементов пропозиции.

Для анализа был выбран фрагмент первичного текста рассказа О. Генри, содержащий те сегменты, пропозитивная организация которых отличается от пропозитивной организации вторичных текстов.

Результаты анализа и сопоставления пропозитивной организации выбранных фрагментов первичного и вариантов вторичного текста.

Сегменты оригинального текста рассказа О. Генри:

It's a peach proposition right from the ring of the gong.

Сегменты перевода Е. Калашниковой:

По условиям матча требуются персики, | и | замена не допускается.

Сегменты перевода И. Карташевич:

...она хочет персик,| а | ее слово – закон.

Одна ситуация действительности представлена в трех текстах совершенно по-разному.

В оригинале сочетание *«It's a peach proposition...»* не имеет эквивалента в русском языке. Буквально перевод всего сегмента звучит примерно так: «*Это персиковое заявление прямо от звона гонга».* В данном сегменте вычленяем логическую таксономическую пропозицию на границе с событийной пропозицией действия. Пропозиция выражена глаголом «*to be»* в форме единственного числа настоящего времени «*is».* Обратим внимание на то, что ситуация выражена во фрагменте оригинала с помощью одного сегмента.

В переводах та же ситуация воплощается в трех сегментах.

В переводе Е. Калашниковой в первом сегменте возможно вычленить событийную пропозицию состояния на границе с событийной пропозицией действия, выраженную глаголом *«требуются».* Актант (субъект) – *«персики».* У И. Карташевич в первом сегменте определяем событийную пропозицию состояния, выраженную глаголом *«хочет».* Актант (субъект) – *«она»,* актант (объект) – *«персик».*

Во втором сегменте перевода Е. Калашниковой вычленяем логическую релятивную пропозицию соединения, выраженную союзом «и». У И. Карташевич во втором сегменте находим логическую релятивную пропозицию сопоставления и противительности, выраженную союзом *«а».*

В третьих сегментах переводов виды пропозиции также различаются. У Е. Ка-

лашниковой вычленяем событийную пропозицию действия на границе с событийной пропозицией состояния. Пропозиция выражена глаголом *«не допускается»*. Актант (субъект) – *«замена»*. В сегменте перевода И. Карташевич – логическая таксономическая пропозиция на границе с логической пропозицией отождествления и идентификации. Пропозиция выражена существительными *«слово», «закон»*.

Итак, различия в оригинальном тексте и вариантах его переводов существуют в членении ситуации на различное число положений дел, в актантной и организации, в выборе языковых средств.

При сопоставлении фрагмента первичного текста рассказа О. Генри "Little Speck in Garnered Fruit" и двух его переводов было обнаружено, что в них существует набор объективных элементов, сходных с элементами оригинала. Сходство проявляется, прежде всего, в отражении единой ситуации действительности. Это свидетельствует о том, что во вторичном тексте сохранено структурно-смысловое ядро первичного, следовательно, тексты находятся во взаимодействии и сохраняют некоторую степень тождественности по отношению друг к другу, и таким образом реализуются первое и второе условия протекания межтекстового деривационного процесса (взаимодействие текстов и тождество между ними). При отсутствии структурно-смыслового ядра между текстами их невозможно рассматривать в ключе межтекстовой деривации. Отличия в пропозитивной организации текстов, их актантном и сирконстантном наполнении говорят о появлении субъективных (авторских) элементов перевода, выступающих в роли формальных показателей деривации. Отличия ведут к трансформациям и усложняют структуру переводного текста. Этот факт иллюстрирует реализацию третьего условия существования межтекстовых деривационных отношений (вторичный текст сложнее в функционально-семантическом отношении). Появление во вторичном тексте трансформаций и членение фрагментов на различное число сегментов (от одного до трех) свидетельствует о работе деривационных процессов свертывания, развертывания или усложнения.

Таким образом, на основе анализа рассматриваемого материала нами доказано, что переводной текст представляет собой вторичное образование, поскольку в нем реализуются все из приведенных выше базовых признаков вторичного текста. Во-первых, доказано, что переводной текст носит производный характер, является результатом преобразования первичного текста, аналитико-синтетической деятельности автора, о чем свидетельствует проявление деривационных механизмов (свертывания, развертывания, усложнения). Во-вторых, существование формальных показателей деривации подтверждает мысль о различной степени смысловой и структурной эквивалентности вторичного текста по отношению к первичному. В-третьих, в результате деривационной деятельности переводчиками были получены два самостоятельных текста, обладающих основными текстовыми категориями (цельностью, связностью, информативностью).

Наряду с общими приметами вторичного текста, в переводе имеют место специфические признаки, отличающие его от других видов вторичного текста.

Переводной текст отличается по цели своего создания. Цель носит социальный характер, то есть перевод создается в условиях общественной необходимости, в силу недоступности первичного текста в оригинальном варианте.

Переводной текст часто в большей степени, чем другие виды вторичного

текста стремится к сближению с оригиналом. Исключение составляют художественные тексты, авторы которых часто позиционируют себя как авторы самостоятельных произведений. Говорить же об абсолютной самостоятельности таких текстов нельзя, поскольку они в любом случае создаются на основе оригинала и, как минимум, несут в себе элементы замысла оригинального текста.

Рассмотрение переводного текста как вида вторичного и раскрытие его статуса в ключе межтекстовых деривационных отношений позволяет не просто воспринимать процесс перевода как психологический акт, недоступный для непосредственного наблюдения, но детально проследить процесс образования переводного текста от оригинального, а также оценить степень эквивалентности переводного текста по отношению к исходному. Рассмотрение переводного текста в подобном аспекте представляется ценным не только для переводоведения, но и для лингвистики в целом, поскольку методика сопоставления переводного и оригинального текстов является универсальной и может служить для сопоставления любого вида вторичного текста с первичным, от которого он образован.

1. *Бровкина Ю.Ю.* К проблеме деривационной текстологии / Ю.Ю. Бровкина, Н.А. Волкова, Т.Н. Никонова, А.А. Чувакин // Человек – Коммуникация – Текст: сб. ст. / отв. ред. А.А. Чувакин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. Вып. 4. СС. 5–29.
2. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
3. *Голев Н.Д., Сайкова Н.В.* К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов [Электронный ресурс] / Н.Д. Голев. Режим доступа: http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89. html.
4. *Калинина В.Д.* Теория и практика перевода. Курс лекций: Уч. пособие / В.Д. Калинина. М.: Изд-во РУДН, 2008. 179 с.
5. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): Уч. для ин-тов и фак. иностр. яз./ В.Н. Комиссаров. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
6. *Кукуева Г.В.* Рассказы В.М. Шукшина: лингвотипологическое исследование: монография / Г.В. Кукуева. Барнаул: БГПУ, 2008. 284 с.
7. *Мурзин Л.Н.* Основы дериватологии. Пермь, 1974. 170 с.
8. *Мурзин Л.Н.*, Литвинова М.Н. Художественный текст: к проблеме специфики // Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте. Пермь, 1988.
9. *Генри О.* Сочинения в 3-х т. М.: Правда, 1975.
10. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности / Т.В. Шмелева // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. СС. 78–95.
11. *Henry O.* Little Speck in Garnered Fruit [Электронный ресурс] / O. Henry. Режим доступа: http:// www. literaturecollection. com/ a/ o_henry/236/.

Summary

It is proved in the article that the translated text is the secondary formation, which possesses either all general characteristics of the secondary text or specific signs. By means of confrontation of the translated and the original texts the mechanism of intertext derivation, which presupposes the texts' propositional organization comparison, is described. It also helps to find out in the translated text all the features of the secondary one.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

РОЛЬ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Г.А. Варданян

В статье исследуется характер связей между военным и гражданским производством и объясняется тормозящее воздействие милитаризации экономики на весь процесс расширенного общественного воспроизводства.

В настоящее время происходит усиление связи военного производства со всеми основными отраслями национальных экономик развитых стран. Практически трудно назвать какую-либо значительную отрасль промышленности, входящую в первое подразделение общественного производства, которая, так или иначе, не была бы связана с производством продукции для военных целей. Такое переплетение военного сектора экономики с гражданским создает необходимость рассмотрения их в единой системе общественного воспроизводства с целью выявления характерных взаимосвязей между гражданским и военным производством. Поэтому военный сектор экономики рассматривается как подсистема в системе общественного производства и выводится модель расширенного воспроизводвтва с учетом крупного военного сектора.

Ключевые слова: милитаризация экононики; «военная перегрузка» материальных ресурсов экономики; динамическая модель расширенного воспроизводства с учетом крупного военного сектора экономики; военная и гражданская секторыэкономики; прирост накопления основного капитала.

Отрицательные последствия милитаризации экономики развитых стран, и, в первую очередь, США, особенно четко обозначились в начале 2000-х годов, проявлявшись в беспрецедентном росте инфляции, значительном замедлении промышленного производства, усиления валютно-финансового кризиса и т.п. Одной из основных причин этих серьезных экономических потрясений является заметное сужение материальной базы расширенного воспроизводства, вызванного отвлечением огромных людских и сырьевых ресурсов на непроизводительное военное производство. В США, например, военные расходы в 2000г. составили 294,4 млрд. долл., а в 2011г. они достигли 768,2 млрд. долл. [2].

Различным аспектам воздействия милитаризации экономики на современ-

ную экономическую систему развитых стран были посвящены многие исследования как советских, так и зарубежных ученых (см., например 2–12, 16,17). Здесь мы остановимся на особенностях современного общественного воспроизводства в условиях развитого военного сектора экономики. Влияние военной экономики на структуру и ход общественного воспроизводства является одним из главных проявлений воздействия производственных отношений на общее производство в эпоху глобального экономического кризиса начала XXI века. Современный этап развития вооружения и военной техники характеризуется усилением связи производства вооружений со всеми основными отряслями производства. В США почти полностью военными являются такие отрасли промышленности, как атомная (около 95%), в судостроении и радиоэлекронике производство военной продукции достигает, соответственно, 60 и 50%, в приборостроении – 52%, в производстве средств связи – 69% [7]. Практически трудно назвать какую-либо значительную отрасль промышленности, входящую в **I** подразделение общественного производства, которая так или иначе не была бы связана с производством продукции для военных целей. Такое переплетение военного сектора экономики с гражданским создает необходимость рассмотрения их в единой системе общественного воспроизводства. Иначе не будут выявлены характерные взаимосвязи между гражданским и военным производством.

В вопросе о месте военного производства в системе общественного воспроизводства в политэкономической науке имеются две точки зрения. Некоторые ученые считают необходимым выделить военное производство (или во всяком случае конечную военную продукцию) в **III** (или вообще особое) подразделение общественного производства. По их мнению, такое выделение необходимо ввиду особенностей военного производства: невозможностью отнести военную продукцию ни к средствам производства, ни к средствам личного потребления, особым местом военных товаров в системе общественного воспроизводства («выпадание» из этой системы), совокупностью специфических черт производства и потребления военной продукции.

Несмотря на все указанные выше особенности военного производства, мы считаем нецелесообразным выделение военного производства в особое подразделение общественного производства по следующим соображениям. Во-первых, выделение военного производства в особое подразделение общественного производства нарушило бы, на наш взгляд, классическую политэкономическую трактовку вопроса о разделении общественного производства на производство средств производства и производство предметов потребления. При выделении же производства предметов конечного военного потребления в особое подразделение искусственно разрываются, ставятся в системе общественного воспроизводства в различные положения две части военного производства – средства производства для производства средств военного потребления и производство предметов конечного военного потребления. Во-вторых, военная продукция не выпадает из реального общественного воспроизводства. Она участвует в производственных отношениях, она дополняет непосредственно экономические взаимосвязи, отраженные в абстрактных схемах воспроизводства материальным элементом обеспечения непрерывности производственных отношений [13]. В-третьих, нес-

мотря на специфические черты, военное производство и потребление являются составными частями общественного воспроизводства и их выделение от **I** и **II** подразделений, на наш взгляд, отрицательно повлияло бы на анализ всей экономической системы в целом.

Мы считаем, что для конкретизации абстракных схем общественного воспроизводства в рамках **I** и **II** подразделений нужно выделить подсистемы для военного производства – производство средств для изготовления готовой военной продукции (военная подсистема **I** подразделения) и производство конечной военной продукции (военная подсистема **II** подразделения). Такой подход даст возможность рассмотрения общественного воспроизводства как единой экономической системы и выявления взаимосвязей между военным и гражданским секторами экономики [15].

При рассмотрении схем общественного воспроизводства классики научной политэкономии не выделяли военное производство ни в особое подразделение общественного воспроизводства, ни в специфические подсистемы в обоих подразделениях. Они рассматривали капиталистическое производство в его чистом виде, абстрагируясь при анализе от непосредственной сферы буржуазного общества и производства продукции для этой сферы. Однако в современных развитых государствах милитаризация экономики занимает весьма значительное место. Военный сектор экономики стал существенно влиять на весь ход общественного воспроизводства. В таких условиях возникает необходимость рассмотрения военного производства как подсистемы в системе общественного воспроизводства. Это даст возможность для некоторой конкретизации схем общественного воспроизводства.

Для выяснения роли военного производства в экономике развитых стран рассмотрим пример реализации совокупного продукта при расширенном общественном воспроизводстве.

Напишем общую схему расширенного воспроизводства с учетом военного сектора (см. 6, 14):

$$\mathbf{A_1c_1(t) + B_1v_1(t) + D_1m_1(t) + A_1^1c_1^1(t) + B_1^1v_1^1(t) + D_1^1m_1^1(t) = E_1P_1(t)}$$

$$\mathbf{A_2c_2(t) + B_2v_2(t) + D_2m_2(t) + A_2^1c_2^1(t) + B_2^1v_2^1(t) + D_2^1m_2^1(t) = E_2P_2(t),}$$

где $\mathbf{c_1(t), c_2(t)}$ – расход средств производства в первом и втором подразделениях; $\mathbf{c_1^1(t)}$, $\mathbf{c_2^1(t)}$ – расход спедств производства в военной подсистеме в рамках первого и второго подразделений; $\mathbf{v_1(t), v_2(t)}$ **и** $\mathbf{v_1^1(t), v_2^1(t)}$ – части вновь созданной стоимости, соответственно, в гражданском и военном секторах в обоих подразделениях; $\mathbf{m_1(t), m_2(t)}$ и$\mathbf{m_1^1(t), m_2^1(t)}$ – прибавочная стоимость, соответственно, в гражданском и военном секторах; $\mathbf{P_1(t)}$ – годовой выпуск продукции в первом подразделении; $\mathbf{P_2(t)}$ – годовой выпуск продукции во втором подразделении; $\mathbf{A_1; B_1; D_1; A_2; B_2; D_2; A_1^1; B_1^1; D_1^1; A_2^1; B_2^1; D_2^1; E_1; E_2}$ – коэффициенты.

Мы знаем, что суммарное использование средств производства в обоих подразделениях равно их годовому выпуску. Запишем это уравнение:

$$\mathbf{c_1(t) + c_1^1(t) + c_2(t) + c_2^1(t) + K(t) = P_1(t),} \qquad \mathbf{(1)}$$

где **K(t)** – величина накопления средств производства.

Для выпуска единицы продукции в гражданском секторе первого подразделения нужно затратить $\mathbf{A_1 / E_1}$, а в военном секторе – $\mathbf{A_1^1 / E_1}$ единицы средств производства. То же самое можно написать для второго подразделения: $\mathbf{A_2 / E_2}$ – единицы в гражданском и $\mathbf{A_2^1 / E_2}$ – единицы в военном секторе.

Для создания $\mathbf{P_1(t)}$ единиц продукции в первом подразделении расходуется $\mathbf{c_1(t) = (A_1 / E_1)\ P_1(t)}$и$\mathbf{c_1^1(t) = (A_1^1 / E_1)\ P_1(t)}$ средств производства. Во втором подразделении для выпуска $\mathbf{P_2(t)}$ единиц продукции расход средств производства составит $\mathbf{c_2(t) = (A_2 / E_2)\ P_2(t)}$ и$\mathbf{c_2^1(t) = (A_2^1 / E_2)\ P_2(t)}$. Подставляя значения $\mathbf{c_1(t); c_1^1(t); c_2(t); c_2^1(t)}$в (1) уравнение, получим:

$$\mathbf{(A_1/ E_1)\ P_1(t)+(A_1^1 / E_1)\ P_1(t)+(A_2 / E_2)\ P_2(t)+(A_2^1 / E_2)\ P_2(t)+K(t) = P_1(t)} \qquad (2)$$

Решим уравнение относительно $P_1(t)$. Получается следующее соотношение:

$$\mathbf{P_1(t) = [\ E_1 (A_2 + A_2^1) / E_2 (E_1 - A_1 - A_1^1)]\ P_2(t) + [E_1 / (E_1 - A_1 - A_1^1)]\ K(t)} \qquad (3)$$

Это равенство показывает, что выпуск средств производства однозначно определяется объемом выпуска предметов потребления в гражданском и военном секторах $\mathbf{P_2(t)}$ и величиной накопления средств производства **K(t)**.

Годовой прирост средств производства в обоих подразделениях определяется величиной накопления основного капитала:

$$\mathbf{\Delta\ c_1(t) + \Delta\ c_1^1(t) + \Delta\ c_2(t) + \Delta\ c_2^1(t) = K(t),} \qquad (4)$$

где $\mathbf{\Delta\ c_1(t)}$ и $\mathbf{\Delta\ c_2(t)}$ – годовой прирост средств производства в гражданском секторе в рамках обоих подразделений; $\mathbf{\Delta\ c_1^1(t)}$ и $\mathbf{\Delta\ c_2^1(t)}$ – годовой прирост средств производства в военном секторе в рамках обоих подразделений.

Выразим годовой прирост средств производства через годовой прирост выпуска продукции в обоих подразделениях. Тогда уравнение (4) после преобразований примет такой вид:

$$\mathbf{[(\ A_1^1 + A_1) / E_1]\ \Delta\ P_1(t) + [\ (\ A_2^1 + A_2) / E_2\ ]\ \Delta\ P_2(t) = K(t)} \qquad (5)$$

Равенство (3) не нарушится, если заменим $\mathbf{P_1(t)}$на $\mathbf{\Delta\ P_1(t)}$; $\mathbf{P_2(t)}$ на $\mathbf{\Delta\ P_2(t)}$ и **K(t)** на $\mathbf{\Delta\ K(t)}$. Тогда уравнение (3) примет следующий вид:

$$\mathbf{\Delta\ P_1(t) = [E_1 (\ A_2 + A_2^1) / E_2 (\ E_1 - A_1 - A_1^1)]\ \Delta\ P_2(t) +}$$

$$\mathbf{+ [E_1 / (\ E_1 - A_1 - A_1^1)]\ \Delta\ K(t)} \qquad (6)$$

Подставляем значение $\Delta\ P_1(t)$ в уравнение (5) :

$$\mathbf{(A_1 + A_1^1 / E_1)\{ [E_1(A_2 + A_1^1) / E_2(E_1 - A_1 - A_1^1)]\ \Delta\ P_2(t) +}$$

$$\mathbf{+ [E_1 / (E_1 - A_1 - A_1^1)]\ \Delta\ K(t)\ \} + + [(A_2 + A_2^1) / E_2\ ]\ \Delta\ P_2(t) = K(t)}$$

После элементарных преобразований получим:

$$\mathbf{[\ E_1(\ A_2 + A_2^1) / E_2(E_1 - A_1 - A_1^1)\ ]\ \Delta\ P_2(t) +}$$

$$\mathbf{+ [\ (\ A_1 + A_1^1) / (\ E_1 - A_1 - A_1^1)\ \Delta\ K(t) = K(t)} \qquad (7)$$

Полученное уравнение представляет собой динамическую модель расширенного воспроизводства с учетом военного сектора экономики. Она позволяет установить существование связи между средствами производства, с одной стороны, приростом накопления средств производства и продукции во втором подразделении – с другой.

На числовом примере посмотрим как действует полученная модель (7). Предположим, что исходная схема расширенного воспроизводства такова:

$$\mathbf{I\ 4000c_1(t) + 1000v_1(t) + 1000m_1(t) + 2000c_1^1(t) + 500v_1^1(t) + 500m_1^1(t) = 9000P_1(t)}$$

$$\mathbf{II\ 1500c_2(t) + 750v_2(t) + 750m_2(t) + 750c_2^1(t) + 375v_2^1(t) + 375m_2^1(t) = 4500P_2(t)}$$

Для приведенной исходной схемы уравнение (7) после соответствующих подстановок примет следующий вид:

$$\mathbf{1{,}5\Delta P_2(t) + 2\Delta K(t) = K(t)} \qquad \mathbf{(8)}$$

Для определения величины накопления **K(t)** воспользуемся уравнением (1):

$$\mathbf{4000 + 2000 + 1500 + 750 + K(t) = 9000,\ откуда\ K(t) = 750.}$$

Предполагая, что $\Delta K(t)$ **= 150** и подставляя значения **K(t)** и в уравнение (8) получим:

$$\mathbf{1{,}5\Delta P_2(t) = 450,\ откуда\ \Delta P_2(t) = 300}$$

В следующем году величина накопления средств производства увеличится на **150** единиц, а годовой выпуск продукции во втором подразделении – на **300** единиц, т.е. **K(t+1) = 750+150 = 900**, $\mathbf{P_2(t+1) = 4600+300 = 4800}$, где $\mathbf{P_2(t+1)}$ – выпуск продукции во втором подразделении в следующем году. Подставляя эти значения в уравнение (3),а также значения соответствующих коэффициентов, определяем значение выпуска средств производства в следующем году $\mathbf{P_1(t+1)}$:

$$\mathbf{P_1(t+1) = 1{,}5 \cdot 4800 + 3 \cdot 900 = 9900.}$$

Чтобы убедиться в правильности полученного значения выпуска средств производства в **I** и **II** подразделениях (учитывая военную подсистему в системе воспроизводства), определим потребность в средствах производства в следующем году:

$$\mathbf{c_1(t + 1) = (A_1 / E_1)\ P_1(t + 1) = 4400;\ c_1^1(t + 1) = (A_1^1 / E_1)\ P_1(t + 1) == 2200;}$$

$$\mathbf{c_2(t + 1) = (A_2 / E_2)\ P_2(t + 1) = 1600; c_2^1(t + 1) = (A_2^1 / E_2)\ P_2(t + 1) = 800.}$$

Учитывая, что накопление **K(t)** в следующем году будет равняться **900** единиц, получим:

$$\mathbf{A_1c_1(t + 1) + A_1^1c_1^1(t + 1) + A_2c_2(t + 1) + A_2^1c_2^1(t + 1) = 9900.}$$

Таким образом, мы получили, что выпуск средств производства в следующем году равняется потребности в средствах производства в обоих подразделениях.

В следующем году наша исходная схема примет такой вид:

$$\text{I } 400c_1(t+1) + 1100v_1(t+1) + 1100m_1(t+1) + 2200c_1^1(t+1) + 550v_1^1(t+1) + 550m_1^1(t+1) = 9900P_1(t+1)$$

$$\text{II } 1600c_2(t+1) + 800v_2(t+1) + 800m_2(t+1) + 800c_2^1(t+1) + 400v_2^1(t+1) + 400m_2^1(t+1) = 4800P_2(t+1),$$

а уравнение (7) после соответствующих подстановок будет иметь такой вид:

$$1{,}5\Delta P_2(t+1) + 2\Delta K(t+1) = 900.$$

Мы здесь не будем подробно останавливаться на анализе реализации продуктов **I** и **II** подразделений, а ограничимся некоторыми общими замечаниями.

В обобщенном виде условия расширенного воспроизводства с учетом крупного военного производства можно представить следующими соотношениями:

1. $(v_1 + m_1) + (v_1^1 + m_1^1) > c_2 + c_2^1$ или $(v_1 + m_1) + (v_1^1 + m_1^1) = c_2 + c_2^1 + \sum\Delta c$, но $\sum\Delta c = K(t)$ – увеличение постоянного капитала в обоих подразделениях в результате накопления. Поэтому $(B_1 + D_1) + (B_1^1 + D_1^1) = A_2 + A_2^1 + K(t)$.

Приведенное выше неравенство показывает, что гражданский и военный секторы II подразделения могут делать дополнительные капиталожения за счет части прибавочной стоимости, созданной в **I** подразделении.

2. $[c_1(t) + v_1(t) + m_1(t)] + [c_1^1(t) + v_1^1(t) + m_1^1(t)] > c_1 + c_1^1 + c_2 + c_2^1$ или $E_1 = A_1 + A_1^1 + A_2 + A_2^1 + K(t)$.

Это необходимое условие для увеличения постоянного капитала в гражданском и военном секторах в рамках обоих подразделений.

3. $[c_2(t) + v_2(t) + m_2(t)] < [v_1^1(t) + m_1^1(t)] + [v_1(t) + m_1(t)] + [v_2(t) + m_2(t)] + [v_2^1(t) + m_2^1(t)]$,

или $(A_2+B_2+D_2) = [(B_1+D_1) + (B_1^1+D_1^1) + (B_2+D_2) + (B_2^1+D_2^1)] - [K(t) + (A_2^1+B_2^1+D_2^1)]$.

Это условие наиболее отчетливо выражает влияние военного производства на расширенное воспроизводство. Оно показывает, что гражданская продукция второго подразделения меньше суммарных доходов рабочих и их работодателей на стоимость конечной военной продукции и совокупную величину накопления постоянного капитала.

На основании анализа динамической модели расширенного воспроизводства (7) можно сделать следующие замечания.

Во-первых, современное расширенное общественное воспроизводство с крупным военным сектором экономики характеризуется более сложными взаимосвязями в отдельных частях общественного продукта.

Во-вторых, представляется возможность варьирования темпов изменения накопления и потребления в военном и гражданском секторах экономики.

В-третьих, расширение военного производства осуществляется за счет сокращения гражданского потребления и накопления. Так, в выражении при $\Delta K(t)$ в уравнении (7), определяющей долю прироста накопления постоянного капитала, связь между величиной средств производства в гражданском секторе первого

подразделения **(A_1)** и величиной постоянного капитала военной подсистемы первого подразделения **(A_1^1)** носит характер линейной зависимости с отрицательным коэффициентом линейности.

Поэтому мы сможем утверждать, что расширение военного производства возможно только при сокращении относительных, а за определенными пределами и абсолютных масштабов мирного потребления и накопления.

Потребленные в военных целях материальные и людские ресурсы, будучи изъятыми из сферы производства средств производства, ограничивают возможности прироста капиталовложений в промышленность, вызывая так называемое явление «военной перегрузки» материальных ресурсов расширенного воспроизводства. Важно отметить, что сокращение капиталовложений происходит в условиях избытка денежного капитала, возникающего на базе высоких военных прибылей. Дело в том, что полученные высокие прибыли не могут быть использованы в полной мере для расширение производства. Для того чтобы деньги (накопленную в виде денег прибавочную стоимость) можно было превратить в элементы производительного капитала, они должны продаваться на рынке как товар; они оплачиваются лишь после того, как в них уже осуществлено действительное воспроизводство в расширенных масштабах [1].

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, Партиздат, 1935. С. 29.
[2] “Budget of the United States Gowernment, Historical Tables”, annual, 2011.
[3] *Корниенко А.А*. К критике современных теорий милитаризации. М., 1960.
[4] *Далин А.А*. Военно-государственный монополистический капитализм США. М., 1961.
[5] *Аврамчук Ф., Вальсевич* Ю. Милитаризация экономики и обострение противоречий империализма. М., 1962.
[6] Военно-экономические вопросы в курсе политэкономии. М., 1968.
[7] *Бурлаков М.И*. Военное потребление и капиталистическое воспроизводство. М., 1969. С. 91.
[8] *Фарамазян Р.А*. США: милитаризм и экономика. М., 1970.
[9] *Марзини К., Перло В*. Доллары и проблема разоружения. М., 1961.
[10] *Перло В*. Милитаризация и промышленность. М., 1963.
[11] *Хитч Ч., Маккин Р*. Военная экономика в ядерный век. М., 1964.
[12] *Hansen A*. The American Economy. New York, 1957.
[13] Политическая экономия монополистического капитализма. М., 1972. С. 30. Т.2.
[14] *Дадаян В.С*. Математика в экономике. М.: Наука, 1965.
[15] *Варданян Г.А*. Военная экономика и современное капиталистическое воспроизводство, «Ленинян угиов», (на арм. яз.), Орган ЦК КП Армении. Ер., 1973, № 7.
[16] *Покровский А.И*. Французская буржуазная политическая экономия. М., 1961.
[17] *Иноземцев В*. Постамериканский мир: мечта дилетантов и непростая реальность. МЭМО, 2008, № 1.

Ամփոփում

2000 թվականների սկզբին զարգացած երկրներում, և, առաջին հերթին, ԱՄՆ-ում առաջացած տնտեսական ցնցումների հիմնական պատճառը հանդիսանում է տնտեսության նյութական ռեսուրսների «ռազմական գերբեռնվածությունը», որը պետք է դիտվի որպես տնտեսության ռազմայնացման օրինաչափ դրսևորում՝ գլոբալ համաշխարհային տնտեսական ճգնաժամի դարաշրջանում: Ռազմայնացման երկարաժամկետ ներգործությունը հանրային ընդլայնված վերարտադրության պրոցեսի վրա արտահայտվում է, վերջին հաշվով, հիմնական կապիտալի նորացման տեմպերի վրա, որոնք դանդաղում են՝ լինելով ուղղակի կախման մեջ ռազմական ծախսերի աճից:

Հանրային վերարտադրության վերացական սխեմաների կոնկրետացմանն պատակով **I** և **II** ստորաբաժանումների սահմաններում պետք է առանձնացնել ռազմական արտադրության երկու ենթահամակարգ՝ արտադրամիջոցների արտադրություն պատրաստի ռազմական արտադրանքի թողարկման համար (**I** ստորաբաժանման ռազմական ենթահամակարգ) և ռազմական վերջնական արտադրանքի արտադրություն (**II** ստորաբաժանման ռազմական ենթահամակարգ): Այսպիսի մոտեցումը հնարավորություն է տալիս դիտարկել հանրային վերարտադրությունը որպես միասնական տնտեսական համակարգ և արտացոլել տնտեսության ռազմական և քաղաքացիական սեկտորների միջև գոյություն ունեցող փոխադարձ կապերը:

Հոդվածի մեջ դուրս է բերված ընդլայնված վերարտադրության մոդելը՝ հաշվի առնելով տնտեսության ռազմական սեկտորը: Այն հնարավորություն է տալիս սահմանելու, մի կողմից՝ արտադրամիջոցների, մյուս կողմից՝ **II** ստորաբաժանման արտադրամիջոցների և արտադրանքի կուտակման աճի միջև գոյություն ունեցող կապը: Մոդելը հնարավորություն է տալիս փոփոխել կուտակումների փոփոխությունների տեմպերը տնտեսության քաղաքացիական և ռազմական սեկտորներում:

Summary

One of the main causes of the economic turmoil in the developed countries and, above all, in the U.S. in early 2000 is a “military overload” the material resources of the economy, which should be viewed as a natural manifestation of militarization in the era of the global world economic crisis. Long-term impact on the process of militarization of the extended public reproduction effect, ultimately, the rate of renewal of fixed capital, which slowed down in a straight depending on the growth of military expenditures.

To concretize the abstract patterns of social reproduction within the Departments **I** and **II** is necessary to select subsystems for military production – production of capital goods for the manufacture of finished military goods (military unit system **I**) and the production of military end-products (Subsystem **II** military units). This approach allows the consideration of social reproduction as a single economic system and to identify the relationship between military and civilian sectors of the economy. In this study derived a dynamic model of expanded reproduction in view of the military sector of the economy. It allows establishing a connection between the means of production on the one hand, and increasing the accumulation of capital goods and products in Department **II** – on the other. This model shows the possibility of varying the rate of change of accumulation and consumption in the military and civilian sectors of the economy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аветисян П.С. – проректор по науке РАУ, д.ф.н.

Айрапетян А.Г. – аспирант РАУ

Акопян И. – соискатель РАУ

Вардазарян С.Р. – зав.каф.. кафедрой культурологии РАУ, к.философ. н., доцент

Варданян Г.А. – ст.научный сотрудник ВАК РФ, к.э.н.

Егиазарян А.А. – доцент Армянского государственного экономического университета, к.э.н.

Карташевич И.С. – аспирант АлтГПА

Мирумян К.А. – д.филос. н., профессор

Мирумян Р. А. – д.филос. н., профессор

Монета М.Г. – аспирант РАУ

Сагателян С. – преподаватель ЕГУ

Սարդարյան Ա.Հ. – преподаватель РАУ, к.ю.н.

Torosyan H. – аспирант РАУ

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила для авторов журнала «Вестник» РАУ

Журнал печатает оригинальные статьи по различным направлениям гуманитарных и общественных наук.

• К рассмотрению принимаются статьи на русском, армянском или английском языках.

• Статьи должны быть представлены в жесткой и электронной форме.

• К материалам статьи прилагается Договор с издательством РАУ, подписанный одним (ответственным) автором (оформляется в одном экземпляре).

• Статья должна иметь направление от учреждения, в котором выполнена работа. Рукопись подписывается автором (соавторами) с указанием фамилии, имени, отчества, домашнего адреса, места работы, номеров телефонов и e-mail. Необходимо указать, с кем вести переговоры и переписку. Авторы могут предложить возможных рецензентов. Отклоненные статьи не возвращаются.

Перед текстом статьи указываются:

– название статьи;

– инициалы и фамилии авторов (для иностранных авторов на языке оригинала или на английском языке);

– название учреждения (без сокращений и аббревиатур), которое направляет статью, его адрес (город, страна);

– e-mail авторов и контактный телефон.

Далее помещается аннотация объемом не более 0.5 машинописной страницы, которая не должна дублировать вводный или заключительный разделы. Аннотация не должна содержать литературных ссылок и аббревиатур. В конце аннотации указываются ключевые слова (keywords). Требуется также аннотация на английском, армянском (или русском) языке.

Адрес редакции:
0051, г.Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
Российско-Армянский (Славянский) университет,
тел/факс: (+374 10) 27-70-52, 26-11-95

Отпечатано в типографии: «Пайлун»
0012 г. Ереван, ул. Адонца 14, корп. 7
Эл. сайт: www.payloon.am
Эл. почта: payloon@payloon.am
тел.: (+374 10) 23-08-90
факс: (+374 10) 29-70-90